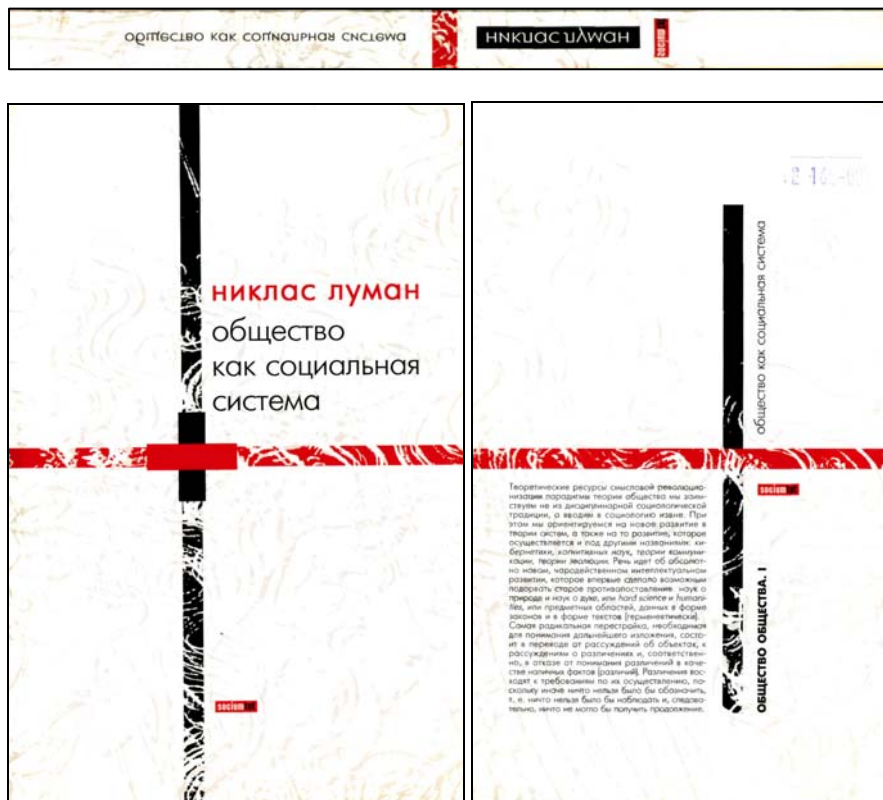

Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Иср# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - вверху update 23.12.06

**GESELLSCHAFT DER GESELLSCHAFT. I
ОБЩЕСТВО ОБЩЕСТВА. I
НИКЛАС ЛУМАН
ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА**
ЛОГОС Москва 2004

ББК 60.5 Л 85

Перевод с немецкого - А. Антоновский

Редакция перевода - А. Круглое

Редактор - О. Никифоров

Луман Н. Л 85 Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство "Логос". 2004. - 232 с. "Общество общества" Никласа Лумана - всеобъемлющее социологическое исследование *общества как системы*. Выработанная этим классиком современной социологии теория всесторонне и обоснованно описывает процесс возникновения Мирового Общества в качестве осевого для социального развития западной цивилизации как таковой. Используя такие универсальные - как для естественных, так и для социальных наук - ключевые понятия как *аутопойесис, бифуркация, биологическая эволюция, хаос, система* и *функция, информация* и *коммуникация*, Луман описывает динамику эволюционирования всех важнейших сфер социальности: Право и Политику, Науку и Образование, Религию и Искусство, Экономику и Любовь.

Издание осуществлено при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Германия)

ISBN 5-8163-0061-x

Печатается по изданию: Luhmann, Niklas. Die Gesellschaft der Gesellschaft. (I.1 Gesellschaft als soziales System (S. 11-189)) © Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1997

© Перевод, статья - А. Антоновский.

© Издательство "Логос" (Москва), 2004 (рус. изд.; серия).

© Редактура-указанные редакторы.

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
СОДЕРЖАНИЕ:	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I. ОБЩЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ	8
ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ И ГЛ. I:	16
II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	19
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. II:	22
III. СМЫСЛ	23
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. III:	31
IV. РАЗЛИЧЕНИЕ СИСТЕМЫ И ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА	32
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IV:	41
V. ОБЩЕСТВО КАК ВСЕОХВАТЫВАЮЩАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА	42
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. V:	49
VI. ОПЕРАТИВНАЯ ЗАМКНУТОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ СОПРЯЖЕНИЯ	50
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VI:	64
VII. ПОЗНАНИЕ	66
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VII:	69
VIII. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	70
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VIII:	73
IX. КОМПЛЕКСНОСТЬ	74
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IX:	78
X. МИРОВОЕ ОБЩЕСТВО	79
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. X:	91
XI. ПРИТЯЗАНИЯ НА РАЦИОНАЛЬНОСТЬ	94
ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XI:	103
<i>Александр Антоновский. НИКЛАС ЛУМАН:</i>	
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА	104
1. ПОРЯДОК ИЗ ПАРАДОКСА - ОСНОВНОЙ ВОПРОС СОЦИОЛОГИИ	104
2. СТРУКТУРА КОММУНИКАЦИИ: ИНФОРМАЦИЯ/СООБЩЕНИЕ, ИНОРЕФЕРЕНЦИЯ/САМОРЕФЕРЕНЦИЯ	105
3. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ ЛУМАНА	107
3.1 Системная рекурсивность и системная замкнутость	107
3.2. Повторное вхождение (re-entry) и его нейрофизиологическая интерпретация	108
Рис.1	109
Рис.2	109
4. АУТОПОЙЕЗИС. ПРОИЗВОДСТВО И КОНДЕНСАЦИЯ "СОБСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ" ..	110
4.1 Аутопойезис коммуникации	111
5. ЯЗЫКОВОЕ КОДИРОВАНИЕ И ЕГО БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	111
5.1. Эволюция эволюции и возникновение языкового кодирования	111
5.4 Биологический генезис языкового кодирования коммуникации	112
6. ДВОЙНАЯ КОНТИНГЕНЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП	113
6.1 Социальный порядок и девиантность	115
ПРИМЕЧАНИЯ:	116

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ: <i>ОБЩЕСТВО ОБЩЕСТВА</i>	7
<i>ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА</i>	
I. ОБЩЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ.....	15
II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	36
III. СМЫСЛ.....	45
IV. РАЗЛИЧЕНИЕ СИСТЕМЫ И ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА....	63
V. ОБЩЕСТВО КАК ВСЕОХВАТЫВАЮЩАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА.....	83
VI. ОПЕРАТИВНАЯ ЗАМКНУТОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ СОПРЯЖЕНИЯ.....	98
VII. ПОЗНАНИЕ.....	130
VIII. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.....	138
IX. КОМПЛЕКСНОСТЬ.....	145
X. МИРОВОЕ ОБЩЕСТВО.....	157
XI. ПРИТЯЖАНИЯ НА РАЦИОНАЛЬНОСТЬ.....	186
<i>Послесловие переводчика: «НИКЛАС ЛУМАН: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА».....</i>	<i>208</i>
То, что не может быть представляемо через другое, должно быть представляемо само через себя. <i>Б. Спиноза</i> . Этика, ч. 1, аксиома 2.	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я начал работу на основном в 1969 году социологическом факультете университета города Билефельд, от меня потребовали назвать разрабатываемые мной исследовательские проекты. С того времени и до сих пор мой проект именуется теорией общества; время осуществления - тридцать лет; издержки - отсутствуют. Трудности проекта в том, что касалось времени его осуществления, были оценены реалистично. В то время состояние социологической литературы давало мало оснований для того, чтобы вообще считать подобный проект возможным. Не в последнюю очередь это имело место потому, что притязания теории общества блокировали неомарксистские установки. Книга, содержащая дискуссии с Юргеном Хабермасом и опубликованная вскоре после этого, носила название "Теория общества или социальная технология: к каким результатам ведет системное исследование?". Ирония этого названия состояла в том, что оба автора не очень-то хотели вступаться за социальную технологию, но они расходились в мнении о том, *как* должна выглядеть теория общества; и симптоматическое значение имело то, что место теории общества в публичном восприятии поначалу заняла не теория, а контрверза.

С самого начала задумывалось, что публикация этой теории общества должна была состоять из трех частей: вводной системно-теоретической главы, описания системы общества и, наконец, третьей части, изображающей важнейшие функциональные системы общества. Основа этого концепта осталась неизменной, но представления об объеме пришлось многократно корректировать. В 1984 году мне удалось опубликовать "Вводную главу" в форме книги под названием "Социальные системы: очерк всеобщей теории". По сути, речь шла о попытке при-

8 Никлас Луман

менить концепцию само-референциального типа операций к теории социальных систем. Здесь не произошло сколько-нибудь существенных изменений, хотя прогресс в области теории систем и теоретико-познавательного конструктивизма предлагает все новые и новые возможности для дальнейших разработок. Некоторые статьи на эту тему публиковались в сборниках под заголовком "Социологическое просвещение". Другие же существуют лишь в форме манускриптов или же вошли в первую часть настоящей публикации.

С начала восьмидесятых годов двадцатого века становилось все более ясно, какое значение для теории общества имеет *сравнимость* функциональных систем. Уже в теоретической конструкции Толкотта Парсонса это являлось основной идеей. Теоретическое значение такого сравнения еще более возросло, когда пришлось признать невозможность успешной дедукции понятия общества из одного принципа или одной основополагающей нормы - будь это старомодное обращение к справедливости, к солидарности или же к разумному консенсусу. Ведь даже и те, кто не признавали или нарушали подобные принципы, все-таки принимали участие в общественных операциях, да и само общество должно было учитывать такую возможность. С другой стороны, ни в коем случае нельзя списывать на случай возможность проявления того, что такие весьма гетерогенные функциональные области, как наука и право, экономика и политика, средства массовой информации и интимные отношения, выказывают сравнимые структуры; уже хотя бы потому, что их от-дифференциация (*Ausdifferenzierung*) требует образования систем. Но можно ли все это продемонстрировать? Парсонс попытался это обосновать с помощью аналитики понятия действия. Если разработка этой идеи не убеждает, то остается всего лишь одна возможность: разработать теории для отдельных функциональных систем и при этом попытаться выяснить, можно ли, несмотря на все разнообразие предметных областей, работать с одним и тем же понятийным аппаратом, например, с понятиями аутопойезиса и оперативной замкнутости, наблюдения первого и второго порядка, самоописания, медиума и формы, кодирования и, ортогонально к этому, с

Предисловие: Общество общества 9

понятиями различения само-референции и ино-референции как внутренней структуры.

Это соображение потребовало разработки теорий для отдельных

функциональных систем. С тех пор опубликованы: "Хозяйство общества" (1988), "Наука общества" (1990), "Право общества" (1993) и "Искусство общества" (1995). Вскоре должны последовать и другие тексты этого рода. Тем временем продвигалась и работа над теорией системы общества. Многие тысячи страниц манускриптов отчасти возникали как тексты к лекциям и не принимали форму публикаций. Потом моя бывшая секретарша ушла на пенсию, и в течении многих месяцев ее место было вакантным. В этой ситуации университет города Лечче предоставил мне возможность работать. И я сбежал с моим проектом и манускриптами в Италию. Там и возникла краткая редакция теории общества, которая после многократных переработок и перевода на итальянский язык в настоящее время опубликована для университетского пользования (*Luhmann, N., De Giorgi, R. Teoria della societa. Milano, 1992*). Появившийся в то время манускрипт образвал основу для подготовки обширного немецкого издания, которое я, вновь обеспеченный секретариатом, смог форсировать в Билефельде. Опубликованный здесь текст и есть результат этой истории, изобилующей поворотами и изменениями.

Лежащая в его основе системная референция является самой *системой общества* - в ее отличии от всех социальных систем, которые образуются в обществе в процессе протекания общественных операций; то есть в отличие от общественных функциональных систем, а также и от систем интеракций, систем организаций и социальных движений, которые все вместе предполагают предварительное конституирование системы общества. Поэтому центральный вопрос состоит в том, какую операцию производит и воспроизводит эта система в каждом ее проявлении. Ответ на это выработан во второй¹ главе и гласит: *коммуникацию*. Это отношение следует мыслить круговым образом: общество немисливо без коммуникации, но и коммуникация немислива без общества. Поэтому на вопросы генезиса и морфогенеза нельзя отвечать исходя из гипотезы перво-

10 Никлас Луман

начала, да и тезис о подлинной социальной природе "человека" скорее закрывает, чем разрешает эти вопросы. Ответ на них будет дан в третьей главе, в специально нацеленной на это теории *эволюции*.

Тезис самовоспроизводства через коммуникацию постулирует четкие границы между системой и ее внешним миром. Воспроизводство коммуникаций из коммуникаций имеет место в обществе. Все другие физические, химические, органические, нейрофизиологические и ментальные условия относятся к окружающему миру. Общество может менять *их* друг на друга в границах своих собственных операционных возможностей. Так, никакой конкретный человек не является необходимым для общества. Но тем самым мы вовсе не утверждаем, что коммуникация была бы возможной вне сознания, вне *мозга*, функционирующего благодаря кровеносной системе, вне жизни и вне подходящего климата.

Все системные образования в рамках общества, в свою очередь, от него зависят, а иначе нельзя было бы сказать, что они осуществляются в обществе. Вместе с тем, это означает и то, что внутриобщественные системные образования не могут подсоединяться к составляющим частям окружающего мира. Это относится уже к сегментарной дифференциации, охватывает все промежуточные ступени и особенно важно для функциональной дифференциации. Во внешнем мире системы общества не существует никаких семей, никакой аристократии, никакой политики или экономики. Четвертая глава, в которой идет речь о *дифференциации*, учитывает это отсутствие внешних опор и проясняет то обстоятельство, что внутренние дифференциации одновременно служат для от-дифференциации системы общества.

Понятие коммуникации содержит гипотезу о рефлексивной самоотнесенности. В коммуникации всегда коммуницируют и о самой коммуникации. Она способна ретроспективно корректировать себя или оспаривать, будто в ней подразумевали нечто, что таковым лишь представлялось или казалось. Она может интерпретироваться другой коммуникацией в границах значений от достоверности до неправдоподобности. Но она все-

Предисловие: Общество общества 11

гда предполагает - пусть даже и краткосрочную - память, которая практически исключает утверждения, будто бы она вообще не имела места. В этом случае

ретроспективно возникают нормы и оправдывающие обстоятельства, требования такта и контрафактического игнорирования, с помощью которых коммуникация сама очищает себя от возможных возмущающих воздействий.

Это могло бы быть причиной того, что, видимо, не существует общества, не заботящегося о тематическом отнесении коммуникации к системе общества как рамочному условию своей собственной возможности, как постоянно подразумеваемому единству связи коммуникаций. Из этого часто заключали (к примеру, Парсонс) о необходимости основополагающего консенсуса, "shared values"ⁱⁱⁱ или нетематизируемых "жизненно-мировых" согласованностей. Нам же достаточно упрощенной концепции самоописания, которая включает в себя еще и случай наличия глубинного разногласия и его обсуждения в коммуникации. Теория *самоописания* и ее исторические вариации представлены в пятой главе.

Благодаря концепции системы, описывающей себя саму и содержащей в себе свои собственные описания, мы оказываемся на логически неосвоенной территории. Общество, которое описывает само себя, совершает это внутри себя, но так, как будто бы это осуществляется извне. Оно наблюдает само себя как некий предмет своего собственного познания, однако в процессе операций оно не способно заставить само наблюдение влиться в данный предмет, поскольку это бы его изменило и потребовало бы другого наблюдения. Вопрос о том, наблюдает ли оно себя изнутри или извне, общество вынуждено оставлять открытым. Если же оно и пытается об этом поведать, то наталкивается на парадоксальную идентичность. Выход из этого тупика, обнаруженный социологией, стилизовался под "критику" общества. Фактически же это вылилось в беспрестанное переописание описаний, постоянное введение новых метафор или новое обращение к старым метафорам, то есть "redescriptions" в смысле Мэри Хесс. Тем не менее, оказалось возможным достичь нового понимания, хотя методологически

12 Никлас Луман

закаленные исследователи не признали бы его "объяснением". Предложенный здесь текст сам является попыткой коммуникации. Он сам прилагает усилия по описанию общества с полным пониманием очерченных затруднений. Если коммуникация теории общества оказывается коммуникативно успешной, она изменяет описание ее предмета и, тем самым, предмет, вбирающий в себя это описание. И чтобы сразу указать на это, заглавие этой работы обрело формулу "Общество общества".

ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

I. ОБЩЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Предлагаемые исследования касаются социальной системы современного общества. Такой замысел (и учитывать это нужно в первую очередь) актуализирует круговое отношение к его предмету. С одной стороны, не является изначально установленным то, о каком предмете идет речь. Со словом "общество" не связано однозначного представления. Даже то, что обычно обозначают как "социальное", не имеет никакой однозначно-объективной референции. С другой стороны, попытку описания общества невозможно осуществить вне общества. В ней используется коммуникация. Эта попытка активизирует социальные отношения. В обществе она подвергается наблюдению. Как бы не определяли предмет, само определение уже является одной из операций этого предмета. Описанное осуществляет описание. В процессе описания оно, следовательно, должно описывать в том числе и себя. Свой предмет оно должно понимать как описывающий сам себя. С помощью формулировки, проистекающей из логического анализа лингвистики, можно было бы сказать и то, что всякая теория общества должна выказывать "автологическую" компоненту¹. Тот, кто исходя из научно-теоретических оснований считает необходимым это запретить, должен отказаться и от теории общества, и от лингвистики, и от многих других тематических областей. Классическая социология пыталась утвердиться как наука о социальных фактах, понимавшихся как то, что отлично от чистых мнений, оценок, идеологических предубежденностей. В рамках этого различения она остается незабываемой. Проблема, однако, состоит в том, что и констатация фактов может являться миру лишь в виде фактов. И, значит, социология должна была бы учитывать и свою собственную фактуальность. Это требование относится ко всей ее области исследований и не может быть удовлетворено лишь особым интересом к "социологии социологии". Как теперь известно, это требование взрывает предпосылки двузначной логики². При выборе ограниченного числа исследовательских тем это может

16

оставаться без внимания с прагматической точки зрения. Исследователь понимает себя самого как субъекта за пределами его темы. Однако в области теории общества это понимание обосновано, ведь работа над подобной теорией требует вовлечения в само-референциальные операции. Оно может коммуницироваться лишь в рамках системы общества.

До сих пор социология не ставила эту проблему с надлежащей строгостью и последовательностью. Поэтому она и не могла предложить никакой сколько-нибудь удовлетворительной теории общества. В конце XIX столетия всякое вовлечение описания общества в предмет этого описания следовало воспринимать как "идеологию" и на этом основании "отклонять". Академическое становление социологии в царстве строгих наук было на этой основе немыслимым. Многие даже полагали, будто бы поэтому нужно было отказаться и от понятия общества и ограничиться строго формальным анализом социальных отношений³. Казалось, что для маркирования исследовательских интересов социологии было бы достаточно такой понятийности различий, как индивидуализация и дифференциация. Другие, прежде всего, Дюркгейм, считали осуществимой строго позитивную науку о "социальных фактах" и об обществе как условии их возможностей. Остальные же довольствовались различием между естественными науками и науками о духе, а также исторической релятивизацией всех описаний общества. Несмотря на отдельные различия, в общем виде все признавали, исходя из теоретико-познавательных оснований, зависимость от различия между субъектом и объектом и, соответственно, могли выбирать здесь лишь между наивной сциентистской или трансцендентально-теоретической рефлексивной позицией.

Многие странности теперь уже классических социологий следует связывать с ограниченностью этой схемы выбора и с попытками все-таки выполнить свою задачу. Это относится к удивительной связи трансцендентализма и социальной психологии, обнаруживающейся у Георга Зиммеля. Это относится к

заимствованному у неокантианства ценностно-теоретическому понятию действия Макса Вебера. Это касается и требования

17

"трансцендентальной теории общества" Шельского, которую было бы невозможно сформулировать с помощью нормальных эмпирических методов, которая, однако, при помощи понятия "трансцендентального" была связана с отдельным субъектом и на этом остановилась⁴. Во всяком случае, эти позиции сегодня интересны лишь для экзегезы классиков. Но вопреки этой бесспорной связи с субъект-объектной схемой и вопреки возникшей из-за этого неразрешимой проблеме с ее предметом классическая социология предложила пока единственное описание общества. Возможно, именно это лучше всего объясняет то устойчивое очарование, которое еще и сегодня исходит от социологической классики и которое в строгом смысле превратило их в тексты, кажущиеся вневременными. Почти все теоретические усилия сегодня обращены к прошлому и его реконструкции. Поэтому надо задать себе вопрос о том, как такой успех стал возможен.

Без признания кругового отношения к предмету! И это установлено твердо. Решение, которое классикам одновременно закрывало проблему, состояло в исторической самолокализации, то есть в разложении круга посредством внесения исторической дифференции, в которой теория могла исторически (но именно: лишь исторически) саму себя зафиксировать. Возникающая социология реагирует на структурные и семантические проблемы, ставшие очевидными в XIX столетии, и сознает это. Даже и там, где ее понятия формулируются абстрактно, свою убедительность они черпают в исторической ситуации. Нужно было признать потерю доверия к прогрессу и заменить предпосылку позитивного развития (при всех его издержках) структурным анализом и, прежде всего, анализом социальной дифференциации, организационных зависимостей, ролевых структур. Тем самым стал возможным отказ от направленного на экономику ("политэкономического") понятия общества, значение которого утверждалось, начиная с последних десятилетий восемнадцатого столетия. Это обнажает контроверзу между сторонниками скорее материальной (экономической) и скорее духовной (культурной) детерминациями общества. Вместе с тем, положение индивида в современном обществе становится

18

ся центральной проблемой - в известной степени референтной проблемой, исходя из которой общество в его целостности можно подвергнуть скептическим оценкам и уже не рассматривать как безоговорочно прогрессивное. Такие понятия, как "социализация" и "роль", маркируют потребность в теоретическом опосредовании между "индивидом" и "обществом". Наряду с исторической дифференцией это различие "индивида" и "общества" берет на себя и функцию носителя теории. Однако здесь, как и в случае с историей, невозможно ставить вопрос о единстве различения. Вопрос о том, что же является историей, методологически запрещен⁵, а проблема того, что же является единством дифференции индивидуума и общества, даже и не распознается как проблема, ибо вместе со всей предшествующей традицией продолжают исходить из того, что общество будто бы состоит из индивидов. И это тоже является базой "критического" анализа общества, который никак не "деконструировать" постановкой вопроса о единстве дифференции индивидуума и общества. У Макса Вебера, наконец, этот скепсис, ставший возможным именно в силу такой теоретической установки, доходит до критики современного ему западного рационализма. Пожалуй, можно вспомнить и о том, что одновременно с этим появляется литература, показывающая, что ни в обществе, ни вне его современный индивид не может найти надежного основания для самонаблюдения, самореализации или -как бы модно это не звучало - для его "идентичности". Здесь можно вспомнить о Флобере, о Малларме, Генри Адамсе или Антонине Арто, - если называть лишь некоторые имена⁶.

Начиная с классиков, то есть вот уже, примерно, 100 лет, в общественной теории социология не сделала никаких успехов, достойных упоминания. Следуя в русле идеологических сражений девятнадцатого века, которых, собственно, стремились избежать, парадоксы коммуникации *об* обществе *в* обществе разлагали на теоретические контроверзы при помощи таких формул, как

структурное/процессуальное, господство/конфликт, подтверждающее/критическое или даже консервативное/прогрессивное⁷. Поскольку, однако, утверждение собственной позиции внутри подобных "фреймов" требует размежевания с

19
противоположной позицией, а значит, включения исключенного, то и выбор собственной, а не другой стороны оставался зараженным тем или иным парадоксом, а форма развертывания парадокса через контрверзы могла убеждать лишь постольку, поскольку ей можно было придать какой-либо политический смысл. Однако в силу собственной динамики политической системы это удается осуществить все с меньшей убедительностью, даже если эту игру и продолжают интеллектуалы. В других областях социология, бесспорно, добилась многих методологических и теоретических успехов и, более всего, в отношении накопления эмпирического знания, однако она словно обходила стороной описание общества в целом. Предположительно, это было связано с взятыми ею на себя обязательствами соблюдать субъект-объектное различие. Существуют, правда, специальные исследования о "социологии социологии", а недавно появилась и своего рода "рефлексивная" социология науки⁸. В этой связи всплывают проблемы само-референции, однако они изолируются словно специальные феномены и рассматриваются как странности или как методологические затруднения. То же самое относится и к фигуре "self-fulfilling prophecy"ⁱⁱⁱ.

Единственная имеющаяся ныне в наличии систематическая социологическая теория была разработана Толкоттом Парсонсом как всеобщая теория системы действия. Ее рекомендуют в качестве кодификации классического знания и разработки понятийного понимания действия с помощью методологии перекрестной табуляции. Однако именно она оставляет открытым очерченный здесь вопрос о когнитивной самоимпликации, ибо она ничего не утверждает о степени конгруэнтности аналитической понятийности и реального системообразования. Она лишь постулирует "аналитический реализм" и, тем самым, редуцирует проблему самоимпликации к парадоксальной формуле. Она не учитывает того, что познание социальных систем зависит от социальных условий не только благодаря своему предмету, но уже и в силу того, что само является познанием; равно как и в силу того, что процесс познания (или процесс определения, или процесс анализа) действий уже и сам являет-

20 Никлас Луман

ся действием. Как следствие, сам Парсонс во многих фрагментах своей собственной теории не продвинулся ни на шаг. И именно здесь, в конечном счете, могла бы лежать причина того, почему теория в систематической форме не может различать между социальной системой и обществом, но высказывается о современном обществе лишь в импрессионистской, лишь в более или менее фельетонной^{iv} форме⁹.

В течение долгой истории описание социальной жизни человека (применительно к более древним временам нельзя без оговорок говорить об "обществе") ориентировалось на идеи, которые не удовлетворялись наличной действительностью. Это характеризовало старую европейскую традицию с ее этосом природного совершенства человека и с ее усилиями по воспитанию и прощению грехов. Но это же относится и к современной Европе, к Просвещению и к его двуличному божеству разума и критики. Даже в двадцатом столетии это сознание недостаточности продолжает быть активным (вспомним Гуссерля или Хабермаса) и сопрягается с идеей модерна. Даже Рихард Мюнх все еще считает эту ориентированность на напряженное отношение разума и действительности одной из основных черт модерна и объяснением его своеобразной динамики¹⁰. Между тем смысл возникающих проблем сместился от идей к самой реальности; *и только теперь возникла потребность в социологии*. Ведь однажды нужно было понять, в первую очередь, то, почему общество создает для самого себя столько проблем, если, конечно, полностью отвлечься от того, что они совершенствуются как идеи (больше солидарности, эмансипации, разумного взаимопонимания, социальной интеграции и т. д.). Свое отношение к обществу социология должна была бы постигать как такое отношение, которое состоит в обучении, а не в поучении. Предлежащие проблемы она должна была бы анализировать, в некоторых обстоятельствах - вытеснять, а в некоторых - преобразовать в неразрешимые

проблемы, даже и не обладая знанием того, каким образом можно было бы все-таки предлагать "научно проверенные" решения. Для всего этого требовалось теоретически фундированное описание современного общества.

Если социология должна признать, что до сих пор она не

I. Общественная теория социологии 21

сформулировала общественную теорию такого типа, то как может она объяснить свою неспособность выполнить задачу, однозначно входящую в ее предмет и столь важную для ее общественного признания?

Безусловно, напрашивается мысль о необъятной комплексности общества и об отсутствии подходящей методологии для обращения с высоко-комплексными и дифференцированными системами (с так называемой "организованной комплексностью"). Этот аргумент приобретает еще большую важность, если требуется учитывать, что описание системы является ее частью, а также, что может иметься много подобных описаний. Применительно к "сверхкомплексным" системам этого вида особенно непригодной является конвенциональная методология, которая исходит либо из очень малозначимых связей, либо из условий применения статистического анализа. Но этот аргумент должен был бы настаивать на отказе от теории общества и на обращении, прежде всего, к методологии исследований высоко-комплексных или даже сверхкомплексных систем. Однако этим занимаются вот уже скоро 50 лет", начиная с открытия этой методологической проблемы, и пока - без особого успеха.

Рассуждая по-другому, можно было бы воспользоваться одним из понятий Гастона Башляра - понятием "obstacles épistémologiques"^v. Под этим понимается бремя традиции, препятствующее адекватному научному анализу и порождающее ожидания, которые не могут быть реализованы, но которые, однако, вопреки этой их очевидной слабости, нельзя и заменить¹². Традиция, если можно так сказать, отвечала на естественные вопросы и поэтому в основной своей части давала убедительные ответы. В научной эволюции на место этих вопросов, напротив, заступают зависимые от теории научные проблемы, о решении которых можно судить только лишь в научном контексте. В ретроспективном рассмотрении основное идейное содержание этих "эпистемологических препятствий" обладает слишком незначительной комплексностью; они переоценивают самих себя и приводят к унификации предметной области - унификации, которая, в конце уже не убеждает. И не только ответы, которые теперь следует искать, становятся более

22 Никлас Луман

тяжелыми (содержащими больше предпосылок, более невероятными, менее убедительными), но, кроме того, и уже существующие вопросы и ответы превращаются в препятствия на пути дальнейшего развития, которое должно найти обходной путь через невероятные очевидности.

Такие блокировки познания обнаруживаются в господствующем ныне понимании общества в форме многократно переплетенных, взаимно подкрепляющих предположений, а именно, в предположениях, что:

- общество состоит из конкретных людей и из отношений между людьми¹³;
- общество, следовательно, конституируется, или хотя бы интегрируется благодаря консенсусу между людьми, благодаря согласованию их мнений и дополнительности их целеустановок;
- общества будто бы являются региональными, территориально-ограниченными единицами, так что Бразилия представляет собой какое-то другое общество, нежели Таиланд, а США - является иным, отличным от России обществом, но тогда и Парагвай, конечно, является обществом, отличным от Уругвая;
- поэтому такие общества, как группы людей или как территории, можно наблюдать извне.

Первые три гипотезы препятствуют точному понятийному определению предмета общества. Традиция описывала человека (в его противоположность животному) с помощью различий (таких, как разум, рассудок, воля, сила воображение, чувство, нравственность), которые перерабатывались как идейное предание, однако не специфицировались ни эмпирически, ни с точки зрения типа протекания их операций. Эти различия казались достаточными для взаимного прояснения позиций, однако они не допускали прояснения их нейрофизиологических оснований¹⁴. И, тем более, эти "антропологические"

понятия не давали возможности связывать с ними различие *психического/социального*. Но если отказаться от этих различий и вместо этого учитывать лишь научные и эмпирические воз-

I. Общественная теория социологии 23

можности обозначений, то трудности возрастают. Проблематизация человеческой индивидуальности в своеобразии ассоциаций и чувственных образованиях отдельного человека начинается с середины восемнадцатого столетия¹⁵, то есть явно до начала индустриальной революции. При этом рушится обогащенная традицией космологическая позиция человека в рамках некоторого порядка, который определял его ранг и образ жизни, а вместо этого отношение индивида и общества становится проблемой. Как бы не развивали традиционные понятия, в особенности, понятие "разума", все-таки было очевидно, что не все индивидуальные особенности человека (если вообще что-то в нем) принадлежат обществу. Общество не весит столько же, сколько весят все вместе взятые индивиды, и не меняет свой вес с каждым рождением и каждой смертью отдельного индивида. Оно и не воспроизводится благодаря тому, что макромолекулы в отдельных клетках человека или клетки в организмах отдельных людей замещают друг друга. Оно, следовательно, не живет. Даже и необходимые для сознания нейрофизиологические процессы в мозге никем серьезно не рассматриваются как общественные процессы, и то же самое относится ко всему тому, что проигрывается в сфере актуального внимания отдельного сознания в виде восприятий и последовательности мыслей. Георг Зиммель, который выводил эту проблему из современного индивидуализма, в этой ситуации предпочел скорее пожертвовать понятием общества, нежели социологическим интересом к индивидам. Понятие агрегата (так представлялась ему проблема) будто бы вообще являлось сомнительным и должно было быть заменено теориями отношений. Так, что даже астрономия, по Зиммелю, не является теорией "звездного неба"¹⁶.

Когда перестало быть очевидным, что общество естественным образом составляется из конкретных людей, солидарность которых должна была предписываться ему как "*ordinata concordia*"^{vi} и, в частности, как "*ordinata Caritas*"^{vi}, то на это место - в качестве эрзац-теории - смогла заступить теория консенсуса. В семнадцатом и восемнадцатом столетии это приводит к оживлению и радикализации учения о социальном договоре¹⁷. Понятие природы, по меньшей мере у Гоббса, было све-

24 Никлас Луман

дено к внесоциальному, а у других (к примеру, у Пуфендорфа) - к склонности к заключению договора. От этой теории все-таки скоро пришлось отказаться. С юридической точки зрения она была выстроена круговым образом, а следовательно, не могла объяснить нерушимую обязательность и нерасторжимость договора; а с исторической точки зрения, ввиду стремительно увеличивающегося объема исторического знания, она могла рассматриваться всего лишь как некая фикция, не обладающая никакой объяснительной ценностью. В девятнадцатом столетии наследие договорной теории воплотилось в теориях консенсуса и в представлении о солидарности и интеграции, постоянно обращающемся к консенсусу. Наконец, дальнейшее выхолащивание выразилось в требовании "легитимации" тех институтов, которые и при отсутствующем консенсусе, а значит, при наличии сопротивления, все еще способны обеспечивать порядок. Так, начиная с Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера, возникает социология. При всех уступках реальности опирающаяся на консенсус интеграция была и остается именно тем принципом, благодаря которому общество может идентифицироваться как единство, можно было бы даже сказать - как "индивид".

Но если попросить уточнить, как же вообще возможен консенсус в психически актуализируемом смысле и, далее, как на этой основе достичь общего направления для взаимопроникающих ожиданий, то систематизированное построение этих учений все-таки разрушается. Макс Вебер уже сделал первый шаг, сведя эту проблему к типовому принуждению как условию понимания социально полагаемого смысла. Парсонс, вслед за Дюркгеймом, видит решение в ценностном консенсусе, который реагирует на усиливающуюся дифференциацию возрастающей генерализацией. Хотя с помощью этого встроенного в теорию отказа от конкретизации и учитывают индивидуальность актеров и комплексность

системы общества, однако то, что потом еще может называться обществом, вводят в рамки настолько разжиженной понятийности, что эта теория еще функционирует разве только в достаточно уплотненных сферах общества. Впрочем, в таком случае следовало бы вопреки хорошо известным фактам либо отрицать принадлежность к обществу

1. Общественная теория социологии 25

социальных конфликтов, разногласий и отклоняющегося поведения, либо удовлетвориться заверениями, что и это конфликтное и отклоняющееся поведение предполагает какой-либо консенсус (к примеру, о мере оскорбительности определенных ругательств). Джон Роулз, напротив, считает необходимым постулировать некий "занавес „незнания“" относительно исходной ситуации договорного обоснования принципов справедливости, который препятствовал бы индивидам осознавать их позицию и их интересы¹⁸, - то есть предполагал бы индивидов без индивидуальности. Но это, очевидно, является лишь другим способом вуалирования парадоксальности всякого восхождения к истокам.

Из предположения о том, что индивиды в своем поведении материализуют общество, в качестве следствия вытекает гипотеза, будто структурные проблемы общества (к примеру, далеко продвинувшаяся дифференциация без достаточной интеграции или противоречия в структурах и поведенческих ожиданиях в обществе) предстают в виде *неадекватного индивидуального поведения* и могут становиться здесь предметом эмпирического описания. Классической монографией на эту тему явилось исследование Дюркгейма о самоубийствах¹⁹. Но сюда же можно отнести и нестабильность семей, преступность, употребление наркотиков или отказ от всякой социальной ответственности. Соответственно, индивид может выбирать свою личную реакцию на "аномию"; однако принципиально речь здесь идет о функционально эквивалентных установках, которые служат социологу в качестве индикаторов проблемы, корни которых он должен искать в обществе. Но даже если подобные связи можно показать статистически, остается вопрос о том, *как* индивид приходит к тому, чтобы на себе самом выказывать - или не выказывать - симптомы общественных патологий. Но, прежде всего, следовало бы поразмышлять над тем, какие структурные проблемы общества вообще могут превращаться в неадекватное индивидуальное поведение. Не в последнюю очередь экологические проблемы принуждают к тому, чтобы поставить этот вопрос.

Все это должно было бы побудить социологию засомневаться-

26 Никлас Луман

ся в том, должна ли она вообще приписывать консенсусной интеграции *конституирующую* роль в обществе. Ведь было бы достаточно и предположения, что коммуникация в ходе своего собственного продолжения порождает идентичности, референции, собственные значения, объекты - все, что переживают отдельные люди, если они с этим сталкиваются²⁰.

Этот ход размышлений сходится с той версией теории систем, которая конститутивно (затрагивая понятия и реальность) ориентирована на дифференцию системы и окружающего мира. Если исходить из различения система/окружающий мир, то человека - как живое и осознано переживающее существо - следует локализовать либо в системе, либо в окружающем его мире. (Его разделение на две, на три и т. д. части и соответствующие распределение между системой и окружающим миром эмпирически неосуществимо.) Если человека можно было бы рассматривать как часть системы общества, то теорию дифференциации пришлось бы формулировать как теорию распределения людей - будь то слои, нации, этносы или группы. Это привело бы к вопиющему противоречию с концепцией прав человека, в особенности - с пониманием равенства. Подобный "гуманизм" рухнул бы, следовательно, не вынеся собственных идей. Остается лишь возможность рассматривать человека в его целостности, с его душой и телом, как часть окружающего мира системы общества.

То, что несмотря на все очевидные противоречия и вопреки известной философской критике антропологических обоснований²¹ продолжают придерживаться соотношенного с человеком "гуманистического" понятия общества²², вероятно, обусловлено опасением того, что в противном случае нужно будет отказаться от всякого масштаба для суждения об обществе и от права требовать, чтобы общество учреждалось "человечно". Даже если бы это и было так,

то независимо от подобных критериев все еще нужно было бы, прежде всего, зафиксировать, что же образует из людей общество и каким образом это происходит.

Столь же очевидные возражения свидетельствуют и против территориальной концепции общества²³. Всемирные взаимозависимости сегодня больше, чем когда-либо прежде, проникают

I. Общественная теория социологии 27

во все конкретные области общественного процесса. Если бы мы хотели это проигнорировать, следовало бы вернуться к пониманию общества, определяемого через понятие господства, или к некому культурно-ностальгическому понятию общества. Это понятие общества пришлось бы поставить в зависимость²⁴ от произвольно установленных государственных границ или, вопреки всем вытекающим из этого неясностям, ориентировать его на единство региональной "культуры", на язык и тому подобное. Все условия, важные для дальнейшего развития, охватывались бы другим понятием: скажем, понятием "глобальной системы" (global-system)²⁵. Для Энтони Гидденса понятие "society" тождественно по своему значению понятию национального государства (nation-state), а поэтому почти излишне; соответственно, он говорит лишь о современных институтах²⁶ мирового охвата (world-embracing). Однако тем самым данное понятие глобальной системы в действительности наследовало бы тому, что в традиции называлось "обществом" (societas civilis). Если же в понятии общества предполагается центральное значение господства или ценностей, то в этом случае недооценивается не только очевидное региональное многообразие и комплексность коммуникативных связей, но и, в первую очередь, та степень, в какой "информационное общество" децентрализовано, но связано коммуницирует во всемирном масштабе благодаря своим сетям - тенденция, которая благодаря компьютеризации в обозримом будущем, безусловно, будет лишь усиливаться. Гуманистические и региональные (национальные) понятия общества уже не способны отвечать потребностям теории; их жизнь продолжается всего лишь благодаря словоупотреблению. Тем самым, современная социологическая теория оставляет впечатление раздвоенности, выглядит двуликим Янусом: она использует концепции, еще не разорвавшие связь с традицией, но уже делает возможными вопросы, которые могли бы взорвать рамки последней²⁷. Чтобы суметь настроиться на событийную форму элементарных единиц, а также для того, чтобы вновь и вновь вспоминать о том, что лишь люди-индивиды способны действовать, на место основополагающего понятия эта теория ставит понятие действия. Понятие глобальной системы

28 Никлас Луман

она образует для того, чтобы, с одной стороны, признать процессы глобализации, а с другой - сохранить понятие общества и на национально-государственном уровне. В случае ориентированного на человека понятия общества в последнее включается слишком много, а в случае территориального понятия общества - слишком мало. В обоих случаях приверженность таким непригодным концептам могла бы быть связана с тем, что общество стремится мыслить чем-то таким, что можно наблюдать извне. При этом все-таки приходится опираться на давно устаревшую теорию познания, которая исходит из таких различий, как мышление/бытие, познание/предмет, субъект/объект, а реальный процесс познания способна постигать лишь как рефлексивную, локализованную, соответственно, на одной стороне этого различия. Но это было отвергнуто, начиная, по меньшей мере, с лингвистического поворота в философии, несмотря на все те логические проблемы, которые были привнесены переходом к "натуралистической эпистемологии" (Куайн). Но почему для социологии оказывается так тяжело оказать содействие этому повороту?

Возможно, причина состоит в том, что она слишком хорошо знает общество (или, во всяком случае, должна делать соответствующий вид), чтобы постигать с удовольствием и себя саму как часть этой реальности. Некоторые хотели бы встать в оппозицию к обществу или, по меньшей мере, застыть в решительном пессимизме франкфуртского стиля. Но ведь это было бы возможно как раз в том случае, если собственную теорию познавали бы как часть ее собственного предмета. Можно было бы подражать легкости и опосредованности взора Персея,

благодаря которым он отрубил голову Медузе (и в социологии речь идет только лишь о головах)²⁸. Можно было бы вспомнить о том, что теология ради функции наблюдения Бога и его творения изобрела фигуру Дьявола, и что таким великим софистам девятнадцатого века, как Марксу, Ницше и Фрейдю свойственны "несогласованные перспективы"²⁹. Поэтому проблема могла бы, скорее, лежать в трудностях логического и теоретического рода, которые, по утверждению лингвистики, возникают в работе с "автологическими" концептами, когда приходится об-

I. Общественная теория социологии 29

наруживать самого себя в собственном предмете и, соответственно, открывать социологию как самоописание общества. В конечном счете, это вело к тому, что несмотря на сохранение представлений о реальности, распознаваемой по оказываемому ей сопротивлению, все-таки приходилось признавать, что подобное сопротивление коммуникации могла бы оказать лишь коммуникация. Если бы на это решились, то тем самым "деконструировали"³⁰ бы субъект-объектное различие, а благодаря этому доминирующие препятствия на пути познания потеряли бы свою таинственную опору. И, соответственно, как гуманистическая, так и общественно-региональная понятийная традиции разбились бы о свою собственную непригодность.

В своем современном научном понимании социология едва ли может отказаться от притязания на объяснение феноменов социальной действительности. Это, в свою очередь, требует того, чтобы феномены, подлежащие объяснению, отграничивались бы друг от друга и чтобы с возможно большей точностью указывались признаки их различий. Но вопросы вида "что такое ... ?" - к примеру, "что такое предприятие?", "что такое социальное движение?", "что такое город?" - уже как вопросы требуют задания существенных признаков, то есть эссенциалистского образования понятий, которое ныне хотя уже и не укоренено в природе, однако же фиксируется в методологических требованиях научного исследования. Поэтому следует спросить о том, *как* социология должна формулировать теорию общества, если она не в состоянии указать на то, *что* она ищет с помощью этого понятия?

Но в то же время можно заметить, что благодаря этому типу "что?"-вопросов социология оказывается в состоянии устойчивого беспокойства, то есть *организует себя как аутопоэтическую систему*. Не может быть никаких окончательных ответов на подобные вопросы, никаких фиксированных пунктов, которые бы не требовали дальнейшего исследования, но существует лишь наблюдение того, что определенные понятийные установления влекут за собой определенные последствия. Поэтому в модусе (само-)наблюдения второго порядка, то есть в модусе конструктивистской теории познания, вновь разлагаются

30 Никлас Луман

все стандарты атрибуции и становится очевидной как их необходимость для исследования, так и их случайность. Это суть как бы испытываемые самоопределения, исследовательские программы, которые являются неизбежными, но могут быть заменены, если здесь вообще должна идти речь о различии истины и не-истины.

В широком поле междисциплинарных исследований предлагается много проектов, которые учитывают это обстоятельство: скажем, основание всякого вида познания на операционной замкнутости наблюдаемых систем; или именуемая теорией хаоса математика нелинейных функций и предсказания непредсказуемости; или же эволюционная теория случайного возникновения структурных образований. По мере надобности мы будем к этому обращаться. В частности, для социологии усилия по удовлетворению этой насущной потребности сливаются в одну теорию общества, ибо эта теория в качестве общества получает предмет, который сам уже изначально породил все те предметные определенности (сущностные признаки) предмета, в которых нуждается исследование. Поэтому вопрос может состоять лишь в том, *как* можно учесть этот факт благодаря установлению того, *что* должно обозначать понятие общества.

Дальнейшие исследования берут на себя риск перехода к этому радикально антигуманистическому, радикально антирегиональному и радикально конструктивистскому понятию общества³¹. В них, естественно, не отрицается

существование людей, а также не игнорируются вопиющие различия условий жизни в отдельных регионах земного шара. В них лишь отрицается, что из этих фактов можно выводить критерий для дефиниции общества и для определения границ соответствующего предмета. И именно благодаря такому отрицанию подобные нормативные и ценностные стандарты в обращении с людьми (к примеру: права человека или ориентированные на понимание коммуникативные нормы в смысле Хабермаса, или, наконец, установки на различия в развитии отдельных религий) мы можем постигать как собственные достижения общества, вместо того чтобы обязательно понимать под ними регулятивные идеи или компоненты понятия коммуникации. Однако все же

I. Общественная теория социологии 31

остаётся открытым поставленный ранее вопрос: как само общество подводит себя к тому, чтобы придавать актуальность таким и каким-то иным темам?

Уже Ницше (в "Пользе и вреде истории для жизни") восставал против свойственной его современникам зависимости от истории и иронично, хотя и не цинично, объяснял им их сознание в следующей форме: и так не идет, и по-другому не выходит. Этот диагноз все еще может соответствовать действительности, однако сегодня вместо иронии здесь обнаруживается, скорее, теоретически беспомощная растерянность. Поэтому уже не поможет, если вместо "истории" теперь опираться на "жизнь", ассоциируя с ней способность забывания. В этой связи сегодня рекомендуется использовать наличные теоретические ресурсы - не в последнюю очередь для реконструкции отношения к истории, а также к бремени ее семантического наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ И ГЛ. 1:

¹ Примечания переводчика, помеченные *римскими* цифрами, приводятся после текста авторских примечаний, помеченным *римскими* цифрами - *Прим. пер.*

¹ Ларс Лэфгрэн в сходном смысле говорит об "автолингвистическом" как о форме, которая должна логически "разворачиваться" благодаря различению уровней. См.: *Löfgren, L. Life as an Autolinguistic Phenomenon. In: Zeleny, M. (Ed.) Autopoiesis: A Theory of Living Organization. New York, 1981, p. 236-249.*

² См. об этом работу Фреда Пуша, ссылающегося на Готтхарда Понтера: *Push, F. Entfaltung der sozialwissenschaftlichen Rationalität durch eine transklassische Logik. Dortmund, 1992.*

³ И это продолжается еще и сегодня! См.: *Tenbruck, F. H. Emile Durkheim oder die Geburt der Gesellschaft aus dem Geist der Soziologie. In: Zeitschrift für Soziologie, 10 (1981), S. 333-350.* Зиммель, чтобы подчеркнуть отношения и динамику, говорит всего лишь об "обобществлении". У Макса Вебера различия между ценностными сферами, жизненными порядками и т. д. общества выражены настолько сильно (и настолько "трагично"), что он вообще отказывается от охватывающей концепции их единства. Об этом см.: *Tyrell, H. Max Webers Soziologie-eine Soziologie ohne „Gesellschaft“. In: Wagner, G., Zippran, H. (Hrsg.) Max Webers Wissenschaftslehre: Interpretation und Kritik. Frankfurt am Main, 1994.*

⁴ См.: *Shelsky, H. Ortsbestimmung der deutschen Soziologie. Düsseldorf, 1967 (1959), S. 93.* Также ср.: *Baier, H. Soziologie als Aufklärung - oder die*

32 Никлас Луман

Vertreibung der Transzendenz aus der Gesellschaft. Konstanz, 1989.

⁵ См. об этом: *Tenbruck, F. H. Geschichte und Gesellschaft. Berlin, 1986.*

⁶ См.: *Bürger, P. Prosa der Moderne. Frankfurt am Main, 1988.*

⁷ То, что здесь идет речь и о развертывании парадоксальности, сегодня совершенно очевидно, во всяком случае, применительно к теориям организации. См.: *Quinn, R. E., Cameron, K. S. (Ed.) Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management. Cambridge, Mass., 1988,* а в этом сборнике особенно статьи Эндрю Х. Ван де Вена (A. H. Van de Ven) и Маршала Скотта Пула (M. S. Poole).

⁸ См. особенно четкое выражение этого: *Mulkay, M. The Word and the World: Explorations in the Form of Sociological Analysis. London, 1985; Law, J. (Ed.) Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? London, 1986.*

⁹ Более подробно см. об этом: *Luhmann, N. Warum AGIL? In: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 40 (1988), S. 127-139.*

¹⁰ См.: *Münch, R. Moralische Diskurse: Das unvollendete Projekt der Moderne. In: Münch, R. Dynamik der Kommunikationsgesellschaft. Frankfurt am Main, 1995, S. 13-36.*

¹¹ См.: *Weaver, W. Science and Complexity. In: American Scientist, 36 (1948), p. 536-544.*

¹² Резкую критику этих предпосылок, перешедших к нам из XIX столетия, дает Чарльз Тилли: *Tilly, Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York, 1984.* Но эта критика не приводит к теоретическому результату, поскольку вместе с этими предпосылками она требует отказаться и от самого понятия общества.

¹³ Собственно, лежащая здесь проблема социологии была ясна уже изначально. У Дюркгейма, к примеру, можно прочесть: "Общество не является простой суммой индивидов,

но системой, формирующейся благодаря их ассоциации, репрезентирующей некоторую специфическую реальность своего собственного рода" (*Durkheim, E. Le règles de la méthode sociologique. Paris, 1927, p. 127*). Неясность состояла лишь в том, как следует определить специфическое в этой ассоциации. Ведь разве можно было мыслить ассоциацию без ассоциированных? До тех пор, пока эта теоретическая пустота оставалась незаполненной, вновь и вновь возвращались к старому. Даже более новые системные теории, вовлекающие в свою орбиту концепцию самореференции, временами все еще опираются на предпосылку, согласно которой социальные системы состоят из людей. В качестве примера укажем на одного философа, одного физика, одного биолога и одного социолога (см.: *Navarro, P. El holograma social: Una ontologia de la socialidad humana. Madrid, 1994*; *Bunge, M. A System Concept of Society: Beyond Individualism and Holism. In: Theory and Decision, 10 (1979), p. 13-30*; *Maturano, H. R. Man and Society. In: Benseier, F., Heß, P. M., Kôck,*

I. Общественная теория социологии 33

W. K. (Ed.) Autopoiesis, Communication, and Society: The Theory of Autopoietic Systems in the Social Science. Frankfurt am Main, 1980, S. 11-13; *Hejl, P. M. Sozialwissenschaft als Theorie der selbstreferenzieller Systeme. Frankfurt am Main, 1982*). Подобное смешение все-таки делает невозможным точно задать операции, которые осуществляют аутопойезис в органических, нейрофизиологических, психических и социальных системах. Правда, как правило, делают уступку, утверждая, что человек не полностью является частью социальной системы, что будто бы он является ее частью лишь постольку, поскольку он вступает в интеракцию или актуализирует переживания, тождественные по своему смыслу (сведенные к параллели) переживаниям другого человека (см.: *Hejl, P. M. Zum Begriff des Individuums - Bemerkungen zum ungeklärten Verhältnis von Psychologie und Soziologie. In: Schiepeck, G. (Hrsg.) Systeme erkennen Systeme: Individuelle, soziale und methodische Bedingungen systemischer Diagnostik. München, 1987, S. 115-154, особенно S. 128*). Однако это не столько помогает, сколько вредит делу; ведь в этом случае уж тем более невозможно зафиксировать, какие операции осуществляют благодаря этому "постольку-поскольку-различению", ведь очевидно, что они осуществляются не клеточными химическими процессами, не мозгом, не сознанием и не общественной коммуникацией, а во всех случаях - наблюдателем, предпринимающим соответствующие различия. Типичный выход из этой ситуации состоит, соответственно, в том, чтобы вообще не рассматривать системно-конститутивные операции, и в том, чтобы расположить теоретические конструкции лишь на уровне "переменных", выбор которых, правда, в этом случае уже не может быть подвергнут теоретическому контролю. См. пример этого: *Segraves, B. A. Ecological Generalization and Structural Transformation of Sociocultural Systems. In: American Anthropologist, 76 (1974), p. 530-552*.

¹⁴ В соответствии с нынешним уровнем знания, вероятно, следовало бы сказать, что то, что познается и обозначается в виде разума, воли, чувств и т. д., представляет собой ретроспективную интерпретацию уже подлежащих результатов нейрофизиологических операций, то есть служит, вероятно, для их подготовки к дальнейшей - осознанной - переработке, но никак не является решающей причиной человеческого поведения. См.: *Massumi, B. The Autonomy of Affect. In: Cultural Critique, 31 (1995), p. 83-109*.

¹⁵ См.: *Clifford, J. L. (Ed.) Man versus Society in Eighteenth Century Britain. Cambridge, 1968*.

¹⁶ *Simmel, G. Über soziale Differenzierung (1890). In: Simmel, G. Gesamtausgabe. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1989, S. 109-295*.

¹⁷ См. о современных дискуссиях: *Carbonaro A., Catarsi, C. (Ed.) Contrattualismo e scienze sociale. Milano, 1992*.

¹⁸ *Rawls, J. Eine Theorie der Gerechtigkeit. Frankfurt am Main, 1975, S. 27*.

34 Никлас Луман

¹⁹ *Durkheim, E. Le suicide: Etude de sociologie. Paris, 1897*.

²⁰ Развитие этого понимания обязано "социальному бихевиоризму" Джорджа

Герберта Мида, который, правда, вновь и вновь интегрирует в распространенную теорию консенсуса и, тем самым, неправильно интерпретируют в его самом главном пункте. Мида, в первую очередь, все-таки занимает порождение перманентных объектов как стабилизаторов поведения, протекающего от события к событию, и лишь во вторую очередь - то обстоятельство, что подобные объекты могут функционировать и как символы для согласующихся перспектив понимания (но как символы именно потому, что в условиях одновременного событийного характера переживания и действия консенсус в принципе не поддается контролю). Речь, прежде всего, идет о теории времени и только затем - о социальной теории, основывающейся на необходимых функциях. Вопрос состоит в том, как вообще возможна социальность в условиях одновременности (= бесконтрольности); и ответ гласит: благодаря конституции объектов как собственных значений протекающего во времени поведения. Прежде всего, см. работы (вторая с отсылкой к Уайтхеду): *Mead, G. H. Eine behavioristische Erklärung des signifikanten Symbols; Die Genesis der Identität und die soziale Kontrolle. In: Mead, G. H. Gesammelte Aufsätze. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1980, S. 290-298, 299-328*. Критику учений о социальном договоре, руководствующуюся понятием "квази-объекта", см.: *Serres, M. Genese. Paris, 1982, p. 146*. Серр, правда, имеет в виду тот особый случай, когда определенные символические объекты специально конституируются для того, чтобы обеспечивать социальную координацию. Разъяснения же, данные в нашем тексте, выходят далеко за пределы этого случая.

²¹ Самый известный случай такого рода см.: *Heidegger, M. Sein und Zeit, § 10*. [Рус. пер.: *Хайдеггер, М. Бытие и время. М., 1997, с. 45-50*]

²² Особенно острое (но именно поэтому и, скорее, нетипичное) изложение см.: *Dux, G. Geschlecht und Gesellschaft: Warum wir lieben: Die Romantische Liebe nach dem Verlust der Welt. Frankfurt am Main, 1994*.

²³ Эти возражения весьма распространены и, как правило, приводятся именно

теми авторами, которые исходят из *индивидов/лиц*. См., например: *Ingold, T.* Evolution and Social Life. Cambridge England, 1986, p. 119. Но они в типичном случае выдвигаются против системно-теоретического понятия общества - так, как будто бы системная теория заставляет приписывать системам границы в пространстве и времени. Следовательно, мы оказываемся перед двойной проблемой. Во-первых, нужно объяснить, почему социологи не воспринимают очевидную сомнительность территориальной концепции общества, а во-вторых, теорию систем как основание теории общества следует формулировать так, чтобы в определении границ общества она не зависела от пространства и времени.

²⁴ Резкий критик этой концепции государственного общества указывает на то,

I. Общественная теория социологии 35

что в этом случае языковое пространство Федеративной Республики Германии и Австрии в двадцатом столетии многократно то превращалось бы в единое общество, то распадалось бы на несколько обществ. См.: *Wallerstein, I.* Social, or Development of the World-System. In: International Sociology, I (1986), p. 3-17. С другой стороны, именно Валлерстайн упрямо придерживается регионального понимания общества и говорит всего лишь о миро-системе (world-system).

²⁵ См.: *Moore, W. E.* Global Sociology: The World as a Singular System. In: American Journal of Sociology, 71 (1966), p. 475-482; *Robertson, R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992.

²⁶ См.: The Consequences of Modernity. Stanford Cal., 1990, p. 12-16; подробно о "globalization" см. p. 63.

²⁷ Сравните это с заимствованным из археологической антропологии (и примененным в развитии кибернетической теории) понятием "skeuomorph": *Hayles, N. K.* Boundary Disputes: Homeostasis, Reflexivity, and the Foundations of Cybernetics. In: Configurations 3, (1994), p. 441-467. "A *skeuomorph*-это особенность замысла, сама по себе уже потерявшая функциональность, но которая восходит к явлению, являвшемуся функциональным в более раннее время" (p. 446).

²⁸ См.: *Luhmann, N.* Sthenographie. In: Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien? München, 1990, S. 119-137.

²⁹ См.: *Burke, K.* Permanence and Change. New York, 1935.

³⁰ См.: *De Man, P.* The Resistance to Theory. Minneapolis, 1986.

³¹ То, что ожидания от теории общества могут реализоваться на этом пути, конечно можно и оспорить. См.: *Schwinn, Th.* Funktionen und Gesellschaft: Konstante Probleme trotz Paradigmawechsel in der Systemtheorie Niklas Luhmanns. In: Zeitschrift für Soziologie, 24 (1995), S. 196-214. Однако в этом случае должно было бы быть более точно задано *и обосновано*, что же ожидается в качестве теории общества.

ⁱ Настоящее русскоязычное издание работы Н.Лумана выходит в пяти книгах (т. 1 : *Общество как социальная система*; т. 2: *Медиа коммуникации*; т. 3: *Эволюция*; т. 4: *Дифференциации*; т. 5: *Самоописания*), каждый из которых составляет одна из глав оригинального издания.

ⁱⁱ "Общие ценности" (англ.).

ⁱⁱⁱ "Самоисполняющиеся пророчества" (англ.).

^{IV} Под фельетоном в западной прессе понимается газетная аналитическая статья.

^v "Эпистемологические препятствия" (фр.).

^{vi} "Ось согласия" (лат.).

^{vii} "Ось глубокого уважения" (лат.).

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Следуя своему пониманию науки, социология соотносится с социальной реальностью так, как она фактически наличествует. Соответственно, нормативные вопросы должны развиваться из этой реальности, а следовательно, не могут привноситься в общество откуда-то извне в виде идеальных социологических представлений. Это привело к тому, что обычное для начала девятнадцатого века противопоставление идеала и реальности было заменено двойным вопросом: "Что имеет место быть?" и "Что за этим кроется?"¹. Идеальные конструкции (скажем, эмансипация или нормативное понятие рациональности) сохраняют свою силу лишь для "снятия" этой дифференции. В этом направлении развивалась "критическая" социология от Маркса до Хабермаса, которая изменяла методологию, соразмеряя концепции своих противников (являющихся таковыми с ее точки зрения) с их же критическими амбициями. Соответственно, приговор был вынесен еще до проведения исследования.

Мы не будем развивать эту сюжетную линию в дальнейшем изложении. Но мы отвлечемся и от того, что в данной области обычно называют "эмпирическим" исследованием². Классическая методология предписывает исследователю вести себя так, как если бы он являлся единственным "субъектом". Это, как надеются, сделает возможным продолжение (логической и онтологической) традиции, которая исходила из различения мышления и бытия, а в мышлении пыталась достичь бытия. Такое соотнесение, безусловно, является похвальной целью, но мы имеем право спросить и о том, к каким потерям приводит ориентация исследования на эту цель. В конечном счете, современное общество, в котором ведь и должно осуществляться исследование, является поликонтекстуальной системой, допускающей множество описаний ее комплексности. Поэтому вряд ли можно было бы ожидать от исследования, что оно навязет обществу какое-то моноконтекстуальное описание - во всяком

II. Предварительные замечания 37

случае, когда речь идет о теории общества.

Если исходить из конструктивистской позиции, то функция методологии не может состоять только в том, чтобы гарантировать истинное (а не ошибочное) описание реальности. Скорее, в этом случае можно было бы говорить о более утонченных формах внутрисистемного порождения и обработки информации. Это означает, что для научного исследования методы делают возможными результаты, неожиданные для самого этого исследования. Для этого требуется прерывание непосредственного континуума реальности и знания, из которого поначалу исходит общество.

Противопоставление количественных и качественных методов, доминирующее в социологической методологической дискуссии, скорее, отвлекает от действительных проблем. Прежде всего, оно не проясняет, каким образом *дистанцию* можно было бы трансформировать в предмет *приращения познания* и каким образом знание своего окружения, имеющееся у лиц с социальным опытом (которые должны отвечать на вопросы), можно было бы одновременно подтверждать и преодолевать в социальной коммуникации. То, что соответствующие высказывания интерпретируются в качестве "данных", конечно же, никак не отвечает *на этот* вопрос.

Типичная методологическая рекомендация формулируется с помощью понятия переменной и ставит вопрос об отношениях между переменными, а иногда - и о корреляциях и об условиях, от которых они зависят³. В исследовании, осуществляемом в форме проекта, небольшое число переменных, допускающих операции с ними, рассматривается как закрытое пространство, а все иное благодаря методологически введенной фикции полагается безразличным. При этом игнорируется или на методологическом основании выносятся за скобки то, что *отношение включения и исключения регулируется самими социальными системами*; и что, кроме этого, *использование смысла в социальных системах непременно привносит с собой и указание на неизвестное, исключенное*,

*неопределимое, на недостаток информации и на собственное незнание*⁴. Это может осуществляться как отнесение к будущему и к перспективным возмож-

38 Никлас Луман

ностям определения (как в феноменологии Гуссерля), а также в форме некоей негативной терминологии, которая лишь отрицает то, что она определяет, и при этом оставляет открытым то, что наличествует вместо этого. Правда, словно извиняясь, говорят и о том, что следует учитывать "контекст"; однако это остается парадоксальным требованием - ведь его выполнение должно было бы приводить к тому, что "контекст" трансформировался бы в некоторый "текст". Если понятию коммуникации придают центральное теоретическое значение, то вместе с этим нужно было бы, прежде всего, непременно возносить и то, что не говорят, когда что-то говорят⁵. Ведь в социальном взаимодействии очень часто реакции определяются учетом и рефлексией несказанного. Но если стремиться стать вровень с социальной реальностью, нельзя абстрагироваться от того, что все употребляемые там смысловые формы имеют некоторую другую сторону, которая включает то, что они исключают на момент их употребления. Мы попытаемся учесть это, прибегнув к понятию смысла, а также к понятию формы и к математическому понятию повторного входа (re-entry) некоторой формы в саму эту форму; принципиальную важность имеет здесь и теоретический дифференциальный подход.

Распространенный вопрос о связях переменных очень хорошо соответствует представлениям о предмете в теории действия. Правда, такая ситуация вызвана не тем, что действие оказывается якобы особенно подходящим предметом для эмпирического исследования. Имеется достаточно оснований для того, чтобы именно это и оспорить. Но если следовать Максус Веберу и предполагать в действии социально полагаемый смысл, то можно легко представить себе действия в интеракционных связях. Мотивы действующих лиц (и, возможно, их рационально выбранные структуры) служат затем для объяснения формы, которые принимают интеракции. Но как раз это-то и затемняет другую сторону формы или, во всяком случае, тянет ее вместе с собой в качестве таковой, которая не допускает рационального выбора. Вопрос, который в первую очередь интересует теорию общества, скорее будет состоять в том, почему почти все возможные действия и интеракции *не* реализуются. Очевидно, они

II. Предварительные замечания 39

находятся вне схемы возможных мотивов и рациональных калькуляций. Но как общество осуществляет эту рассортировку? Почему к смыслу форм социальной жизни относится то, что эти огромные переизбытки возможного остаются неучтенными в виде немаркированного пространства (unmarked space)? По меньшей мере, можно было бы допустить мысль, что эти общественные структуры возникают не как агрегаты возможных предпочтений, а - в самом элементарном смысле - как включение этого исключения в форму.

Тяготение методологического индивидуализма (безразлично, неизбежное или нет) к тому, чтобы задавать индивиду вопрос о том, что он знает и что он имеет в виду, а затем статистически оценивать соответствующие данные, принципиально обходит феномен коммуникации, ибо коммуникация, как правило, обнаруживает свое побудительное основание в незнании⁶. Нужно уметь оценивать то, какие сообщения для других означают информацию, то есть дополняют нечто такое, что другие не знают или знают не достоверно. Аналогично, с противоположной точки зрения: чтобы иметь возможность воспринять информацию, каждый участник коммуникации должен чего-то не знать. Эта роль незнания не может сводиться к соответствующему индивидуальному знанию того, чего не знают другие. Совершенно нереалистичным является предположение, будто индивид знает, что он не знает⁷. Напротив, сама коммуникация порождает и проверяет незнание, необходимое для ее дальнейшего функционирования. Можно было бы даже сказать, что она живет за счет неравномерно распределенного знания/незнания. Она покоится на форме знания, которая непременно предполагает одновременное сопровождение другой стороны - еще не известного. Соответственно, для того, чтобы избежать произнесения распознаваемой бессмыслицы, каждый участник должен иметь возможность оценивать то, что вообще не может быть познано. Поэтому не удивительно, что обычная методология в ее теоретических

предпосылках ориентирована на действие, а не на коммуникацию.

Следующий пункт касается методологического предпочтения *как можно более простых* объяснений в отношении к ком-

40 Никлас Луман

плексности данных. По меньшей мере, начиная с Пуанкаре⁸ известно, что речь здесь идет о некоторой конвенции, без опоры на реальность; то есть о такой конвенции, с помощью которой наука обслуживает саму себя. Вопрос о том, что же благодаря этому исключается (а значит, включается как исключенное), фактически, никогда не интересовал социологию - и даже в тех ее областях, где со всей ясностью понимали, что наука осуществляется в обществе. Не решить эту проблему и с помощью методологии фальсификации Поппера. Это обнаруживается как в опыте фальсификации, так и в опыте верификации. Можно было бы предположить, что исключенным является хаос, лежащий за всеми познаваемыми структурами, однако тогда мир разделится бы лишь на познаваемое/непознаваемое. Другой, гораздо более убедительный ответ мог бы состоять в том, что исключенным здесь оказывается само общество со всеми его иными возможностями коммуникации, а следовательно, оно удерживается от вмешательства в производство научной истины. Общество может предусматривать в себе самом возможность научного исследования лишь в том случае, если оно позволяет этому исследованию испытывать как можно более простые (к примеру, математические) модели объяснения и приостанавливать другие исследования, если данное объяснение удовлетворяет методологическим требованиям; в противном случае принимается решение обратиться к более комплексным множествам данных. Против этого, конечно же, нечего возразить. Но если речь идет о теории общества, то такое право удостоверять свои собственные успехи и неудачи при помощи конвенций должно было бы вовлекаться в само это исследование в качестве своеобразия исследуемого *предмета*. Потребовалась бы теория, дезавуирующая методологические рамки исследования. Деррида, возможно, сказал бы: "деконструирующая".

Столетний опыт расхожего для социологии эмпирического исследования позволяет (если допустить здесь экстраполяцию) утверждать, что хотя таким путем и могут регистрироваться вполне макроскопические феномены (к примеру, растущая/снижающаяся преступность, миграционные движения, квоты разводов), однако невозможно возникновение теории общества (как

II. Предварительные замечания 41

целостности всех социальных феноменов), так что дальнейшие перспективы не выглядят особенно благоприятными. Амбиция эмпирического исследования коренится в доверии к собственному инструментарию и в предпосылке ("предрассудке"), что при помощи этих средств можно было бы достичь реальности, а не только оправдывать свои конструкции. На это следовало бы возразить, что соразмерность эмпирии и реальности, со своей стороны, не может устанавливаться эмпирически, а значит, в теоретико-познавательном контексте должна рассматриваться как случайная. Это не должно приводить к отказу от рассмотрения результатов эмпирического исследования. Однако они, как правило, ведут к стимулирующим *вопросам* (почему это? почему то?), но не дают *ответов* в виде знания, с определенного момента являющегося достоверным, которое могло бы лишиться своей силы лишь посредством (правда, как правило, ожидаемого) социального изменения.

Если бы мы решили ориентироваться на эту альтернативу критической и позитивной (методологически "эмпирической") социологии, мы бы недалеко продвинулись в решении предстоящей задачи. Мы должны не отклонять (ибо это бы не помогло), а дополнять. Как в области фактов, так и сфере понятий можно сформулировать ряд предложений.

В отношении *фактов* бросается в глаза, что многое является известным и не нуждается ни в каком дальнейшем эмпирическом исследовании; а также то, что эти известные факты зачастую влекут за собой гораздо более тяжелые последствия, нежели уже известное здравому смыслу (common sense) или устанавливаемое эмпирическим исследованием. Следовательно, больше результатов можно получить благодаря тому, что известное освещается по-новому, исходя из непривычных, несовпадающих перспектив, или же рассматривается в ином

контексте⁹. Но для этого в настоящее время отсутствует разработанная методология, которая может зависеть от развития теорий в гораздо большей степени, чем это вообще предполагают.

Понятийный характер теории общества требует решения задачи усиления ее потенциала комплексности, а именно того, чтобы при помощи одних и тех же понятий интерпретировать

42 Никлас Луман

более разнородные ситуации и благодаря этому обеспечивать сравнимость самых разнообразных положений дел. Это стремление рассматривать даже в высшей степени несхожее как то, что допускает сопоставление, вытекает из метода функционального сравнения. Прежде всего, оно исключает чисто классификационный метод, ибо классификации уже исходят из того, что в случае несходства встает вопрос о некотором другом классе. Разумеется, мы не будем отказываться от того, чтобы упорядочивать ситуации с помощью всеобщих понятий, но в классификации, то есть в своего рода наименовании мы не видим формы, которая могла бы удовлетворить методологическое стремление к познанию.

Дефицит методов функционального сравнения отражает своеобразие современного общества, но в этом и заключается причина нынешнего отказа от теоретической и методологической опоры на традиционные образцы. Ибо, как мы детально покажем, современное общество характеризуется функциональной автономизацией и оперативной замкнутостью ее важнейших подсистем. Его функциональные системы получают свободу своей собственной самоорганизации и самовоспроизводства. Но это означает, что совокупная система может манифестироваться уже не в ее *контроле над операциями*, а всего лишь в *структурных проявлениях* формы ее дифференциации на подсистемы. Это воззрение влечет за собой методологические последствия: ни идеалы, ни нормы не могут служить основанием для методологического руководства (к примеру, приближенные измерения). Ведь это только свело бы проблему к вопросу о том, почему общество само себя обременяет идеалами, которые оно не в состоянии полностью воплотить, и о том, как оно отбирает подобные идеи. Вместо этого обусловленность общества обнаруженными обстоятельствами можно и должно обосновывать показом того, что в совершенно разнородных функциональных областях (в семье и политике, в религии и экономике, в когнитивной науке, в изобразительном искусстве или нормативном праве) могут выявляться одни и те же глубинные структуры, а также как это происходит. В этом случае аргумент гласит: подобные совпадения не могут быть случайными - они могут и

II. Предварительные замечания 43

должны возводиться к форме общественной системы.

По этой причине дальнейшие исследования не только теоретически, но и методологически очень сильно зависят от весьма абстрактных понятийных решений. Основания для этого состоят в круговом аргументе. Ведь только что сформулированные предположения о своеобразии современного общества и о том, что в этой связи может рассматриваться как достаточно очевидный факт, конечно же, зависят от способа наблюдений и различений, посредством которых теория общества учреждает саму себя. Этого никак нельзя избежать, ибо теория общества, в конечном счете, должна формулироваться в обществе. И "методология" не предлагает никаких дополнительно *{ab extra}* вводимых исходных пунктов, принимаемых *a priori*¹⁰. Если мы хотим учесть это обстоятельство, то остается лишь возможность формировать архитектуру теории с максимальной прозрачностью и демонстрировать понятия как решения, изменения которых влекут распознаваемые следствия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. II:

¹ Более подробно см.: *Luhmann, N. Was ist der Fall, was steckt dahinter? Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie. In: Zeitschrift für Soziologie, 22 (1993), S. 245-260.*

² См. дидактически значимое эссе о границах представлений о методе: *Weick, K. E. Organizational Communication: Toward a Research Agenda. In: Putnem, L. L., Pacanowski, M. E. (Ed.) Communication and Organization. An Interpretative Approach. Beverly Hills, 1983, p. 13-29.*

³ Скептическое описание этого понятия, со своей стороны, уже стало традицией. См.: *Blumer, H. Sociological Analysis and the „Variable“. In: American Sociological Review, 21 (1956),*

р. 683-690. С другой стороны, отказ от этого ограничения приводит к своего рода сверх-детерминации исследовательских результатов, которые затрудняют (а то и вовсе делают невозможным) достижение обобщенных результатов. Соответствующий схоластический спор длится уже десятилетия.

⁴ Обзор новых интересных работ по этим вопросам см.: *Smithson, M.* Ignorance and Uncertainty: Emerging Paradigms. New York, 1989. В остальном, скорее лингвисты, нежели социологи понимают, что в ходе использования языка всегда одновременно актуализируется и несказанное. См.: *Halliday, M. A. K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language

44 Никлас Луман

and Meaning. London, 1978, p. 52.

⁵ Здесь также может лежать одна из причин того, почему социологии с таким трудом дается переориентация с действия на коммуникацию.

⁶ Об этом уже говорилось выше. Аналогичную корректировку на примере типичного хода исследований об "искусственном интеллекте" см.: *Revue internationale de systématique*. Bd. 8, Heft 1 (1994).

⁷ Такое предположение в виде итоговой теоретической формулы несложно опровергнуть, хотя каждый, конечно же, может с легкостью констатировать в специфических перспективах, что он чего-то не знает. Но это - вопрос памяти, идет ли речь о том, что кто-то ищет то, что он забыл; или о том, что кто-то верит, будто он может вспомнить то, чего никогда не знал.

⁸ См. прежде всего: *Poincaré, H.* La Science et l'Hypothèse. Paris, 1929.

⁹ См.: *Gergen, K. J.* Toward a Transformation in Social Knowledge. New York, 1982, p. 103. После сокрушительной критики методов и результатов обычной эмпирической социальной психологии "теоретик мог бы достичь успеха в обеспечении необходимых сцеплений с языком наблюдения за счет избирательного обращения к кладези „общеизвестного“". Методологическая проблема, естественно, скрывается в этой "избирательности".

¹⁰ Иную аргументацию использует так называемый "прагматизм", старающийся компенсировать теоретический релятивизм (отказ от парадигмы, плюрализм и все такого рода) тем, что настаивает на таком смысле методов, который бы гарантировал познание. См.: *Rescher, N.* Methodological Pragmatism: a Systems-theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Oxford, 1977.

III. СМЫСЛ

То, *что* следует подразумевать под смыслом, я пытался прояснить во многих публикациях¹. В контексте теории общества мы должны хотя бы кратко на этом остановиться, ведь надо исходить из того, что ни теория, ни общество сами не в состоянии выйти за пределы того, что в качестве смысла уже должно было быть предпослано. Ибо никакая общественная операция не может протекать, не используя смысла.

Если исходить из всеобщего теоретического образца "аутопойезиса", то изначальная предпосланность смысла ни в коей мере не противоречит тому, что смысл порождается в сети тех операций, которым он также непременно предшествует. Напротив, своеобразие медиума смысла является необходимым коррелятом операционной замкнутости познающих систем. Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется - не раньше и не позже. Поэтому смысл - это *продукт* операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику². Поэтому не существует никакой идеальности, отделенной от реальности фактического переживания и процесса коммуникации. Платон, правда, был прав в том, что идеи связаны с памятью. Но воспоминание не ведет назад к подлинному, почти забытому смыслу сущего, к его сущностным формам, идеям; память конструирует структуры лишь с целью одномоментного использования для подтверждения выборочности и ограничения присоединительной способности. Предположения основанных на смысле систем, будто бы устойчивые во времени идентичности уже существовали изначальным и будут существовать и в дальнейшем, и будто бы к ним можно было бы отнести как к чему-то наличному, — являются самообманом. Всякая ориентация есть конструкция, различение, вновь актуализируемое при переходе от одного момента к следующему.

46 Никлас Луман

Выйти за пределы этой констатации, которая поначалу звучит как голое утверждение (нет никакого смысла за пределами систем, которые используют и воспроизводят смысл как медиум), можно, если рассмотреть следствие

операционной закрытости для отношений системы к операционно-недостижимому окружающему ее миру. Живые системы создают для своих клеток особый окружающий мир, защищающий их и создающий возможности для их специализации, а именно, организмы. Они защищают себя благодаря *материальным* границам в *пространстве*. Психические и социальные системы образуют свои операции как операции наблюдающие, которые делают возможным отличать саму систему от окружающего ее мира - и это несмотря (и мы должны добавить: поскольку) на то, что операции могут осуществляться лишь в системе. Другими словами, они различают само-референцию и ино-референцию. Их границы являются не материальными артефактами, а формами с двумя сторонами.

С абстрактной точки зрения речь идет о "повторном входе" некоторого различения в то, что было с его помощью отличено. Дифференция система/окружающий мир осуществляется два раза: как *произведенное самой* системой различение и как различение, наблюдаемое в этой системе. С помощью понятия "повторного входа" мы одновременно обращаемся к тем смелым выводам, которые Джордж Спенсер Браун представил в рамках математического исчисления, ограниченного арифметикой и алгеброй³. Система становится неисчислимой для самой себя. Она достигает состояния неопределенности, которое не может быть сведено к непредсказуемости воздействий извне (независимой переменной), а выводится из самой системы. Поэтому ей требуется память, некая "функция памяти" (memoгу function), которая предоставляет в распоряжение системы предшествующие селекции в виде актуально наличного состояния (причем свою роль здесь играют и эффекты забывания и воспоминания)⁴. И она вводит сама себя в состояние колебаний между позитивно и негативно оцениваемыми операциями, а также между само-референцией и ино-референцией.⁵ Она сама сталкивает себя с - для нее самой неопределенным - будущим, ради

III. Смысл 47

которого как бы накапливаются резервы приспособления к непредсказуемым состояниям.

Результат такого повторного вхождения, очевидный для самой системы, в дальнейшем и будет обозначаться понятием "смысл".

Если принять эту теоретическую установку, можно уже не исходить из некоторого наличного смысла, который бы состоял из вещей, субстанций, идей, и уже не обозначать их целостность (universitas rerum) понятием мира. Для смысловых систем мир не является каким-то гигантским механизмом, который производит одни состояния из других и, благодаря этому, детерминирует сами системы. Но мир является безмерным потенциалом неожиданного, виртуальной информацией, которая, однако, необходима системам для производства информации или точнее, для того, чтобы избранным раздражителям придать смысл информации⁶. Итак, всякая идентичность должна пониматься как результат переработки информации или, применительно к будущему, как проблема. Идентичности "не существуют", они суть лишь функции упорядочивания рекурсивностей, так чтобы во всяком процессировании смысла можно было бы ретроспективно обращаться и предвосхищать нечто многократно используемое. Это требует избирательного сгущения и, одновременно, подтверждающего обобщения того, что в отличие от другого можно характеризовать как то-же-самое⁷.

То, что смысловые идентичности (эмпирические объекты, символы, знаки, цифры, предложения и т. д.) могут порождаться лишь рекурсивно, влечет за собой далеко идущие эпистемологические следствия. С одной стороны, благодаря этому становится ясно, что смысл подобных сущностей выходит далеко за пределы того, что можно постичь в момент операции наблюдения. С другой стороны, это как раз не означает, что подобные предметы непременно "существуют" уже и тогда, когда они не наблюдаются. Среди этих предпосылок традиционного логико-онтологического постижения реальности просматривается следующий уровень, следующий операционный процесс, который вообще только и конституирует предметы и возможности их обозначения. В той мере, в какой рекурсии указывают на

48 Никлас Луман

прошлое (на удостоверенный, известный смысл), они указывают лишь на случайные операции, результатами которых можно распоряжаться лишь в данный

момент, но не на фундирующие истоки. В той мере, в какой рекурсии указывают на будущее, они указывают на бесконечно разнообразные возможности наблюдения, а значит, на мир как виртуальную реальность, относительно которой еще нет совершенно никаких сведений, будет ли она когда-либо вводиться в системы (и в какие?) посредством операций наблюдения. Поэтому смысл - это исключительно историческая форма операций, и лишь ее применение связывает в единый узел случайное возникновение и неопределенность будущих применений. Этот медиум должен использоваться во всех констатациях, и все, что входит в этот медиум, не имеет никакой иной причины, кроме своей рекурсивно удостоверенной фактичности.

В коммуникативном порождении смысла эта рекурсивность обеспечивается, прежде всего, благодаря словам языка, которые в некотором множестве ситуаций могут использоваться как одни и те же⁸. Сверх того, существуют и объекты, которые как воспринимаемые вещи могут обогащаться социальным смыслом, не будучи в состоянии выполнять соотнесенную с языком функцию координации - здесь можно вспомнить о сакральных объектах или о людях в состояниях транса (пророках, "медиумах"), которым приписывалась одержимость духами; о королях, монетах, футбольных мячах. Также и тот особый способ, с помощью которого мы идентифицируем свою "родину", не может восходить к одному лишь языку, а поэтому его и нельзя адекватно выразить в языковой форме. То же самое имеет значение и для пространственных отношений, упорядочиваемых посредством архитектуры, а также для смысла действий. Речь непременно идет об основной функции упорядочивания в момент (и только в момент) актуализации имеющихся в распоряжении рекурсий.

В самоконституированном медиуме смысл с неизбежностью ориентирует операции на различения. Лишь так может порождаться необходимая для рекурсий избирательность⁹. Смысл означает, что во всем, что получает актуальное обозначение, под-

III. Смысл 49

разумеваются и регистрируются в том числе и отнесения к другим возможностям. Всякий определенный смысл подразумевает, следовательно, себя самого и другое¹⁰. Это означает и то, что предметному опыту противоречило бы предположение об исчезновении вещи, когда ее выпускают из вида и обращаются к чему-то другому (ведь тогда никто бы никогда не осмелился выпустить ее из рук). Во всем, что получает актуализацию, смысл со-присутствует в качестве отнесения к миру, то есть он представлен *актуально* и сознательно. Он указывает на условия собственных возможностей, собственных способностей чего-то достигнуть и на их границы *в мире*. Даже различение актуальное/возможное еще можно обозначать как осмысленное, если, к примеру, ставить вопрос о его функции и феноменологии мира и тем самым видеть функциональные эквиваленты, а значит, иные возможности. Тезис смысла исключает лишь противоположный случай абсолютной пустоты, Ничто, хаоса в первоначальном смысле слова, а также состояния мира как "немаркированного состояния", как это понимает Спенсер Браун. Но, вместе с тем, всякое смысловое оперирование всегда воспроизводит и наличие этого исключенного", ибо смысловой мир является полным миром, который лишь *в себе* может исключать то, что он исключает. И поэтому "бессмыслица" может мыслиться и коммуницироваться лишь в медиуме смысла, лишь как форма смысла¹². Всякое исключение потенциализирует¹³ и, тем самым, сохраняет то, что оно эксплицитно отрицает, а благодаря этому преобразует то немаркированное пространство, в которое каждая, в том числе и отрицающая, операция вносит свои ориентирующие метки посредством различения.

Высказывания о том, как функционирует смысл, можно формулировать при помощи специфических различений, направленных именно на это определение смысла. Феноменологически смысл можно описывать как избыток отнесений, доступность которого определяется смыслом, данным актуально. Поэтому смысл — и мы придаем важность этой парадоксальной формулировке - это бесконечный процесс, то есть неопределенная связь отнесений, к которой, однако, можно определенным образом получать доступ, а также воспроизводить ее¹⁴. Форму

50 Никлас Луман

смысла можно обозначать как дифференцию актуальности и возможности. При

этом мы утверждаем, что смысл конституируется именно этой и никакой другой возможностью. Поэтому тот, кто высказывается о смысле, осмысливает его как нечто осязаемое (обозначаемое, отличимое). И это означает также, что тезис о смысле задает рамки возможных высказываний об обществе. Общество - это система, конституирующая смысл.

Модализация актуальности посредством различения актуальное/возможное относится к смыслу, который получает актуализацию в тех или иных операциях системы. Это различие выстраивается в виде двойной асимметричности. Ведь и актуализированный смысл был и остается возможным, а возможный смысл все еще способен стать актуальным. Следовательно, в этом различии предполагается и "повторное вхождение" различения в то, что было благодаря ему отлечено. Смысл является, таким образом, формой, которая на обеих сторонах содержит копию самой себя в себе самой. Это приводит к симметризации поначалу асимметрично данного различения актуального и возможного¹⁵ и, в конечном счете, смысл становится тождественным всюду - в мировом масштабе. Повторные асимметризации возможны и даже необходимы для наблюдения, однако они должны вводиться с помощью других различений, к примеру, посредством различения система/окружающий мир или благодаря различению обозначающее/обозначаемое.

Системы, использующие смысл, уже благодаря своему медиуму являются системами, которые могут описывать себя самих и свой внешний мир лишь в форме смысла, а это означает: они могут осуществлять наблюдения и описания посредством "повторного ввода" формы в форму. Не существует никаких психических и социальных систем, которые не могли бы различать между собой и другим в медиуме смысла (какие бы виды свободы ни могли потом актуализироваться в вопросах каузального приписывания). И конкретнее: от момента к моменту применяется "повторный ввод", воспроизводится актуальное рассмотрение смысла и, тем самым, предвосхищается возможное. Поэтому актуальность представляет собой как бы экран, на который вновь и вновь проецируются и высвечиваются все но-

III. Смысл 51

вые и новые состояния системы. По этой причине актуальность дана системе как мгновенная современность и, благодаря самотематизации, одновременно предстает в виде длительности (какой бы она ни была странной). В таких системах не возможно уклониться от структурных воздействий "повторного ввода", прежде всего, от чрезмерного само-нагружения возможностями, за которыми уже не могут поспевать никакое наблюдение или описание и которые могут наблюдаться лишь избирательным образом. Форму обращения с этим чрезмерным требованием к себе, часто применявшуюся в истории, система выражает в идеях (к примеру, в идее совершенства), воплотить которые она не в состоянии.

Системы, оперирующие в медиуме смысла, могут и даже должны различать само-референцию и ино-референцию; и они осуществляют это таким образом, в котором актуализация самореференции всегда сопровождается и ино-референцией, и, одновременно, в ходе актуализации ино-референции непременно задается и само-референция как соответствующая ей другая сторона различения. Поэтому всякое формообразование в медиуме смысла должно осуществляться относительно системы, неважно, акцентируется ли в данный момент само-референция или же ино-ференция. Лишь данное различение делает возможными процессы, которые обычно называют обучением, развитием системы или эволюционным выстраиванием комплексности. Оно позволяет исходить из двух конститутивно-смысловых, но чрезвычайно различных по своим операциям психических и социальных систем, которые воспроизводят себя через сознание или через коммуникацию для того, чтобы порождать те или иные исходные основания для различения самореференции и ино-референции, но, несмотря на это, всегда соотносятся друг с другом благодаря предпосланной или актуализированной ино-референции.

Смысл - в качестве универсального медиума всех психических и социальных систем, а также всех систем, оперирующих в виде сознания или в виде коммуникации, - регенерирует вместе с аутопойезисом этих систем без напряжения

и как бы сам собой. Напротив, гораздо труднее породить бессмыслицу, по-

52 Никлас Луман

скольку уже сами подобные усилия обретают какой-то смысл. Эту проблему можно проследить на примере опытов "искусства non-sens"¹⁶. Производство бессмысленного возможно лишь в том случае, если мы образуем более узкое понятие осмысленного (к примеру, повседневно-обыденного или ожидаемого), а затем отличим *от него* бессмысленное. Аналогично происходит и тогда, когда мы с большим напряжением пытаемся произвести нечто особенно "осмысленное", а затем, возможно, начинаем ощущать бессмысленность всех этих усилий¹⁷. Во всеобщий, не поддающийся отрицанию медиум смысла можно, таким образом, вносить вторичные разметки позитивного/негативного; это, однако, неизбежно влечет за собой то, что подобное различие - как различие - в свою очередь, имеет смысл и воспроизводит его. Поэтому смысл, если отличать его от бессмысленного и обеспечивать пересечение границ, конечно, можно обозначать как форму; однако осуществляться это может лишь так, что различие смысл/бессмысленное в самый момент его употребления приобретает смысл и, благодаря этому, воспроизводит смысл как медиум всех формообразований¹⁸.

То, что смысл появляется и воспроизводится как "собственное поведение"¹⁹ определенных систем, вытекает из того, что данные системы (то есть системы сознания и социальные системы) производят свои последние элементы как такие события, которые возникают, соотносясь с определенными моментами времени, и тотчас же распадаются вновь; которые не могут длиться и являются нам, соответственно, в первый и последний раз. Речь идет о темпорализованных системах, которые могут обрести стабильность лишь как стабильность динамическую, и только благодаря текущему замещению ушедших в небытие элементов другими новыми элементами. Структуры таких систем должны ориентироваться на это. Та или иная актуальная современность кратковременна и устроена следующим образом: все, что в ней вообще происходит, происходит одновременно²⁰. Она еще не является собственно временем. Временем она становится лишь в том случае, если понимается как разделение некоторого "прежде" и некоторого "после", некоторого прошлого и некоторого будущего. Поэтому смысл являет себя во времени,

III. Смысл 53

и во всякое время его можно трансформировать во временные различия, то есть можно использовать время для редукции комплексности, а именно, рассматривать прошлое как уже неактуальное, а будущее - как еще не получившее актуальности²¹. Если (и только если!) применяется такое различие, может порождаться избыточность в обращении к прошлому и вариативность в обращении к будущему, причем "порождать" означает здесь - представлять в современности²². Темпорализация современности является, однако, лишь одной из многих возможностей осмысленного обращения (а именно, посредством специфических различий) с вариативностью. Первенство принадлежит современности - собственно, той стороне формы смысла, которая в отличие от другой стороны этой же формы выше обозначалась как актуальность. Другая сторона представляет все то, что является доступным исходя из первой, -безразлично, является ли оно непосредственным и реальным, данным лишь в возможности или лишь в процессе восприятий, лишь в мыслях или в воображении. В некотором приближении к Спенсеру Брауну внутреннюю сторону формы можно отличать от ее внешней стороны как притягательную силу операции²³. Осмысленное оперирование означает в этом случае, во-первых, что все операции осуществляются (или не осуществляются) на внутренней стороне формы, и следовательно, актуально; а во-вторых, что для образования смысла, однако, как раз и требуется некоторая другая сторона формы, именно внешняя сторона в виде пространства других возможностей, простирающегося в бесконечность.

То, что временное измерение смысла во всякое время может получить релевантность различия, существенно влияет на социальные отношения. Временное измерение препятствует *вещному* закреплению социального измерения. В следующее мгновение другие могут наблюдать иначе, внутри предметного измерения смысла они получают временную мобильность. Степени признания обществом этого состояния исторически варьируются соответственно

комплексности системы общества и могут быть легко прослежены в староевропейской традиции в ходе рассмотрения связи семантики вещи (res), двухзначной

54 Никлас Луман

логики, признания отклоняющегося мнения как заблуждения и выделения особого знания-мнения в качестве простого *doxa/ opinio*, тогда как сегодня в гораздо большей степени ориентируются на временную обусловленность всех установок по отношению к миру.

Если всякая операция является моментальным событием, которое исчезает, как только оно получает актуализацию, и следовательно (в том случае, если вообще должна возникнуть некоторая последовательность операций, то есть система), должно замещаться другим событием, то всякое продолжение оперирования требует пересечения границы формы, а именно, перехода на ее другой стороне к чему-то, что прежде еще не было обозначенным. Нас не заботят сейчас логические или математические проблемы этого "пересечения" (crossing) (Спенсер Браун), но мы твердо придерживаемся того, что для этого требуется отбор, сводящий то, что было и остается возможным по другую сторону, к специфической актуальности, допускающей ее обозначение. Для этого вновь необходима другая сторона формы, избыток отнесеней, некий мир, полный возможностей, которые не могут актуализироваться одновременно. Процесс эпизодирования операций поддерживает, таким образом, присутствие совокупности потенциальностей, и лишь влечет ее за собой, тем самым регенерируя ее в виде мира, без которого никогда не смог бы осуществиться отбор дальнейших операций и воспроизводство оперирующей системы. Если говорить кратко, смысл может репродуцироваться лишь как форма. Собственно мир - как сопровождающая другая сторона всех смысловых форм - всегда ускользает от наблюдения. Его смысл может получить символизацию лишь в саморефлексии смысловых операций, применяющих формы.

Проблема при этом состоит в том, что при всей отчетливости (или неотчетливости), навязчивости и фактической несомненности моментальной актуализации (здесь, конечно же, сразу же вспоминается Декарт) смысл может репрезентировать мир-отсюда-доступного лишь как избыток отнесеней, то есть как принуждение к отбору. Это актуально усвоенное надежно, но нестабильно²⁴, другая сторона формы смысла является стабиль-

III. Смысл 55

ной, но ненадежной, ибо все зависит от того, на что будет направлено внимание в следующий момент. Единство совокупности возможностей и, в особом случае, разумеется, единство самой формы, а следовательно, единство актуальности и потенциальности, в свою очередь также не может получить актуализации. Вместо того, чтобы предоставлять мир, смысл указывает на избирательный процесс. И это (как мы еще увидим) сохраняет свое значение даже в том случае, если в мире формулируются понятия мира, создаются его описания и обозначающие его семантики, ведь также и это должно осуществляться в виде смысловой операции, которая отличает то, что она обозначает, от чего-то другого (скажем, бытие от сущего). Актуализированный смысл формируется исключительно избирательно и указывает только лишь на дальнейший отбор. Его случайность является необходимым моментом смыслового оперирования.

Всему этому предпосылается функционирующее как операция, но ненаблюдаемое единство различного, постигаемое исключительно как парадокс.²⁵ Смысл может и должен функционировать одновременно на двух сторонах своей формы, а иначе было бы невозможным его оперативное использование для обозначения чего-то одного (а не другого). И для смысла во всех его смыслах важно то, что обозначить его можно, лишь актуализируя некоторое различие, которое влечет за собой - как другую сторону различения - и нечто необозначенное. Естественно, и само это различие актуальность/потенциальность может получить обозначение (этим мы как раз и занимаемся), однако это возможно лишь благодаря дальнейшему различению, которое отличает это первое различие от других и помещает его в мире. Так, осмысленно функционирующие системы могут совершенно свободно представлять себе или тематизировать в коммуникации то обстоятельство, что существуют и другие системы, которые обходятся без смысла-например, камни. Но и это осуществляется посредством приуроченного к ним

различения, а значит, принимает смысловую форму. Осмысленно оперирующие системы остаются связанными со своим медиумом - смыслом. Лишь он один дает им реальность в форме

56 Никлас Луман

последовательной актуализации собственных операций. Эти системы могут не понимать системы, функционирующие свободно от смысла, а также могут не уметь их имитировать. Но они остаются зависимыми от смысла - их специфической формы редукции комплексности.

Если *использование некоторого различения* протекает необходимо и его никак нельзя избежать, то *констатация некоторого различия* осуществляется эксплицитно. Она предполагает видимый отбор и при известных условиях нуждается в обосновании. Различения, сопровождающие все части предложения, не могут всякий раз выражаться в языковой форме: к примеру, когда высказываются о яблоке, часто остается неясным, от чего оно отличается. Констатация некоторого различения, напротив, получает четкую маркировку и используется для направления дальнейшей коммуникации²⁶. Но и она, естественно, протекает в медиуме смысла.

То, что всякое наблюдение соотнесено с различениями, объясняет смысловое богатство мира. Ведь то, что обозначается, может идентифицироваться благодаря тому, что вновь и вновь подвергается другим различениям. Так, различные наблюдения различных наблюдателей могут допускать координацию, а именно, координироваться как раз в их различности. Это относится к различиям как во временном измерении, так и в измерении социальном, это существенно как для смены тех или иных использованных различений в последовательном порядке, так и для фокусирования различных наблюдателей на тождественном.

Традиционная онтологическая метафизика давала этому свободный ход, однако препятствовала ему своим предположением о предельных трансцендентных значениях. Сущее постигалось в форме вещи. Время указывало на некое "первоначало" (arche, origo, principium, источник, основа etc.), которое при любой смене непрерывно актуализируемых различений оставалось тем же самым (а именно, тождественно-современным). И, в конечном счете, это "первоначало" оказывалось Богом -той единственной сущностью, которая не определялась через различения²⁷. Более радикальное понимание смысла как меди-

III. Смысл 57

ума наблюдения, зависящего от различений, делает возможным размывание этих предпосылок. Во всех смысловых измерениях мир теперь может пониматься как рамки (или, если следовать Гуссерлю, как горизонт), которые обеспечивают смену различений, посредством которых можно наблюдать идентичное. Но это также предполагает, что мир уже нельзя понимать как совокупность вещей или их отношений, а следует истолковывать как ненаблюдаемое в чистом виде, которое воспроизводится при всякой смене различений.

Соответственно, *всякое* различение репрезентирует мир благодаря тому, что его другая сторона представляет то, что в данный момент не обозначается. "Distinction is perfect continence"¹ -лапидарно выражается Спенсер Браун²⁸. Различения властвуют самодержавно, они избавляют себя от забот о внешних референциях, ибо они уже изначально содержат их в виде другой стороны. Они содержат воздержанность. Уже поэтому смыслоформа не способна разорвать саму себя. Но в ее особенном случае имеет значение и то, что она может отличать себя лишь в процессе самоприменения, то есть лишь "автологически". Она - абсолютный медиум самой себя.

Это не запрещает совершать шаги, которые подведут нас к дальнейшему анализу теории общества. Для этого мы обратимся к парадоксальности различения, которое, со своей стороны, упрочивает "совершенную непрерывность" (perfect continence). Как оперативное единство различения и обозначения, смысл является формой, которая содержит саму себя, а именно, различение различения и обозначения. Форма, в конечном счете, является некоторым различением, которое - как отличное -вновь обнаруживается в самом себе. Из подобной ситуации можно выйти лишь одним скачком - через депарадоксализацию, через сокрытие парадоксальности посредством дальнейшего различения. С этой целью Рассел и Тарский, как известно, предложили различение типов или уровней. Это может

оказаться полезным для целей логики и лингвистики (вопреки всей ставшей уже привычной критике). Спенсер Браун пользуется тем, что просто игнорирует исходный парадокс и осуществляет свое исчисление, следуя указанию: "проводит различие" (draw

58 Никлас Луман

a distinction) вплоть до того пункта, где появится возможность вообразимого "повторного ввода" формы в форму²⁹.

Применительно к специфической форме смысла, а именно, к дифференции актуальности и потенциальности, все это означает, что смысл становится пригодным для операций лишь посредством "повторного ввода" формы в форму. Внутренняя сторона формы должна уметь воспринять этот "повторный ввод". Различие моментальной актуальности и открытой возможности должно само оказаться в актуальном распоряжении сознания и/или коммуникации. Нужно уметь видеть уже во всей актуальности то, как возможно пересечение (crossing) этой границы и то, какие следующие шаги принимаются во внимание. Это не означает, что "немаркированное пространство" "всего возможного" может исчезнуть в "маркированном пространстве" актуально обозначенного. Ведь оно конституирует актуальное как раз благодаря тому, что переступает через него. Определенные возможности все-таки могут постигаться актуально и получать обозначение, а также предварительно ориентировать это пересечение границы актуального и потенциального; правда, лишь так, чтобы последующее понимание этих возможностей осуществлялось в виде актуальной операции и тем самым по-новому конституировало дифференцию актуальности и потенциальности, то есть смысл. Таким образом, то есть посредством "повторного ввода" формы в форму, смысл превращается в медиум, непрерывно регенерирующий самого себя для непрерывного отбора определенных форм.

Описание этой ситуации некоторым образом саму ее и подтверждает, а значит, является автологической операцией. Но оно же и показывает, что возможно данное описание лишь в форме парадокса, ибо форма, вновь вступающая в себя саму, является той же самой и одновременно не той же самой формой.

Эта продуманная элегантность раскрытия парадоксальности смысла может придать нам смелости для рассмотрения и других дифференций, которые, в свою очередь, должны быть способны к "повторному вводу". В дальнейшем изложении теорию систем мы будем понимать как теорию *различения системы и окружающего мира*, причем на стороне системы "повтор-

III. Смысл 59

ный ввод" может проводиться в том случае, когда сама система, то есть ее собственные операции, различает между самореференцией и ино-референцией. Рассмотрение коммуникации в качестве именно такой операции, которая воспроизводит специфически социальные системы, ориентируется на различие *медиума и формы*. Это различие осуществляется в себе самом в том случае, если на обеих сторонах предполагаются слабо или жестко фиксируемые элементы, которые, со своей стороны, могут распознаваться лишь как формы, а значит, предполагают дальнейшее различие медиума и формы³⁰. Поэтому смысл является последним медиумом, трансцендировать который смысловые системы не способны. Однако формообразования в этом медиуме должны осуществляться как системные операции - протекают ли они в виде управления осознанным вниманием или же в виде коммуникации. В случае языковой коммуникации речь идет о словах, которые (с учетом грамматических правил и в соответствии с требованиями смыслообразования) сопрягаются в предложения. Наконец, и теория общественной эволюции использует различие, разворачивающее ее парадоксальность. Парадоксальность того, что существует нечто такое, что изменяется, уже не разрешается по старинке, то есть различием подвижных и неподвижных (изменяемых/неизменяемых) элементов или частей. На его место в соответствии с дарвинистской теорией заступает различие вариации и отбора, причем эта вариация и сама протекает избирательно, поскольку система может воспринимать не какие угодно, а лишь в высшей степени избирательные раздражения, а значит, допускает раздражения, ведущие к ее вариативному развитию.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. III:

¹ *Luhmann, N.* Sinn als Grundbegriff der Soziologie. In: *Habermas, J., Luhmann, N.* Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie - Was leistet die Systemforschung? Frankfurt am Main, 1971, S. 25-100; *Luhmann, N.* Soziale Systeme: Grundriss einer Allgemeinen Theorie, Frankfurt am Main, 1984 S. 92-147; *Luhmann, N.* Complexity and Meaning. In: *Luhmann, N.* Essays

60 Никлас Луман

on Self-Reference, New York, 1990, p. 80-85.

² См. также: *Deleuze, G.* Logique du sens. Paris, 1969, p. 87: "Смысл – всегда некоторый результат"; "Смысл никогда не бывает принципом или источником, он - продукт". У Делеза это тесно связано с тезисом, что смысла можно обрести лишь благодаря разрешению парадокса.

³ См.: *Brown, G. S.* Laws of Form. ND: New York, 1979.

⁴ Кибернетики сказали бы здесь о повторном вводе "output" в виде "input" в ту же самую систему.

⁵ Это различие выводит нас за пределы концепции Спенсера Брауна в силу тех оснований, которые дает нам системная теория.

⁶ То, относится ли это также и к живым системам, которые не оперируют на основе смысла, но способны к разделению, - является спорным. См.: *Bastide, M., Lagache, A., Lemaire-Misonne, C.* Le Paradigme des signifiants: Scheme d'information applicable en Immunologie et en Homéopathie. In: Revue internationale de systémique, 9 (1995), p. 237-249. Обратите внимание на следующую формулировку этой статьи: "Живая структура способна воспринимать семантический объект не как материальный объект, аффектирующий себя, но как информацию об этом объекте, призванную с этого момента обрабатывать и активно регулировать ансамбль системы" (p. 241). Лишь так может быть обосновано применение понятия информации к живым системам.

⁷ В трансцендентальной феноменологии Гуссерля соответствующим методологическим коррелятом было бы различие между феноменологической редукцией, которая лишь элиминирует в сознании притязания на бытие, и эйдетической редукцией, которая удерживает то, что в вариациях показывает себя как идентичное. См.: *Husserl, E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Bd. 1. In: Husserliana. Bd. IM. Den Haag, 1950, S. 136 и далее.

⁸ Таким образом, и "лингвистический поворот" философии нужно понимать как коррелят общественного развития, лишаящего правдоподобия субстанциальную онтологию и ее трансцендентальное убежище. Это одновременно влечет за собой переход от вопроса "что?" к вопросу "как?", проблематизацию переводимости языков и, в целом, осознанную, начиная с Соссюра, необходимость замены идентичностей на дифференции.

⁹ Это не следует тотчас же истолковывать в смысле "omnis determinatio est negativo" ("всякое определение есть отрицание"). Ведь отрицание - это всегда специфическая операция, которая предполагает идентичность того, что подлежит отрицанию, которое можно было бы и подтвердить. Мы еще движемся в преддверии уже специфицированного различия позитивной и негативной переработки смысла, и само различие означает именно вспомогательно-конститутивную релевантность необозначенного.

¹⁰ Исключением, которое предлагает традиция, является понятие *Бог*. Пробле-

III. Смысл б1

му его принятия вне теологии см.: *Browne, Th.* Religio Medici (1643). Цит. по: Everymans's Library. London, 1965, S. 40, 79. Именно поэтому в случае "Бога" речь должна идти о некотором экстраординарном понятии.

¹¹ См. беспощадную к политике формулировку Бернарда Уильмса: *Willms, B.* Politik als Erste Philosophie oder: Was heißt radikales politisches Philosophieren? In: *Gerhard, V.* (Hrsg.) Der Begriff der Politik: Bedingungen und Gründe politischen Handelns. Stuttgart, 1990, S. 252-267.

¹² Так полагает и Делёз: *Deleuze, G.* Logique du sens, p. 87. Бессмысленное (non-sens) лишь отражает то, что Делёз называет "даром смысла" (donation du sens).

¹³ См. об этом понятии: *Barel, Y.* Le paradoxe et le système: Essai sur le fantastique social. Grenoble, 1989, p. 71, 185, 302.

¹⁴ Это, впрочем, включает и само данное высказывание. И о "бесконечном" или о "неопределенном" можно говорить тем или иным способом, а именно, в контексте определенных (а не других) различий, как, например: бесконечное/конечное или неопределенное/определенное.

¹⁵ См.: *Kaufmann, L. H.* Self-reference and Recursive Forms. In: Journal of Social and Biological Structures, 10 (1987), p. 53-72.

¹⁶ См.: *Meninghaus, W.* Lob des Unsinnnes: Über Kant, Tieck und Blaubart. Frankfurt am Main, 1995.

¹⁷ См. об этом: *Hahn, A.* Sinn und Sinnlosigkeit. In: *Haferkamp, H., Schmid, M.* (Hrsg.) Sinn, Kommunikation und soziale Differenzierung: Beiträge zu Luhmanns Theorie sozialer Systeme. Frankfurt am Main, 1987, S. 155-164.

¹⁸ Тем самым мы одновременно даем ответ на старый вопрос о том, существует ли критерий смысла, который дал бы возможность различать осмысленное и бессмысленное; и - если такой критерий существует - на вопрос о том, является ли сам этот критерий осмысленным или бессмысленным. ¹⁹ В смысле Хайнца фон Ферстера, см.: *Foerster, H. von.* Observing Systems. Seaside Cal., 1981, p. 273.

²⁰ См. более подробно об этом: *Luhmann, N.* Gleichzeitigkeit und Synchronisation. In: *Luhmann, N.* Soziologische Aufklärung. Bd. 5. Opladen, 1990, S. 95-130.

²¹ Эта возможность существует независимо от временных измерений; но измерения времени могут вводиться дополнительно для того, чтобы определить дистанции до современности и, тем самым, получить возможность более точно оценивать уже-не / еще-не актуальную релевантность удаленных во времени событий.

²² Мы заблаговременно отмечаем здесь, что эта временная форма опосредования между избыточностью и вариативностью приобретает исключительно большое значение в Новое время, ибо естественные гарантии избыточности, представляемые необходимостями и невозможностями, все больше теряют свою силу и, одновременно, все больше усиливается нескоорди-

62 Никлас Луман

нированная восприимчивость общественной коммуникации, то есть вариативность.

²³ См.: *Brown, G. S.* Laws of Form, p. 5.

²⁴ Как в староевропейском, так и, позднее, в субъективированном смысле (*securus*). См.: *Winkler, E.* Sécurité. Berlin, 1939.

²⁵ См.: *Luhmann, N.* The Paradox of Observing Systems. In: *Cultural Critique*, 31 (1985), p. 37-55.

²⁶ Здесь можно высказать соображения, которые касаются специализации науки на (неожиданных) сравнениях, неважно, количественных или функциональных. Речь при этом идет о маркировании различий в области еще-сравнимого.

²⁷ Все другие сущности являются "чем-то лишь благодаря различению" "something but by distinction": *Browne, Th.* Religio medici (1643), цит. по: Everyman's Library. London, 1965, p. 40.

²⁸ *Brown, G. S.* Laws of Form, p. 1.

²⁹ Как показали Ранульф Глэнвилль и Франциско Варела, то же самое верно и по отношению ко всем аналогичным случаям парадоксов абсолютности универсального (ничего не исключającego) и элементарного (ничего не включающего), к началу и концу мира. Здесь мы приближаемся к тем аргументам, которые побудили Николая Кузанского к его теологическим размышлениям. *Glanville, R., Varela, F.* „Your Inside is Out and Your Outside is In" (Beatles 1968). In: *Lasker, G E.* (Ed.) Applied Systems and Cybernetics. Bd. II. New York, 1981, p. 638-641.

³⁰ Предварительно нужно заметить, что парадокс, состоящий в предпосылании предпосылок в одной и той же форме, появляется, конечно же, лишь в том случае, если последнее сохраняет форму и если она понимается как закрытое изображение мира, ибо в ином случае такое предпосылание предпосылок вылилось бы в бесконечный регресс.

¹ "Различение есть совершенная непрерывность" (англ.).

IV. РАЗЛИЧЕНИЕ СИСТЕМЫ И ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Теоретические ресурсы "смысловой" революционизации парадигмы теории общества мы заимствуем не из дисциплинарной социологической традиции, а вводим в социологию извне. При этом мы ориентируемся на новое развитие в теории систем, а также на то развитие, которое осуществляется и под другими названиями: например, *кибернетика, когнитивные науки, теория коммуникации, теория эволюции*. В каждом из этих случаев речь идет о таких объединенных междисциплинарными связями дискуссиях, которые в ходе последних двух-трех десятилетий радикально трансформировались и едва ли имеют что-то общее с понятиями о системах пятидесятих и шестидесятих годов двадцатого столетия. Речь идет об абсолютно новом, чародейственном интеллектуальном развитии, которое впервые сделало возможным подрыв старого противопоставления наук о природе и наук о духе, или "hard science" и "humanities", или же предметных областей, данных в форме законов и в форме текстов (герменевтически).

Самая радикальная перестройка, необходимая для понимания дальнейшего изложения, состоит в переходе от рассуждений об объектах к рассуждениям о различениях и, соответственно, в отказе от понимания различий в качестве наличных фактов (различий); различения восходят к требованиям по их осуществлению, ибо в противном случае ничего нельзя было бы обозначить, а значит, ничего нельзя было бы наблюдать, и следовательно, ничто не могло бы получить своего продолжения. Это можно уточнить с помощью понятия *формы*, которое Джордж Спенсер Браун положил в основу своих "Законов формы"¹. Согласно этому понятию, формы теперь следует рассматривать уже не как (более или менее красивые) фигуры, а как пограничные линии, как маркировки некоторой

дифференции, которая принуждает к тому, чтобы ясно представлять себе, ка-

64 Никлас Луман

кая сторона получает обозначение: то есть то, на какой стороне формы мы пребываем и где, соответственно, следует начинать следующие операции. Другая сторона пограничной линии ("формы") дана одновременно с первой. Каждая сторона формы является другой стороной другой стороны. Ни одна из сторон не является чем-то самостоятельным. Она актуализируется лишь благодаря тому, что именно она, а не другая сторона, получает обозначение. В этом смысле форма является *развернутой само-референцией*, а именно, само-референцией, развернутой во *времени*. Ведь всегда приходится исходить из той или иной обозначенной стороны, и для дальнейшей операции требуется время, необходимое для пребывания на обозначенной стороне или же для пересечения границы, конституирующей форму.

Пересечение - это креативный акт. Ведь если повторение обозначения лишь подтверждает его идентичность (позднее же мы будем утверждать, что здесь проверяется, и тем самым конденсируется его смысл в различных ситуациях), то пересечение в направлении обеих сторон формы повторением не является и поэтому не может сводиться к одной единственной идентичности². Это другая версия того же воззрения, согласно которому различие в ходе его применения само идентифицироваться не может. И именно на этом основывается плодотворность пересечения, как мы еще подробно покажем на примере бинарного кодирования.

Такое понятие формы, правда, имеет некоторое сходство с гегелевским понятием *понятия*, поскольку для обоих конститутивным является включение различения. Но все-таки в понятие понятия Гегелем вводились гораздо более широкие притязания, которые мы здесь не можем проследить, да и не нуждаемся в этом. В отличие от *формы* в подразумеваемом здесь смысле гегелевское *понятие* само берет на себя решение проблемы своего единства. Тем самым оно устраняет самостоятельность различенного (к примеру, в понятии *человек* устраняются самостоятельность противоположных моментов чувственности и разума), и это осуществляется при помощи специфического различения всеобщего и особенного, снятием которого понятие конституируется как отдельное. Помнить об этом здесь нужно

IV. Различение системы и мира 65

лишь для того, чтобы утвердить противоположное: форма как раз и становится самым различением, требуя обозначения (а значит, и наблюдения) одной или другой стороны, и именно поэтому (абсолютно отличаясь в этом от понятия) она сама не в состоянии воплотить собственное единство. Единство формы не является ее "более высоким" духовным смыслом. Напротив, оно есть исключенное третье, которое не может наблюдаться до тех пор, пока наблюдение осуществляется с помощью этой формы. В понятии *формы* также предполагается, что обе стороны определяются внутри себя через отсылку к соответствующей другой стороне; но это надо расценивать здесь не как предпосылку "примирения" с ее противоположностью, а как предпосылку различимости некоторого различения.

Всякое определение, всякое обозначение, всякое познание, всякое действие конституируют в виде операций подобную форму, а в виде грехопадения разрезают мир, вследствие чего возникает дифференция, появляется одновременность и потребность во времени, а предшествующая неопределенность становится недоступной.

Благодаря этому понятие формы уже не отличается ни от понятия содержания, ни от понятия контекста³. Некоторая форма может состоять в отличии чего-то от всего другого, а также проявляться в отличии чего-то от его контекста (скажем, архитектурного сооружения от его городского и ландшафтного окружения), как, впрочем, и в отличии какой-то ценности от ценности противоположной при исключении третьих возможностей. Всегда, когда понятие *формы* маркирует одну сторону некоторого различения при условии, что существует еще и другая, [этим маркированием] определяемая сторона, существует и некоторая сверхформа, а именно форма различения формы и чего-то другого⁴.

С помощью этой понятийности, развитой для исчисления форм и обработки различений, можно интерпретировать и различение системы и окружающего мира⁵.

С точки зрения общего исчисления форм, данное различие является особым, прикладным случаем. С методологической точки зрения, речь идет не просто о том, чтобы заменить объяснение общества, исходя-

66 Никлас Луман

щее из единого принципа (будь это "дух" или "материя"), на объяснение путем различения. Мы, правда, признаем центральное положение различения системы и окружающего мира, а значит, и центральную роль формы "системы", но под этим подразумевается лишь то, что оно обеспечивает консистенцию теории, то есть организует связь некоторого множества различений. Соответственно, эта процедура является не дедуктивной, а индуктивной; она испытывает, какое значение обобщения одной формы имеют для другой. И консистенция при этом означает лишь производство достаточных избыточностей, то есть экономное обращение с информацией.

Для самой теории систем это понятие *формы* ясно показывает, что эта теория имеет дело не с особыми объектами (или даже лишь техническими артефактами или аналитическими конструктами), но тематизирует особый вид формы, особую форму форм, которая применительно к случаю "система и окружающий мир" проявляет всеобщие свойства всякой двусторонней формы. И в этом случае имеют силу все свойства формы: и одновременность системы и окружающего мира, и потребность всех операций во времени. Однако прежде всего этот способ изложения должен отчетливо показать, что система и окружающий мир хотя и являются - как две стороны одной формы - разделенными, однако не могут существовать без соответствующей другой стороны⁶. Единство формы сохраняет свой предпосылочный характер дифференции; однако сама дифференция не является носителем операций. Она не есть ни субстанция, ни субъект, но в истории теории заступает на место этих классических фигур. Операции возможны лишь как операции некоторой системы, а значит, лишь на внутренней стороне формы. Но система может оперировать и как наблюдатель формы; она способна наблюдать единство дифференции, видеть форму в двух сторонах формы - но только в том случае, если для этого система, в свою очередь, может образовать еще одну форму, то есть со своей стороны оказывается в состоянии различать различие. Тогда и достаточно комплексные системы способны применять различение системы и окружающего мира также и к самим себе. Но это возможно лишь в том слу-

IV. Различение системы и мира 67

чае, если для этого они проводят собственную операцию, в ходе которой и осуществляется это самоприменение. Другими словами, они способны отличать себя самих от их окружающего мира, но это осуществляется лишь как внутрисистемная операция. Форму, которую они порождают как бы вслепую, оперируя рекурсивно и этим обособляя себя, они вновь получают в свою распоряжение, если наблюдают самих себя как систему в некотором окружающем их мире. И лишь так, единственно при таких условиях и теория систем оказывается основанием для определенной практики различения и обозначения. Различения системы и окружающего мира она использует как форму своих наблюдений и описаний; но, чтобы уметь это делать, она должна научиться отличать это различие от других различений, скажем, от различений, применяемых в теории действия; а чтобы вообще иметь возможность оперировать таким способом, теория должна образовать систему, в данном случае: являться наукой. Следовательно, этот концепт, в его приложении к теории систем, отвечает искомому требованию: требованию самоприменения теории. Благодаря своему отношению к предмету она вынуждена осуществлять ретроспективные "автологические" обращения к себе самой.

Если признавать это дифференциально-теоретическое основание, то всякое развитие более современной теории систем явится вариацией на тему "система и окружающий мир". Прежде речь шла о том, чтобы, обращаясь к представлениям об обмене веществ или вводе (input) и выводе (output), объяснить существование систем, не подчиняющихся закону возрастания энтропии, способных осуществлять негэнтропийные процессы и тем самым, именно благодаря открытости и независимости от окружающего мира системы, усиливать ее отличие от этого окружающего мира. Из этого можно было заключить, что независимость и зависимость от окружающего мира не являются взаимоисключающими признаками

системы, но при определенных условиях способны усиливать друг друга. Соответственно, возникает вопрос о том, каковы эти условия. Ответ на него помогает найти эволюционная теория.

Следующий шаг в развитии теории состоял в вовлечении в

68 Никлас Луман

нее само-референциальных, то есть круговых, отношений. Сначала возникла идея о выстраивании структур системы благодаря ее собственным процессам и, вследствие этого, заговорили о самоорганизации. При этом окружающий мир понимался как источник неспецифического (бессмысленного) "шума", из которого система именно благодаря связи собственных операций оказывается способной извлекать смысл. Так, пытались объяснить, что система - хотя и зависимая от окружающего мира и неспособная существовать без него, но не детерминируемая им, - может организовывать себя саму и выстраивать собственный порядок: "order from noise"⁷. С точки зрения самой системы, окружающий мир оказывает на нее случайные воздействия⁸. Но ведь именно эта случайность является необходимой для эмерджентности порядка, причем эта необходимость усиливается с ростом комплексности этого порядка.

Умберто Матурана обогатил это состояние дискуссии новым элементом - понятием аутопойезиса⁹. Аутопойетические системы представляют собой такие системы, которые в сети своих элементов порождают не только свои структуры, но и сами элементы, из которых они состоят. Эти элементы (если их рассматривать во времени, то речь идет об операциях), из которых состоят аутопойетические системы, не существуют независимо от нее. Они не просто вступают в единое целое. Они не просто связаны друг с другом. Напротив, они только и порождаются системой, а именно, благодаря тому, что они (безотносительно к их энергетической и материальной базе) *признаются как различия*. Элементы - это информации, это различия, которые производят различие в системе. И поэтому они являются единицами применения для производства следующих единиц применения, для которых в окружающем мире системы не существует никакого соответствия.

В контексте широкой и весьма критической дискуссии следует, прежде всего, указать на скудную объяснительную ценность понятия аутопойезиса. Оно требует лишь того, чтобы все объяснения исходили из специфических операций, которые воспроизводят - как объясняемую, так и объясняющую - систему. Но оно ничего не сообщает о том, какие специфические струк-

IV. Различение системы и мира 69

туры развились в подобных системах на основе структурных сопряжений между системой и окружающим миром. Следовательно, оно не объясняет исторические состояния системы, из которых вытекает дальнейший аутопойезис. Аутопойезис жизни являет собой единственное в своем роде биохимическое изобретение эволюции; однако из него не следовало, что должны были бы появиться также черви и люди. И то же самое относится к случаю коммуникации. Коммуникация, предполагающая аутопойетическую операцию коммуникации, порождает общество, однако из этого еще не вытекает, какое именно это будет общество. Итак, аутопойезис представляет собой некоторый инвариантный принцип для определенной системы, причем как для объясняемой, так и для объясняющей. Тем самым, мы отказываемся от онтологического способа объяснения, сводящегося к поиску инвариантов бытия, а вместе с ним и от дифференции субъект/объект. Но это еще не позволяет говорить о том, какие исходные исторические ситуации определяют через структурные сопряжения направление спецификации структур. Мы лишь утверждаем, что для ответа на этот вопрос должна исследоваться сама система.

Поэтому под аутопойезисом не следует понимать производство определенных "гештальтов". Решающим, напротив, оказывается порождение дифференции системы и окружающего мира¹⁰. Благодаря выделению системы из того, что остается в качестве окружающего ее мира, возникают внутренние игровые пространства свободы, поскольку детерминация системы ее окружающим миром теряет свою силу. Итак, аутопойезис в его правильном понимании означает, прежде всего, порождение *внутрисистемной неопределенности*, которая может быть редуцирована лишь собственными структурным образованиями системы. Это не в последнюю очередь объясняет то, что системы общества изобрели медиум *смысл*,

позволяющий учитывать этот открытый характер дальнейших определений во внутрисистемных операциях. Поэтому в качестве собственных операций системам известны лишь коммуникации, осуществляющие отбор смысловых форм.

Само собой разумеется, что это аутопойетическое воспроиз-

70 Никлас Луман

водство не может осуществляться без окружающего мира (ведь иначе, как мы знаем, другая сторона формы не являлась бы системой). Однако теперь нужно очень четко указать (и это может оказаться полезным и для нашей теории общества) на то, каким образом аутопойетические системы, которые сами производят элементы, необходимые для продолжения их аутопойезиса, формируют свое отношение к окружающему миру. Поэтому все внешние отношения подобной системы даны как *неспецифические* (что, конечно же, не исключает того, что наблюдатель может специфицировать то, что он сам хочет или может увидеть). Всякая спецификация, в том числе и спецификация отношения к окружающему миру, предполагает собственную деятельность системы и некоторое историческое состояние системы как условие ее собственной деятельности. Ведь спецификация сама является *формой*, то есть *различием*; она состоит в выборе из самоконституированной области выбора (информации), и эта форма может образовываться лишь в самой системе. Поэтому не существует ни ввода (input) элементов в систему, ни их вывода (output) из системы. Система не только на структурном, но и на операционном уровне является автономной. И именно это выражает понятие аутопойезиса. Свои собственные операции система может конституировать, лишь подсоединяя их к другим собственным операциям этой же самой системы. Но этим еще не заданы все условия существования, так что следует еще раз повторить вопрос о том, как данную рекурсивную зависимость оперирования от него самого можно отличить от бесспорно сохраняющихся зависимостей от окружающего мира. На этот вопрос можно ответить лишь с помощью анализа специфики аутопойетических операций (или, другими словами, ответ еще не состоит в самом понятии аутопойезиса, который часто воспринимают поверхностно). Эти размышления подводят нас к тому, чтобы придать центральное значение в теории общества понятию *коммуникации*.

Представленные выше понятийные установки проясняют, в первую очередь, понятие операционной (или само-референциальной) закрытости системы, которое сегодня очень часто используется. Под ним, естественно, не подразумевается ничего

IV. Различение системы и мира 71

из того, что могло бы пониматься как каузальная изоляция, отсутствие контакта или же абсолютная замкнутость системы. Полностью сохраняется сформировавшееся уже в теории открытых систем понимание того, что независимость и зависимость могут усиливать друг друга и посредством друг друга. Мы лишь меняем формулировку и утверждаем, что всякая открытость основывается на закрытости системы. В более детальном изложении это означает, что лишь операционно закрытые системы могут выстраивать присущую им самим высокую комплексность, которая затем может служить для спецификации тех аспектов, в которых система реагирует на условия окружающего ее мира, тогда как во всех остальных аспектах она благодаря своему аутопойезису может оставаться индифферентной¹¹.

Не опровергается и воззрение Геделя о том, что ни одна система не могла бы включить себя саму в логически непротиворечивую упорядоченность¹². Здесь, в конечном счете, утверждается лишь то, что предполагали и мы: а именно, что понятие системы указывает на понятие окружающего мира и поэтому не может изолироваться ни логически, ни аналитически. На операционном уровне (в нашей тематической области: применительно к коммуникации) аргумент Геделя основан на понимании того, что высказывание о числах включает в себя некоторое высказывание о высказывании о числах (или, иначе, что коммуникация может функционировать лишь само-референциально). Но, вместе с тем, необходимо подчеркнуть и то, что это касается лишь наблюдателя, производящего наблюдение при помощи различения система/окружающий мир или, другими словами, сосредотачивающегося на операциях, но еще не задающегося вопросом о том, как же возникает единство системы.

Понимание кругового, само-референциального и поэтому логически симметричного способа выстраивания этих систем подводит к вопросу о том, *как* же могут разрываться такие круги и выстраиваться асимметрии. Кто же скажет тогда, *что* является причиной, а *что* - следствием? Или, еще радикальнее: что предшествует, а что появляется позднее, *что* происходит внутри, а *что* - вовне? Инстанцию, осуществляющую это размышление, сегодня часто называют "наблюдателем". Под ним

72 Никлас Луман

не следует подразумевать одни лишь процессы сознания, а значит, - только психические системы. Это понятие используется в высшей степени абстрактно и независимо от материального субстрата, инфраструктуры или же специфического способа оперирования, который делает возможным проведение наблюдений. *Наблюдать* - значит просто (и далее везде это понятие мы будем использовать в указанном смысле) *различать* и *обозначать*. С помощью понятия *наблюдения* учитывают то, что "различение и обозначение" являются одной единственной операцией; ведь невозможно обозначить нечто, что бы не было отлечено благодаря этому процессу; так же и различение реализует свой смысл лишь тем, что служит для обозначения или одной, или другой стороны (но именно - не обеих сторон сразу). Если формулировать в терминологии традиционной логики, различение в его отношении к сторонам, которые оно различает, оказывается исключенным третьим. Если же, наконец, принять во внимание и то, что наблюдение всегда является некоторой операцией, которая должна проводиться посредством аутопойетической системы, и если понятие этой системы в этой ее функции обозначить как *наблюдателя*, то это влечет за собой следующее высказывание: наблюдатель есть исключенное третье своего наблюдения. В ходе наблюдения он не способен увидеть самого себя. Наблюдатель есть Не-Наблюдаемое, как это коротко и ясно заявляет Мишель Серр¹³. Различение, которое в том или ином случае использует наблюдатель с целью обозначить ту или другую сторону, служит невидимым условием зрения, слепым пятном. И это относится ко всякому наблюдению, неважно, осуществляется ли операция в психической или социальной форме, в виде актуального процесса сознания или в виде коммуникации.

Система общества характеризуется, соответственно, не определенной "сущностью", не говоря уже об определенной морали (о распространении счастья, солидарности, о сходствах в условиях жизни, об интеграции на основе разумного консенсуса и т. д.), - ее характеризует та операция, в ходе которой производится и воспроизводится общество¹⁴. И эта операция - коммуникация¹⁵. Следовательно, под *коммуникацией* (как, в более

IV. Различение системы и мира 73

узком смысле, и под *операцией*) понимается некое протекающее конкретно-исторически, а значит, зависимое от контекста событие, а не просто применение регулятивов правильной речи¹⁶. Для возникновения коммуникации необходимо, чтобы все задействованные лица были наделены знанием и незнанием. На это понимание мы уже указали в наших методологических заметках, рассматривая его как возражение методологическому индивидуализму. Ибо как еще можно рассматривать незнание в качестве состояния сознания, если не в зависимости от коммуникативных ситуаций, которые специфицируют или обеспечивают распознавание определенных информационных возможностей. Коммуникация является аутопойетической операцией уже потому, что лишь она только и продуцирует распределение знания и незнания - благодаря тому, что его изменяет.

Практикуя смысл, проводить различения вынуждена и коммуникация, обозначая одну сторону и проявляя заботу о возможных подсоединениях к ней следующих операций. Тем самым аутопойезис системы получает свое продолжение. Но что же происходит с другой стороной? Она остается необозначенной, а поэтому не нуждается в проверках на консистентность. Здесь никто не ищет связей. По этой причине, как правило, быстро забывается, от чего, собственно, было отлечено обозначенное, - неважно, шла ли речь о "неразмеченном пространстве" или же о "противоположных понятиях", которые более не представляют интереса для дальнейших операций. Другая сторона, правда, непрерывно сопровождает первую, ибо в противном случае не возникло бы никакого различения, но она не используется для достижения чего-то определенного.

Дальнейшее объяснение исходит из понимания, согласно которому элементарная операция общества представляет собой событие, привязанное к моменту времени, и которое, как только это событие состоялось, тотчас же снова исчезает. Это имеет значение для всех *компонентов* коммуникации: для *информации*, которая лишь однажды может чем-то нас удивить, для *сообщения*, которое - как действие - привязано к какому-то мгновению, и для *понимания*, которое, также будучи неповторимым, в любом случае может быть доступным в воспоминании. И это

74 Никлас Луман

относится как к устной, так и к письменной коммуникации с той разницей, что благодаря технологии распространения письменности событие коммуникации может распределяться во времени и пространстве среди многих адресатов и, тем самым, реализовываться в моменты времени, количество которых предвидеть невозможно.

С помощью этого понятия *коммуникации*, всегда соотносящегося со временем, мы одновременно исправляем популярное ныне понятие *информации*. Информация - это неожиданный отбор из многих возможностей. Являясь чем-то удивительным и неожиданным, она не может быть ни чем-то стабильным, ни чем-то допускающим транспортировку; она должна порождаться внутрисистемно, ибо предполагает сравнение с ожиданиями. Кроме того, информацию невозможно приобретать чисто пассивно в виде логических следствий из сигналов, воспринимаемых из окружающего мира. Напротив, она всегда содержит некоторую произвольную компоненту предвосхищения того, что с ней потом можно дальше делать¹⁷. Итак, еще до начала порождения информации по отношению к ней должен сформироваться интерес.

Понимание коммуникации как единства, состоящего из трех компонент - информации, сообщения и понимания, которые только и производятся этой коммуникацией, - исключает возможность приписывания одной из этих компонент онтологической первичности. Нельзя исходить из того, что первоначально существует некий предметный мир, о котором потом можно вести речь; источник происхождения коммуникации не состоит и в "субъективном" действии сообщения, которое бы устанавливало смысл; также нельзя утверждать, что сначала возникает общество, культурные институты которого предписывали бы то, каким образом нечто следовало бы понимать в качестве коммуникации. Единство коммуникативных событий не является ни объективным, ни субъективным, ни социально дедуцируемым, и именно поэтому коммуникация создает себе медиум *смысл*, в котором она потом в любой момент может установить, ищет ли дальнейшая коммуникация свою проблему в информации, в сообщении или же в понимании. Компоненты комму-

IV. Различение системы и мира 75

никации взаимобразно предполагают друг друга; они связаны круговым образом. И поэтому они уже не могут онтологически фиксировать свои экстернализации в качестве свойств мира, а должны искать их в переходе от одной коммуникации к соответствующей другой коммуникации.

Зависимость операции коммуникации от момента времени связана с отношением к моменту понимания на основе наблюдения дифференции информации и сообщения. Лишь понимание ретроспективно производит коммуникацию. (Мы нуждаемся в этом утверждении, чтобы иметь возможность причислить к коммуникациям письменную и денежную коммуникации.) Итак, коммуникация являет собой определенный тип наблюдения за миром, руководствующийся специфическим различением информации и сообщения. Она - одна из возможностей универсализации посредством спецификации. Коммуникация не является "трансляцией" смысла¹⁸, хотя в момент понимания - для лучшего понимания коммуникации относительно момента сообщения - и могут конституироваться широкие временные горизонты. Проблема же состоит в том, что коммуникация не в состоянии контролировать то, что совершается одновременно с нею, то есть то, что происходит в момент понимания, а значит, она всегда остается зависимой от обращений к собственному прошлому, от избыточностей, самоконституированных рекурсий.

Поэтому понимание в коммуникативных связях было бы совершенно

невозможно, если бы оно зависело от расшифровки того, что психологически протекает одновременно с ней. Следует, правда, предварительно указать на то, что здесь соучаствуют и процессы сознания, однако никто из участников коммуникации не может знать, *как* оно задействовано в конкретном случае, - причем, ни по отношению к другим участвующим, ни по отношению к себе самому. Напротив, коммуникация (а значит, общество) должно само создавать необходимое для нее понимание. Это осуществляется благодаря неслучайному характеру осетевления коммуникативных событий, то есть благодаря само-референциальной структуре процесса коммуникации. Ведь всякое отдельное событие получает свое значе-

76 Никлас Луман

ние (= понятность) лишь благодаря тому, что указывает и на другие события и ограничивает то, что они могут означать, и именно благодаря этому определяет само себя".

Поэтому система коммуникации существует лишь в момент ее оперирования; но для определения своих операций она использует медиум *смысл*, и благодаря этому обретает способность в каждой своей операции - исходя из самой себя - избирательно соотноситься с другими операциями и осуществлять это в горизонтах, в которых системе предстает мир, существующий одновременно с ней²⁰. Поэтому всякая продолжительность должна производиться через переход к другим событиям. Коммуникативные системы возможны лишь как рекурсивные системы, поскольку свои отдельные операции они могут осуществлять лишь через ретроспективное или предвосхищающее обращение к другим операциям той же самой системы²¹. Это, в свою очередь, влечет за собой двойное требование прерывности и непрерывности, из которого вытекает вопрос о том, каким образом в *иных* ситуациях смысл может рассматриваться как *один и тот же*. Должна образоваться *распознаваемая повторяемость*. Лишь если и только если последнее действительно имеет место, может быть сохранена классическая понятийность, в которой ведется речь об "элементе" и "отношениях" и при этом подразумеваются стабильные предметы²². И остается вопрос: как же это возможно в медиуме смысла?

В теории форм Джорджа Спенсера Брауна эта насущная потребность может быть выражена в двойственной понятийности *конденсации* и *конфирмации*, которые не могут быть сведены к одному понятию. Рекурсии должны порождать тождества, годящиеся для повторных использований; это может происходить только посредством избирательного сгущения, благодаря отсеиванию моментов, не повторяющихся в других ситуациях. Но, кроме того, эти тождества должны сохранять сгущенный таким образом смысл и в новых ситуациях, а это требует обобщения. Если эти требования должны - скажем, с помощью языка - выполняться вновь и вновь, то образуются обобщенные варианты смысла, значения которых еще до конца не исчерпываются формой определений. Они вытекают из опытов приме-

IV. Различение системы и мира 77

ния, которые зависят исключительно от системы пользователя. В этом мы видим основание для эволюции символически обобщенных средств коммуникации.

Аналогичные размышления мы обнаруживаем у Деррида, в его тезисе о различии (*différance*)²⁴. Не только в письме, но и в речи, да и во всяком виде опыта знаки должны использоваться, а также транслироваться в другие ситуации. Следовательно, различения (разломы, разрывы, *ruptures*) должны транспортироваться во времени. Это осуществляется лишь в том случае, если отсутствует то, к чему относится знак (здесь, прежде всего, интенция)²⁵. Итак, мы можем резюмировать: необходимость разложения на временные последовательности принуждает к дифференциации системы и окружающего мира и - в рамках системы - к операционной замкнутости рекурсий.

Концепция само-референциальной, операционной закрытости изменяет понятие системной границы и некоторым образом его усложняет, что нуждается в тщательном анализе. В живых системах, то есть в аутопойетической организации молекул в пространстве, еще можно говорить о пространственных границах. Ведь границами здесь являются особые органы системы (мембраны клетки, кожа организмов), которые выполняют специфические функции ограждения и

избирательного посредничества в процессах обмена. Эта форма границы (которая, естественно, видна лишь внешнему наблюдателю и просто живет в системах) исчезает в тех системах, которые оперируют в медиуме смысла. Такие системы вообще не ограничены в пространстве, но обладают совершенной иной, а именно, чисто внутренней формой границы. Это относится уже к сознанию, которое именно этим и отличается от мозга и лишь так способно "экстернализировать" нейрофизиологическое самонаблюдение организма²⁶. И, тем более, это важно для коммуникационной системы общества, что становится очевидным, начиная с изобретения письменности или, самое позднее, со времени изобретения телефона. Граница этой системы воспроизводится в каждой отдельной коммуникации благодаря тому, что коммуникация определяет себя как коммуникацию в сети собственных системных операций, и при этом она ни в коем случае не

78 Никлас Луман

вбирает в себя никаких психических, химических или нейрофизиологических компонент. Другими словами, каждая операция способствует непрерывной дифференциации системы и не может обрести свое собственное единство каким-то другим способом. Граница системы есть не что иное, как вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют²⁷. Граница - это форма системы, другая сторона которой становится, тем самым, окружающим миром.

То же самое можно сформулировать с помощью различения само-референции и ино-референции. Осмысленно оперирующие системы воспроизводятся в непрерывном процессе различения само-референции и ино-референции. Единство этого различения не может стать доступным для наблюдений. Его воплощение всегда осуществляется лишь в виде операции и неизменно лишь внутри (ибо, в противном случае, не могло бы быть и речи о само-референции и ино-референции). Подобно живым системам, осмысленно оперирующие системы также никогда не смогут в своих собственных операциях переступить свои собственные границы. Однако в медиуме *смысл* границы непременно обладают и некоторой другой стороной, являются формами, данными в виде двусторонних форм (а не в виде чистой фактичности операционного процесса). Это означает следующее: наблюдение, сопровождающее переход одной операции к некоторой другой, всегда подмечает и избирательность рекурсивных сопряжений, а тем самым, нечто такое, что принадлежит не системе, а окружающему ее миру. В коммуникации актуализируется и меняется информация о чем-то, что само не является коммуникацией. Ино-референция неизменно сопутствует всем поискам подходящих подсоединений в сети коммуникации. Поэтому граница системы является всего лишь самопроизведенной дифференцией само-референции и ино-референции, и как таковая она присутствует во всех коммуникациях.

С помощью непрерывно воспроизводящегося различения информации и сообщения социальная система может наблюдать саму себя. Наблюдатель этого наблюдения, наблюдатель второго порядка (к примеру, социальная система наука) может, кроме того, различать *темы* и *функции* коммуникации и, тем

IV. Различение системы и мира 79

самым, наблюдать условия повторяемости операций (здесь: коммуникаций). Темы делают возможным различения тем и вкладов, а значит, различение структур и операций, которые потом на внутренней стороне границы обращаются к окружающему миру. Это делает возможным эпизодически последовательный порядок коммуникации и формирует расчлененную на темы, словно локально ("топически") упорядоченную память²⁸. Функции, напротив, относятся к аутопойезису системы и к необходимому для этого воспроизводству, изменению или же новому развитию структур. В коммуникации о коммуникации ее темами становятся, соответственно, также и темы и функции коммуникации - "повторные вхождения" различения в себя само. И, тем самым, система замыкается на рефлексивном уровне, то есть достигает состояния двойной закрытости²⁹, которое гарантирует высокую внутреннюю гибкость, но также обеспечивает каждому наблюдателю непрозрачность.

Мы еще увидим, что этот анализ требует от нас гипотезы наличия одной единственной системы мирового общества, которое, словно пульсируя, растет или сжимается в зависимости от того, что получает воплощение в качестве коммуникации. О множественности обществ можно было бы утверждать лишь том

случае, если бы между ними не существовало никаких коммуникативных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IV:

¹ См.: *Brown, G. S.* Laws of Form.

² Спенсер Браун различает соответственно две (единственные!) аксиомы: (1)

"Значение названия, осуществленного повторно, остается значением названия" и (2) "Значение пересечения, осуществленного повторно, не является значением пересечения".

³ Такую замену противоположных понятий предлагает Кристофер Александер: *Alexander, Ch.* Notes on the Synthesis of Form. Cambridge, Mass., 1964.

⁴ Мы еще вернемся к этому применительно к различению медиума и формы.

⁵ См. ясное и подробное изложение в: *Simon, F. B.* Unterschiede, die Unterschiede machen: Klinische Epistemologie: Grundlage einer systemischen Psychiatrie und Psychosomatik. Berlin, 1988, S. 47.

⁶ Из этого вытекает, что различение система/окружающий мир не может полу-

80 Никлас Луман

чить приоритета, не может "иерархизироваться", ибо в противном случае возникает эффект "перепутанной иерархии" (tangled hierarchy) в смысле Хофштадтера. См.: *Godard, O.* L'environnement, du champs de recherche au concept: Une hiérarchie enchevêtrée dans la formation du sens. In: Revue internationale de systémique, 9 (1995), p. 405-428.

⁷ См.: *Foerster, H. von.* On Self-organizing Systems and Their Environments.

In: *Yovits, M. C., Cameron, S.* (Ed.). Self-organizing Systems: Proceedings of an Interdisciplinary Conference. Oxford, 1960, p. 31-60; *Altan, H.* Entre le crystal et la fume. Paris, 1979. [Буквально "order from noise"- "порядок из шума" (англ.). -Прим. пер.]

⁸ Анри Алтан даже заходит настолько далеко, что заявляет: в связи с этим изменением в организации системы могли бы получить лишь объяснение извне. *Altan, H.* L'émergence du nouveau et du sens. In: *Dumouchel, P., Dupuy J.-P.* (Ed.), L'auto-organisation: De la physique au politique. Paris, 1983.

⁹ См. общий обзор: *Maturana, H.* Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit. Braunschweig, 1982. Обзор последних дискуссий см.: *Mingers, J.* Self-producing Systems. Implications and Applications of Autopoiesis. New York, 1995.

¹⁰ На немецком языке можно сказать "Ausdifferenzierung" ("от-дифференциация"). В английском языке не существует никакого соответствующего слова. Возможно, это объясняет то, что этой стороне аутопоиезиса не уделили должного внимания. И все-таки Матурана четко различает между аутопоиезисом и аутопоиетической организацией (структурообразованием).

¹¹ Парадигмальным примером этого служит сегодня мозг. Компактное введение в тему см.: *Schwarz, J. R.* Die neuronalen Grundlagen der Wahrnehmung. In: *Schiepeck, J.* (Hrsg.) Systeme erkennen Systeme: Individuelle, soziale und methodische Bedingungen systemischer Diagnostik, S. 75-93.

¹² Сегодня это признают все, причем зачастую не обращая внимания на специфику геделевского доказательства. Сравните в качестве дополнения следующую системно-теоретическую аргументацию: *Ashby, W. R.* Principles of the Self-Organizing System. In: *Foerster H. von, Zopf, G. W.* (Ed.) Principles of Self-Organization. New York, 1962, p. 255-278.

¹³ *Serres, M.* Der Parasit. Frankfurt am Main, 1981, S. 365.

¹⁴ Понимание социальных систем как операций радикально отличается от совершенно иного способа рассмотрения, при котором социальные системы определяются через множество непосредственно взаимодействующих элементов и через сохранение его сети даже при выбывании элементов. См.: *Zeleny, M.* Ecosocieties: Societal Aspects of Biological Self-Production. In: Soziale Systeme, I (1985), S. 179-202. Как следствие, и организмы, и даже клетки, начинают пониматься в качестве социальных систем. Мы же хотим избежать такого понятийного передергивания.

¹⁵ См. прояснение этих понятий: *Luhmann, N.* Grundriß einer allgemeiner

IV. Различение системы и мира 81

Theorie. Frankfurt am Main, 1984, S. 191. К этому мы еще не раз будем возвращаться именно в тех местах, где в ходе анализа нам понадобится большая острота взгляда.

¹⁶ См. об этом литературно-научную концепцию Де Берга: *De Berg, H.* Kontext und Kontingenz: Kommunikationstheoretische Überlegungen zur Literaturhistoriographie. Opladen, 1995; *De Berg, H.* A Systems Theoretical Perspective on Communication. In: Poetics Today, 16 (1995), p. 709-736.

¹⁷ См.: *Günter, G.* Cognition and Volition: a Contribution to a Cybernetic Theory of Subjectivity. In: *Günter, G.* Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik. Bd. 2. Hamburg, 1979, S. 203-240. Достигнутое здесь важнейшее понимание состоит в том, что никакая операционно закрытая система не может отказаться от активной роли по отношению к окружающему ее миру.

¹⁸ См. о влиянии этой и других метафор на понятие коммуникации: *Krippendorff, K.* Der verschwundene Bote: Metaphern und Modelle der Kommunikation. In: *Merten, K., Schmidt, K. J., Weischenberg, S.* (Hrsg.) Die Wirklichkeit der Medien: Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. Opladen, 1994, S. 79-113.

¹⁹ См.: *Hutter, M.* Communication in Economic Evolution: The Case of Money. In: *England, R. W.* (Ed.) Evolutionary Concepts in Contemporary Economics. Ann Arbor, 1994, p. 115: "Само-референциальная природа процесса требует его логической закрытости. Понимание всегда

представляется завершенным, поскольку оно содержит свое собственное основание. Понимание оперирует вслепую, и именно так оно должно функционировать. Чувство завершенности является выдающимся в своей полезности качеством; без него мы, возможно, погибли бы от страха или неуверенности".

²⁰ Для сравнения теорий заметим, что мы можем отказаться от классического различения процесса и структуры, требующего различия двух уровней и поэтому не позволяющего обозначить (производство) единства системы - пусть даже оно выражено только в языке: союзом "и" между процессом и структурой.

²¹ Следствия из этого можно продемонстрировать и при помощи математического понятия рекурсивных функций, которое лежит в основе современной математики неожиданного и компенсации неисчислимого через системное производство собственных значений. См: Foerster, H. von. Für Niklas Luhmann: wie rekursiv ist Kommunikation? In: Teoria Sociologica, 1/2 (1993), S. 61-85. Итоговый тезис: коммуникация есть рекурсивность.

²² Все еще имеется достаточно оснований для сохранения этих понятий в тех случаях, когда речь идет об описании *моделей* систем. Но это не выводит нас за рамки моделирования. В их операционной действительности и текучести - но, прежде всего, в богатстве их *обойденных* возможностей - системы оказываются гораздо более комплексными, нежели это может быть

82 Никлас Луман

показано на модели. Поэтому я не могу последовать Пьерпаоло Донати (*Donati, P.* Teoria relazionale della società. Milano, 1991), предлагающему заменить теорию систем на теорию отношений; или же дополнить ее так, как это делает Карл-Хайнц Ладер: *Ladur, K.-H.* Postmoderne Rechtssoziologie: Selbstreferenz - Selbstorganisation - Prozeduralisierung. Berlin, 1992, S. 165.

²³ См.: *Brown, G S.* Laws of Form, p. 10, 12.

²⁴ *Derrida, J.* Marges de la philosophie. Paris, 1972, p. 1, 365. Сравнительный анализ см. также: *Luhmann, N.* Deconstruction as Second-Order Observing. In: New Literary History, 24 (1993), p. 763-782.

²⁵ "Поскольку это единство обозначающей формы не образуется иначе, кроме как через ее повторяемость (itérabilité), благодаря возможности ее повторения в отсутствие не только ее "референта", существующего самого по себе, но и при отсутствии обозначенного определением или интенции актуального обозначения как всякой интенции наличной коммуникации". *Derrida, J.* Marges de la philosophie, p. 378.

²⁶ Мы можем оставить открытым вопрос о том, как это в точности следует понимать. Нервная система может всякий раз наблюдать лишь тот организм, благодаря которому и в котором она живет. Она различает состояния организма, не получая никакого доступа к окружающему его миру. Сознание, видимо, возникло для разрешения вытекающих из этого конфликтов в переработке информации. Соответственно, оно видит некое внешнее пространство, некое время, выходящее за пределы мгновения, воображает отсутствующее - ради очищения от противоречий, которые в противном случае возникли бы (к примеру, вследствие бинокулярного зрения или проверок памяти на консистенцию). Но эта уловка же и в случае с животными - может функционировать лишь в том случае, если сознание, со своей стороны, никак не ограничено где-то в пространстве.

²⁷ То же самое относится к "самости" Грегори Бэйтсона: *Bateson, G.* Geist und Natur: Eine notwendige Einheit. Frankfurt am Main, 1982, S. 163.

²⁸ Мы говорим здесь о памяти самой системы коммуникации, а не о нейрофизиологических или психических достижениях. Ведь система коммуникации благодаря применению собственных средств коммуникации может заменять достижения памяти отдельных психических систем и, наконец, с помощью письменности создавать свою собственную память.

²⁹ В смысле Х. фон Ферстера: *Foerster, Я. von.* Observing Systems. Seaside Cal., 1981, p. 304.

V. ОБЩЕСТВО КАК ВСЕОХВАТЫВАЮЩАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Согласно разрабатываемому нами подходу, теория общества является теорией всеохватывающей социальной системы, которая включает в себя все другие социальные системы. Это определение - почти цитата. Оно соотносится со вступительными положениями аристотелевской "Политики"¹, которые определяли городскую общность жизни (koinonia politiké) как самую великую (господствующую, kyriotáte) общность, включающую в себя все остальные (pasas periéchousa tás allas). В том, что касается понятия общества, мы, следовательно, включаемся в староевропейскую традицию. Правда, все компоненты этого определения (включая понятие *включенности* = periéchon, : которое мы системно-теоретически разлагаем, используя концепцию дифференциации) интерпретируются иначе, поскольку речь идет о теории современного общества, создаваемой для современного общества. Итак, связь со староевропейской традицией сохраняется, но одновременно осуществляется и некое новое описание,

"редискрипция"² ее центральных высказываний.

Общество, следовательно, понимается, прежде всего, как система, а форма системы, как уже говорилось, представляет собой всего лишь различие системы и окружающего мира. Но это не означает, что общей теории систем будет достаточно для того, чтобы в ходе логической процедуры суметь раскрыть то, что нам представляется обществом. Помимо нее должны получить определение и особенности социальных систем, а затем - внутри теории социальных систем - следует выявить то, что составляет особенность системы общества, а значит, те следствия, которые влечет за собой обозначение нами общества как *всеохватывающей социальной системы*.

Таким образом, мы должны выделять три различных уровня анализа общества:

- всеобщую теорию систем, а в ней - всеобщую теорию аутопойетических систем;

84 Никлас Луман

- теорию социальных систем;

- теорию системы общества как особого случая социальных систем.

На уровне всеобщей теории аутопойетических, само-референциальных, операционно закрытых систем теория общества отбирает для себя те понятийные решения и результаты эмпирических исследований, которые относятся и к другим системам того же самого типа (например, к системам мозга). Здесь возможен весьма широкий междисциплинарный обмен опытом и инициативами. Как было показано в предыдущей главе, теорию общества мы основываем на инновативном развитии в этой области.

На уровне теории социальных систем речь идет об особенностях аутопойетических систем, которые могут пониматься как социальные системы. На этом уровне должны быть определены специфические операции, аутопойетический процесс которых приводит к образованию социальных систем в соответствующих окружающих мирах. Это - коммуникации. Тем самым, теория социальных систем сводит воедино все высказывания (и только такие высказывания), которые относятся ко всем социальным системам, даже интерактивным системам - недолговечным и малозначимым³. На этом уровне общество (подобно классическому "societas civilis") предстает как одна из социальных систем среди других и может сравниваться с другими их типами: с системами организаций и системами интеракций среди присутствующих лиц.

На третьем уровне значение приобретает специфика систем общества. Здесь следует артикулировать, что именно означает признак "всеохватывающая", восходящий к начальным положениям "Политики" Аристотеля. Очевидно, что в его основе лежит парадокс. Он состоит в том, что одна социальная система (κοινοία), существующая наравне с другими, одновременно включает в себя и все остальные социальные системы. Аристотель разрешал эту проблему при помощи эмфазы, а в конечном счете - благодаря этическому пониманию политики. Это делало данный парадокс невидимым для последующей традиции. Мы же разворачиваем эту парадоксальность благодаря

V. Общество как всеохватывающая система 85

предложенному нами различению уровней анализа общества. Это еще даст нам возможность в подходящем месте вспомнить о парадоксальном фундаменте общей теории. (Ведь различение "уровней" в наших понятиях означает "форму", которая имеет две стороны: понятие *уровня* предполагает наличие и других уровней).

Хотя мы различаем эти уровни, предметом наших исследований (их "системной референцией") остается система общества. Другими словами, мы различаем уровни анализа в предмете *общество* и в данном контексте не занимаемся системами, которые могли бы тематизироваться также и на других уровнях. С методологической точки зрения, это различение уровней подводит к требованию исчерпывать возможности анализа, чтобы по возможности распространять системные сравнения на самые разнообразные системы, а также в самом широком объеме отсылать для обработки на более общих уровнях тот познавательный прирост, который был получен в ходе анализа общества. Соответственно, речь не идет о заключениях по аналогии, чего постоянно опасаются социологи; и в еще меньшей степени здесь говорится о "лишь метафорическом" использовании набора биологических идей. Это различение уровней не относится к высказываниям о

бытии или о сущности вещей в смысле "analogia entis"ⁱ. Оно является лишь формой разворачивания парадоксальности некоторого единства, включенного в самого себя, и выражает специфическую функцию: содействие идейному обмену между дисциплинами и усиление потенциала взаимного развития. Поэтому данное различие и не является высказыванием о бытии, а представляет собой специфически научную конструкцию.

На всех этих уровнях анализа общественной системы мы будем пользоваться системно-теоретическими средствами для спецификации необходимых теоретических решений. Всеобщая теория аутопойетических систем требует четкого задания именно той операции, которая осуществляется в ходе аутопойезиса системы и, тем самым, отграничивает систему от окружающего ее мира. В случае социальных систем это совершается через коммуникацию.

86 Никлас Луман

Коммуникация обладает всеми необходимыми для этого свойствами: она является подлинно социальной (и единственной подлинно социальной) операцией. Она оказывается подлинно социальной, поскольку, хотя и предполагает некоторое множество соучаствующих систем сознания, но (именно поэтому) не может быть приписана никакому отдельному сознанию как единство. Кроме того, по условиям ее собственного функционирования, она исключает возможность того, чтобы системам сознания стало бы известным то или иное актуальное состояние некоторого другого или других сознаний⁴; а именно, как в устной коммуникации, поскольку участвующие лица, сообщая/понимая, действуют *одновременно*, так и в коммуникации письменной, поскольку они участвуют, *отсутствуя*. Коммуникация, следовательно, может лишь предположить, что достаточное для нее понимание имеет и психические корреляты⁵. В этом смысле (и ничего другого и не подразумевается под "взаимопроникновением") она зависит от оперативных фикций, которые лишь в некоторых случаях должны подвергаться проверке, опять-таки, через коммуникацию.

Коммуникация является подлинно социальной и потому, что ни в коем смысле и никоим образом невозможно выстроить "общественное" (коллективное) сознание, а это значит, и консенсус в его полном смысле полноценного взаимопонимания остается недостижимым, а его функцию выполняет коммуникация⁶. Коммуникация - это самая малая из возможных единиц социальной системы, а именно - такая единица, на которую сама коммуникация еще может реагировать при помощи коммуникации же⁷. Коммуникация (и это - тот же самый аргумент, но в другой редакции) является аутопойетической, если она может производиться в рекурсивной связи с другими коммуникациями, то есть лишь в сети, в воспроизводстве которой соучаствует всякая отдельная коммуникация⁸. Вместе с пониманием (либо непониманием) замыкается всякая коммуникационная единица, невзирая на принципиально бесконечную возможность дальнейшего прояснения того, *что* было понято. Но это завершение имеет форму перехода к другой коммуникации, которая и может заняться такими прояснениями или же

V. Общество как всеохватывающая система 87

обратиться к другим темам. Производство элементов и есть аутопойезис. Уже коммуникация принятия или отклонения смыслового предложения некоторой коммуникации является *другой* коммуникацией и - при всех тематических ответвлениях - сама по себе еще не вытекает из предшествующей коммуникации. Для аутопойезиса общества и его структурных образований существенной предпосылкой является то, что коммуникация не содержит в себе как чего-то само собой разумеющегося своей собственной приемлемости; а также то, что вопрос об этом ее признании еще должен решаться только благодаря дальнейшей, независимой коммуникации.

Поскольку для того, чтобы одна коммуникация могла подсоединиться к другой, ей необходимо время, такой способ оперирования приводит к временному расцеплению системы и окружающего мира. Это ничего не меняет в том, что система и окружающий мир существуют одновременно и что эта одновременность лежит в основании всякой конституции времени⁹. Однако внутри заданных таким образом ограничений система должна конституировать свое собственное время, которое координирует скорость операций и *временные* перспективы системы с ее внутренними возможностями. Поэтому система вынуждена отказываться от

взаимно однозначных сопряжений событий окружающего мира и системы, а также должна создавать внутри себя инстанции, которые учитывали бы то обстоятельство, что в окружающем мире господствуют иные временные отношения, нежели в самой системе. Система развивает структуры (воспоминания и ожидания), чтобы в своих операциях иметь возможность по отдельности обращаться к временным отношениям в системе и в окружающем мире, а также организовывать собственное время. С одной стороны, система должна получить преимущество во времени по отношению к окружающему миру, то есть заблаговременно подготовиться к его состояниям; с другой стороны, система должна уметь сталкиваться с неожиданностями и справляться с ними. Она должна уметь замедлять, а также ускорять реакции в то время, пока в окружающем мире уже вновь свершается нечто иное. Но проблемой это становится лишь благодаря тому, что система и окружающий мир

88 Никлас Луман

не могут не оперировать одновременно; система не способна обогнать окружающий мир, оказавшись в его будущем, или же отстать от него, задержавшись в его прошлом. Итак, система никогда не сможет попасть в такую временную ситуацию, в которой можно быть уверенным, будто в окружающем мире ничего не происходит.

То же самое, в частности, имеет место и в отношении коммуникации и сознания, то есть тех процессов сознания и, прежде всего, восприятия, протекание которых предполагается в окружающем мире общества. И эта дифференция требует и делает возможным временные расщепления в - бесспорно одновременном - взаимодействии. Начиная с новаторского анализа Мида¹⁰ известно, что коммуникация не возникает уже только потому, что один организм воспринимает поведение другого организма и соответствующим образом настраивается на него; не возникает она и благодаря тому, что один организм имитирует жесты другого, скажем, жесты угрозы или игры. Все это могло бы приводить лишь к взаимному раздражению и стимуляции (аутопойезиса) организмов, к более или менее окказиональным, а в некоторых обстоятельствах относительно часто встречающимся координациям. Напротив, решающее значение, согласно Миду, имеет возникновение символов, которые позволяют отдельному организму *в самом себе* согласовать свое поведение с поведением другого и, в то же время, самому воспользоваться соответствующими "вокальными жестами". Или, если говорить словами Матураны, решающее значение состоит в появлении координации координации организмов". Это объяснение можно выстраивать в рамках семиотики социального. Но оно все-таки не подводит к теории общества как социальной системы, отграничивающей саму себя от окружающего мира посредством коммуникации (в том числе и от задействованных в ней организмов)¹². Все высказывания о коммуникации остаются высказываниями об "организме с поведением" ("behavioral organism"), о нервной системе (т. е. биологическими высказываниями) или о сознании (т. е. высказываниями психологическими).

При этом пока не учитывается, что участие в коммуникации требует высокого и постоянно поддерживаемого темпа отожде-

V. Общество как всеохватывающая система 89

ствления последовательно сменяющих друг друга смысловых частиц. Если бы не было этого темпа, отказала бы кратковременная память коммуникации. С другой стороны, сознание - в его нейробиологических основаниях - к этому не готово, и, чтобы держать шаг наравне с коммуникацией, оно должно претерпевать весьма специфическую эволюцию¹³. Для этого коммуникация предуготовила ясные и четкие комбинации звуков. Во всяком случае, именно здесь, а не в одном лишь обращении со знаками, лежит подлинная проблема ко-эволюции мозга, сознания и языка.

Нет надобности что-то подправлять в этих взглядах или от чего-то отказываться; но все еще нерешенным остается вопрос о том, может ли - и каким образом? - коммуникация быть такой операцией, которая приводит к эмерджентному появлению и операционному замыканию самостоятельной социальной системы с собственным, не воспринимаемым (!), а лишь обозначаемым окружающим миром. Или, если перевести этот аргумент Матураны из области биологии клеток в теорию социальных систем, то описание совокупности состояний задействованных

нервных систем или систем сознания еще ничего не дает для решения вопроса о том, как возможен аутопойезис социального.

Решающим здесь могло бы быть то, что речь (и подражающие ей жесты) уточняет интенцию говорящего, то есть различие информации и сообщения требует реагировать на это различие такими же языковыми средствами и в дальнейшем¹⁴. Благодаря этому вообще только и возникает - как компонента данного различия — некоторая информация с информационной ценностью, что означает: информация, которая изменяет состояние перерабатывающей ее системы (в смысле знаменитого выражения Грегори Бэйтсона "a difference that makes a difference"¹¹). Сюда же относится и то (и это отличает коммуникацию от биологических процессов любого вида), что речь идет здесь об операции, которая оснащена способностью самонаблюдения. Всякая коммуникация одновременно должна коммуницировать и о том, что она является коммуникацией; а для того, чтобы могла быть определена подсоединяющаяся ком-

90 Никлас Луман

муникация и, таким образом, продолжался бы аутопойезис, она должна маркировать, кем именно и что именно было сообщено. Следовательно, она порождает дифференцию не только благодаря одному лишь своему протеканию в виде операции (хотя благодаря этому тоже!), но и благодаря использованию специфического различия, а именно, различия между информацией и сообщением, посредством которого она наблюдает за тем, что операция имеет место.

Из этого понимания вытекают чрезвычайно важные следствия. Оно означает не только то, что идентификация сообщения как "действия" является конструктом некоторого наблюдателя, а именно, системы коммуникации, наблюдающей саму себя. Оно означает, прежде всего, то, что социальные системы (а это включает и случай общества) могут возникать лишь как системы, наблюдающие самих себя. Благодаря этому соображению мы — в противоположность Парсонсу и всему тому, что в настоящее время предлагается на рынке под видом теории действия - вынуждены отказаться от основывания социологии на теории действия (а тем самым, от "индивидуалистического" обоснования)¹⁵. Таким образом мы оказываемся перед проблемой, и именно она является в первую очередь проблемой системы, вынужденной осуществлять непрерывное самонаблюдение, причем наблюдение, как сказано выше, является зависимой от различения операцией, которая в актуальный момент своего проведения сама функционирует как исключенное третье. Да и всякое самонаблюдение обусловлено наличием слепого пятна. Наблюдение возможно лишь потому, что оно не может видеть свое видение. Так, своими операциями коммуникация фундирует себя саму как единство дифференции информации, сообщения и понимания, не имея возможности для коммуникационного обсуждения этого единства. Но и для ретроспективного самонаблюдения коммуникация использует различие информации, сообщения и понимания, благодаря которому она способна определить, должна ли дальнейшая коммуникация реагировать на сомнение в информации, на предполагаемые в сообщении умыслы (к примеру, на умысел обмана) или же на трудности понимания. Никакое самонаблюдение, следовательно, не

V. Общество как всеохватывающая система 91

способно охватить всю действительность системы, осуществляющей это самонаблюдение. Вместо этого оно может осуществить лишь кое-что, может выбирать лишь компенсаторные решения; и это осуществляется через выбор различий, при помощи которых система проводит самонаблюдения. Если система достаточно комплексна, то от наблюдения своих операций она может переходить к наблюдению своего наблюдения и, наконец, к наблюдению самой системы. В этом случае в основание наблюдения должно быть положено различие "система и окружающий мир", а значит, здесь могут быть различены самореференция и ино-референция. Однако и это происходит (а в противном случае это бы не являлось самонаблюдением) через операции системы в самой этой системе. Различение само-референции и ино-референции есть некое различие, которое практикуется в системе и как таковое подвергается рефлексии. Мы можем также сказать, что оно является некоторой конструкцией системы.

В силу невозможности обозреть всю полноту бытия и сделать систему прозрачной для самой себя, возникает комплексное образование, состоящее из

различений, управляющих процессом наблюдения системы и направляющих его вовнутрь или вовне в зависимости от того, какая сторона различения получает обозначение - "внутренняя" или "внешняя". Затем, если система имеет в своем распоряжении соответствующие институты накопления, например, письменность, она может аккумулировать опыт, сгущать - через повторение - ситуативные впечатления и выстраивать для себя операционную память, избегая при этом опасности постоянно смешивать саму себя со своим окружающим миром. Все это происходит в виде сопряжения основного различения само-референции и ино-референции с теми или иными другими подходящими различениями.

Понятие самонаблюдения не предполагает, что в одной системе наличествует, соответственно, лишь одна подобная возможность. Многочисленные коммуникации могут одновременно практиковаться и одновременно подвергаться самонаблюдению. То же самое относится и к наблюдению единства системы в ее отличии от окружающего мира. Социальная система (и в

92 Никлас Луман

особенности, конечно же, общество) способна одновременно или последовательно наблюдать саму себя самыми различными, скажем, "поликонтекстуальными", способами. Таким образом, с точки зрения объекта не существует никакого принуждения к интеграции самонаблюдений. Система совершает то, что она совершает.

Сказанное выше относится к социальным системам различного вида, к примеру, к организациям или, как это хорошо известно семейным терапевтам, к семьям. Если теперь обратиться к третьему уровню, на котором следует обсуждать специфику некоторой системы общества, то особую очевидность и особую значимость здесь получают проблемы многообразия возможных самонаблюдений. Ведь общество - как всеохватывающая социальная система - не знает никакой социальной системы вне своих границ. Следовательно, оно вообще никак не может наблюдаться извне¹⁶. Правда, психические системы способны наблюдать общество извне; но, если это не обсуждается в коммуникации, если, следовательно, наблюдение практикуется не в социальной системе, то оно и не влечет за собой никаких социальных последствий. Другими словами, общество является крайним случаем поликонтекстуального самонаблюдения, крайним случаем системы, принужденной к поликонтекстуальному самонаблюдению и не действующей при этом подобно объекту, о котором можно иметь лишь одно единственное истинное мнение, так что все остальные, отклоняющиеся взгляды должны рассматриваться как заблуждения. Даже если общество рутинно отличает само себя от своего окружающего мира, все-таки заранее еще не ясно, что же тем самым оказывается отличным от окружающего его мира. И даже если составляются тексты, то есть описания, управляющие и координирующие наблюдения, то это еще не означает, что соответственно существует единственно истинное описание. Мы не можем безоговорочно принять, что помимо мандаринов и бюрократов также и южно-китайские рыбаки полагали фундаментом империи конфуцианскую этику. И индийская кастовая система как представление единства через дифференцию в своих проявлениях выказывала сильные региональные различия, несовмес-

V. Общество как всеохватывающая система 93

тимые с единством иерархического порядка. Эмпирически должен решаться и вопрос о том, кто - помимо клира, аристократии, получивших юридическое образование судей и чиновников администрации - в период позднего средневековья знал и верил в учение о трех сословиях. С позиции крестьян речь, скорее, шла об одноклассовом обществе, где соответствующий феодальный землевладелец и его семья оказывались исключением.

Именно применительно к обществу невозможно никакое внешнее описание, ориентируясь на которое можно было бы заняться самоисправлением, - как бы не стремились занять подобную позицию литераторы и социологи. Традиция вынесла интерес к безошибочному описанию вовне, а соответствующую позицию назвала *Богом*. Бог мог все, что угодно, но только не ошибаться. Впоследствии, однако, все-таки пришлось признать, что суждение священников о суждении Бога могло быть и ошибочным, и что правильное описание, истинный перечень грехов будет обнародован лишь в конце времен на Страшном Суде, а именно - в виде некоей неожиданности.

В заключительной части, на фоне этого тезиса об избыточности возможностей самонаблюдения и самоописания, мы попытаемся показать, что самоописания все-таки составляются не случайно. Существуют структурные условия правдоподобности изображений и существуют исторические тенденции эволюции семантик, которые сильно сужают игровое пространство вариаций. Потом социологическая теория может познавать эти связи, ориентируясь на тип корреляций между общественными структурами и семантиками; но одновременно социологической теории может стать известно и то, что такие теории представляют собой ее собственные конструкторы и не должны смешиваться с текущим изображением системы общества в данное время.

Мы можем резюмировать, что общество не является какой-то сущностью. Его единство не может быть выявлено путем сведения к чему-то существенному с тем следствием, что противоречащие истолкования могли бы отклоняться как заблуждения (ведь и это должно было бы обсуждаться в общественной коммуникации, в силу чего трансформировалось бы то са-

94 Никлас Луман

мое, о чем идет речь). Следовательно, единство системы общества состоит в одном лишь отграничении от внешнего, оно заключено в форме системы, в дифференции, непрерывно воспроизводящейся в ходе операций. И именно это является тем пунктом, на котором должно основываться "переописание" староевропейской традиции.

Когда мы утверждаем, что *лишь* коммуникации, и при этом *все* коммуникации, вносят вклад в аутопойезис общества и благодаря этому переопределяют признак "всеохватности", то и в этом тезисе заключен глубочайший разрыв с традицией. Не важны ни цели, ни добрые умонастроения, ни кооперация и ни спор, ни консенсус и ни конфликты, ни принятие и ни отклонение предлагаемого смысла. Да и индивидуальное счастье не играет здесь никакой роли (разве только как тема коммуникации)¹⁷. Лишь сам аутопойезис переносится всеми этими коммуникациями. И, прежде всего, конечно, всеми теми коммуникациями, которые должны причисляться к подсистемам общества. Именно поэтому такие различия, как хозяйство и общество, право и общество, школа и общество, сбивают с толку и не допускаются в нашей теории. Они производят такое впечатление, будто компоненты различия себя взаимно исключают, тогда как в действительности хозяйство, право, школа и т. д. не находятся вне общества и могут мыслиться лишь как его воплощение. Речь здесь идет о такого же рода бессмыслице, что и попытки отличить женщин от людей - хотя первая бессмыслица получила гораздо большее распространение.

Выражение "все коммуникации" означает следующее: коммуникации аутопойетически воздействуют в той мере, в какой их *различие не производит никакого различия*. То, что в обществе осуществляются коммуникации, не является для общества чем-то неожиданным, а значит, не является какой-либо информацией. (По-другому, конечно же, обстоит дело с психическими системами, обращение к которым является для них неожиданным.) С другой стороны, коммуникация как раз и являет собой актуализацию информации. И значит, общество возникает из связи именно тех операций, которые не производят никакого различия, когда они производят различияⁱⁱⁱ. Это отнес-

V. Общество как всеохватывающая система 95

няет все гипотезы о взаимопонимании, прогрессе, рациональности или о других приятных для восприятия целях на теоретические позиции второго ранга. Но именно это и придаст затем теории символически обобщаемых средств коммуникации ее особенную значимость.

Выражение "все коммуникации" относится даже и к парадоксальной коммуникации, то есть такой коммуникации, которая отрицает, будто она утверждает, что она утверждает. Можно коммуницировать парадоксально, и это ничуть не является чем-то "бессмысленным" (в том смысле, когда непонятое эквивалентно аутопойетически безрезультатному)¹⁸. Парадоксальная коммуникация функционирует как *операция* даже и тогда, когда она (и этот ее умысел всем понятен) сбивает *наблюдателя* с толку. Как классическая риторика, так и современная литература, как ницшеански-хайдеггеровская традиция философии, так и семейные терапевты открыто используют парадоксы; и, более того, уже стало

обычным делом, когда при наблюдении наблюдения других учитываются скрытые парадоксы. Функция парадоксальной коммуникации прояснена не полностью и, предположительно, сама является парадоксальной, а именно, представляет собой попытку осуществить одновременно деструктивный и креативный акт. Мы еще не раз к этому вернемся. В данный же момент достаточно той констатации, что в трудном положении находится не аутопоейтическая операция, а лишь ее наблюдение¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. V:

¹ Pol. 1252 а 5-6.

² В смысле Мэри Хесс: *Hesse, M. Models and Analogies in Science*. Notre Dame, 1966, p. 157.

³ См.: *Luhmann, N. Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main, 1984.

⁴ Можно, конечно, приводить аргументы в пользу того, что это обстоятельство и так является невозможным уже в силу комплексности и операционной скорости систем сознания, и что именно поэтому эволюция нашла выход в обращении к коммуникации, а это одновременно открыло системам сознания возможность развивать собственную комплексность. Данные аргумен-

96 Никлас Луман

ты также соответствуют действительности. Но тогда вышеприведенный аргумент все еще означает, что коммуникация ведет не к тому, что становятся известными состояния сознания участвующих лиц, а лишь к тому, что эти состояния отгадываются или придумываются в той мере, насколько это необходимо для продолжения коммуникации. В остальном, как в отношениях между людьми, так и - в такой же незначительной степени - в отношениях к вещам этот аргумент практически не исключает возникновения избыточностей: знают и ее шаги, и ее внешний облик, а также и то, как можно насолить другим.

⁵ См.: *Hahn, A. Verstehen bei Dilthey und Luhmann*. In: *Annali di Sociologica*, 8(1992), S. 421-430.

⁶ На это Алоиз Хан указывает через понятие *договоренности*, которая может включать в себя фикции консенсуса, а также использовать и другие средства, чтобы сделать возможным продолжение коммуникации при конфликтных психических состояниях. См.: *Hahn, A. Verständigung als Strategie*. In: *Haller, M., Hoffmann-Nowotny, H.-J., Zapf, W.* (Hrsg.) *Kultur und Gesellschaft: Soziologentag Zürich 1988*. Frankfurt am Main, 1989, S. 346-359.

⁷ Дальнейшие разложения сложнопроизводных слов на отдельные слова или фонетические составляющие части (фонемы), естественно, также остаются возможными, а в некоторых случаях являются весьма существенными для лингвистики. Но тогда речь идет уже не о коммуникации, а о языке - о языке как предмете коммуникации. С точки зрения коммуникации, звуковые единицы или слова суть лишь (слабо сопряженные) медиумы коммуникации, которые функционируют в рамках коммуникации лишь в том случае, если они могут быть сопряжены с теми или иными смыслоопределяющими высказываниями (формами).

⁸ См.: *Foerster, H. von. Für Niklas Luhmann: Wie rekursiv ist Kommunikation?* In: *Teoria Sociologica*, 1/2 (1993), S. 61-88.

⁹ См. более подробно об этом: *Luhmann, N. Gleichzeitigkeit und Synchronisation*. In: *Luhmann, N. Soziologische Aufklärung*. Bd. 5. Opladen, 1990, S. 95-130.

¹⁰ См., прежде всего: *Mead, G. H. Mind, Self, and Society From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, 1934.

¹¹ См.: *Maturana, H. Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit*, 258, 155. Язык описывается здесь как "рекурсивное структурное сопряжение нервной системы со своей собственной структурой".

¹² Это видит и принимает и Петер Хайль: *Heß, P. M. Sozialwissenschaft als Theorie selbstreferentieller Systeme*. Frankfurt am Main, 1982.

¹³ *Lieberman, Ph. Uniquely Human: The Evolution of Speech, Thought, and Selfless Behavior*. Cambridge Mass., 1991, p. 36.

¹⁴ См. более подробно об этом: *Luhmann, N. Soziale Systeme*, S. 191, 197.

V. Общество как всеохватывающая система 97

¹⁵ Причина этого в том, что понятие действия, которое, по общему пониманию, предполагает субъекта действия, размывает границы между системами и окружающими их мирами. Это ни в коей мере не исключает возможности снова ввести понятие действия, но уже в виде конструкта наблюдающей системы, причем эта система может локализовывать действия как пункты отнесения и в системе, и в окружающем мире.

¹⁶ Пьер Ливе говорит в этом случае об "эпистемологической закрытости", но одновременно констатирует, что это еще никак не гарантирует единства единственно-правильного самоописания. *Livet, P. La fascination de l'autoorganisation*. In: *Dumouchel, P., Dupuy, J.-P.* (Ed.) *L'auto-organisation: De la physique au politique*. Paris, 1983, p. 165-167.

¹⁷ Аналогичное вынесение за скобки всех достояний сознания, субъективных интенций или чувствований мы обнаруживаем в теории дискурса Лиотара. Базовым единством здесь является предложение (phrase), которое образует сеть (enchaînement) с другими предложениями. См.: *Lyotard, J.-F. Le différend*. Paris, 1983. Лиотар, однако, явно затемняет

то системно-теоретическое представление, согласно которому в самом осетвлении уже и состоит производство дифференции система/окружающий мир, которое *должно было бы подвергнуться рефлексии* в системе (в дискурсе?).

¹⁸ См. обсуждение примеров: *Luhmann, N., Fuchs, P.* Reden und Schweigen, Frankfurt am Main, 1989. "Что-то похожее, видимо, стремится высказать Ив Барель своим различием *логически* парадоксов и *парадоксов* с предикацией "существования". Последние неизбежны во всякой системе, распоряжающейся возможностями само-референциальных операций.

ⁱ "Аналогия сущего" (лат.).

ⁱⁱ "Различие, которое производит различие" (англ.).

ⁱⁱⁱ Этот парафраз Грегори Бэйтсона можно понимать следующим образом: поскольку коммуникации являются отдельными операциями, они отличны друг от друга, не в последнюю очередь, и потому, что принадлежат или составляют различные системы (права, политики и т. д.). И они производят отличие, то есть порождают следующую, отличную от них коммуникацию. Но эти же коммуникации, если их описывать на самом высоком уровне абстракции, то есть на уровне общества, уже не отличаются друг от друга, и в этом смысле не несут никакой информации, поскольку все системы коммуникаций воплощают реальность общества.

VI. ОПЕРАТИВНАЯ ЗАМКНУТОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ СОПРЯЖЕНИЯ

Если общество описывать как систему, то из всеобщей теории аутопойетических систем вытекает, что и применительно к обществу речь должна идти об операционно замкнутой системе. На уровне собственных операций невозможен никакой прорыв в окружающий мир, и столь же невероятной является возможность того, чтобы системы окружающего мира соучаствовали бы в аутопойетических процессах операционно замкнутой системы¹. Это сохраняет свою силу даже в том случае - и именно в том случае (и на эту трудную мысль, противоречащую всей теоретико-познавательной традиции, мы должны указать со всей категоричностью), - *если в этих операциях речь идет о наблюдениях или о таких операциях, аутопойезис которых требует самонаблюдения*. Наблюдения могут воздействовать только на наблюдения, они способны лишь на то, чтобы одни различия трансформировать в другие различия, другими словами, они могут перерабатывать лишь информацию; однако они не способны касаться вещей в окружающем мире - за очень важным, но очень незначительным исключением всего того, что вовлекается в системы благодаря структурным сопряжениям. Но для наблюдающих систем на уровне их операций не имеет места *никакого контакта с окружающим миром*. Всякое наблюдение должно осуществляться в самой системе в виде внутренней активности и с помощью *собственных* различий (для которых в окружающем мире не существует *никакого соответствия*). В противном случае не было бы никакого смысла в том, чтобы говорить о наблюдении *окружающего мира*. Всякое его наблюдение предполагает различие само-референции и инореференции, которое может осуществляться лишь в самой системе (а где же еще?). И это, вместе с тем, делает понятным то, что всякое наблюдение окружающего мира стимулирует самонаблюдение, а всякое дистанцирование по отношению к окружающему миру поднимает вопрос о самости, о собственной

VI. Оперативная замкнутость... 99

идентичности. Ведь благодаря тому, что наблюдать можно только при помощи различий, одна сторона различия, так сказать, пробуждает любопытство к его другой стороне, стимулирует пересечение (Спенсер Браун сказал бы "кроссинг") пограничной линии, которая маркирована формой "система и окружающий мир".

Правда, это различие между контактом с окружающим миром и инореференцией, способной лишь к внутреннему подсоединению, не учитывается на уровне наблюдения первого порядка ни в системах сознания, ни в системах коммуникации. Стираются все следы операционной замкнутости. Системы сознания ничего не знают об условиях функционирования мозга, но мыслят они "в голове". Системам коммуникации не известно, что коммуникации контактируют исключительно с коммуникациями. Системы оперируют, таким образом, лелея иллюзию контакта с окружающим миром - во всяком случае, до тех пор, пока они наблюдают лишь то, *что* они наблюдают, и не наблюдают то, *как* они наблюдают. Опыт сопротивления и отсутствие произвольности результатов операций

фиксируются как внешние реалии и поэтому представляют такой мир, которому приходится подчиняться. Феноменология практикуется как онтология. Это условие, правда, довольно прозрачно. Оно снимается в наблюдении второго порядка; но это не дает возможности полностью отказаться от наблюдения первого порядка, поскольку, наконец, и наблюдение второго порядка должно наблюдаться еще одним наблюдателем. И поэтому даже осознанная в своей прозрачности иллюзия реальности остается фактом реального мира. Мы видим, что солнце "восходит", и не можем это видеть иначе, хотя и знаем, что это всего лишь обман зрения. Другими словами, на уровне наблюдения первого порядка, полное снятие которого никогда не удастся осуществить, невозможно различить между реальностью и иллюзией реальности.

Из операционной закрытости вытекает зависимость системы от ее *самоорганизации*. Собственные структуры могут выстраиваться и изменяться лишь благодаря собственным операциям, - а значит, к примеру, язык выстраивается лишь через

100 Никлас Луман

коммуникацию, а не непосредственно огнем, землетрясением, космическими излучениями или же способностями восприятия отдельного сознания.

Таким образом, все операции (коммуникации) выполняют двойную функцию: (1) они устанавливают историческое состояние системы, из которого эта система должна исходить в своих следующих операциях. Они детерминируют систему в качестве таковой, которая в соответствующий момент дана именно так, а не иначе. И (2) они образуют структуры в виде схем отбора, делающих возможным новое распознавание и повторение, а значит, сгущающих тождества (или, как часто повторяют вслед за Пиаже, - инвариантности) и подтверждающих (укрепляющих) их во всех новых ситуациях, а следовательно - обобщающих их. Это структурообразование, которое делает возможным воспоминание и забывание, оказывается возможным вовсе не из-за внешнего воздействия, и именно поэтому и говорят о самоорганизации. Замкнутость, самодетерминация и самоорганизация обеспечивают - и в этом состоит эволюционное преимущество — высокую степень совместимости системы с беспорядком в окружающем мире; или, более точно, обеспечивают совместимость с окружающими мирами, упорядоченными лишь фрагментарно, лишь в некоторых их аспектах и не представляющими какого-то упорядоченного единства. Поэтому эволюция как будто неизбежно приводит к замыканию систем, которые затем, со своей стороны, вновь способствуют возникновению общего порядка, служащего средством удостоверения операционной закрытости и самоорганизации. Именно в этом смысле операционная замкнутость системы коммуникаций общества также соответствует факту возникновения подвижных организмов с нервными системами и, наконец, с сознанием; а общество затем еще более укрепляет - поскольку оно это терпит - нескоординированное многообразие перспектив этих эндогенно беспокойных отдельных систем.

Внутри самой системно-теоретической традиции тезис о закрытости систем должен был бы выглядеть весьма экстравагантным для этой теории, ведь в том, что касается взглядов на закон энтропии, теория систем, напротив, как раз и конституиру-

VI. Оперативная замкнутость... 101

валась в виде теории открытых (и поэтому негэнтропийных) систем. Это положение, естественно, должно остаться в силе в отношении закона энтропии. Соответственно, под "закрытостью" подразумевается не термодинамическая изолированность, а всего лишь оперативная замкнутость, что означает: рекурсивное условие возможностей собственных операций исходя из результатов собственных операций. Ведь нужно исходить из того, что реальные операции возможны лишь мире, существующем *одновременно* с ними. Прежде всего, это исключает, что одна операция может оказывать влияние на другую. Если это все-таки должно стать возможным, то лишь в непосредственном подсоединении одной операции к другой. Такие рекурсивные отношения, в которых завершение одной операции является условием возможности некоторой другой операции, приводят, однако, к дифференциации систем, замыкание которых зачастую реализуется благодаря высококомплексным структурам; и к тому, что окружающий их мир

существует одновременно с ними. Этот результат мы и называем *операционной закрытостью*.

Всю эту тему можно рассмотреть и применительно к системам сознания, а затем показать, почему и как современная дистанция между индивидом и обществом побуждает индивида к рефлексии, к вопросу о Я некоторого Я, к поискам собственной идентичности. Итак, то, что уже всегда видели раньше, и то, чем является мир, находится "снаружи". Но что же тогда оказывается "внутри"? Некая неопределенная пустота? Если теорию аутопойетических систем применять в отношении общества, то результат будет тем же самым, хотя он и будет относиться, конечно, к другому способу осуществления операций, а именно, к коммуникации.

Общество - это коммуникативно закрытая система. Оно порождает коммуникацию через коммуникацию. Его динамика состоит в воздействии коммуникации на коммуникации и в этом смысле - в трансформации тех или иных актуальных различий и обозначений; она никогда не выражается в преобразованиях окружающего мира². Вещи нельзя упорядочить речами, как, впрочем, их нельзя и мысленно устранять или трансформировать.

102 Никлас Луман

Общество является системой, определяющей себя - полностью и исключительно - при помощи себя самой. Все, что определяется как коммуникация, должно быть определено через коммуникацию. Все, что предстает в опыте в виде реальности, вытекает из противостояния одной коммуникации и некоей другой коммуникации³, а не из принудительного характера как-то уже упорядоченного наличествующего окружающего мира. Естественно, это включает и коммуникацию по поводу ее зависимостей от окружающего мира; однако и тогда определение того, что обсуждается в коммуникации, осуществляется под руководством собственного системного различия само-референции и ино-референции, а также в ходе рекурсивного ретроспективного или же предвосхищающего обращения к другим коммуникациям. Только эта самодетерминация и делает возможным терпимость к неопределенностям и даже их умышленное внедрение - скажем, вопросов, многозначностей, парадоксальных сообщений или иронии. Коммуникация сама принимает решения (в случае необходимости - с помощью уточняющих вопросов или непринятия в расчет) по поводу своих собственных притязаний на определенность, а также смысла применения неопределенностей. И последний контроль над самоустановлением в измерении между определенным и неопределенным состоит в вопросе о том, что способствует продолжению, а что - прерыванию текущей коммуникации.

Являясь системой коммуникации, общество может коммуницировать только в себе самом, но никак не с самим собой и не со своим окружающим миром. Оно порождает свое единство через осуществление коммуникаций в рекурсивном ретроспективном и предвосхищающем обращении к другим коммуникациям. Соответственно, если в основу наблюдения им положена схема "система и окружающий мир", то общество обретает возможность коммуницировать *в* себе самом, о себе самом или о своем окружающем мире, но никогда - *с* самим собой; никогда - *со* своим окружающим миром. Ведь ни оно само, ни его окружающий мир не могут еще раз воплотиться в этом обществе как бы в виде его партнера, в виде адреса для коммуникации. Подобный опыт означал бы говорение в пусто-

VI. Оперативная замкнутость... ЮЗ

ту, он не смог бы запустить общественный аутопойезис и, следовательно, на этом бы и закончился. Ведь общество возможно лишь как аутопойетическая система.

Подобная замкнутость связана со специфическим способом операций воспроизводства системы, а значит, с коммуникацией и, следовательно, не просто с каузальностью. Само собой разумеется, что окружающий мир всегда оказывается задействованным и без него абсолютно ничего не могло бы произойти. Понятие *производства* (или, как раз, "ponesis") всегда характеризует лишь одну часть причин, которые наблюдатель мог бы идентифицировать в качестве необходимых; то есть ту часть, которая может быть получена благодаря внутреннему осветлению операций системы; ту часть, посредством которой система детерминирует свое собственное состояние. Соответственно, *воспроизводство*, в старом смысле этого

понятия, означает производство из продуктов, определение состояния системы как исходного пункта для каждого последующего состояния системы. Но поскольку это производство/воспроизводство требует различия внешних и внутренних условий, то система при этом непременно осуществляет воспроизводство и своих границ, а значит, и своего единства. Поэтому аутопойезис является производством системы посредством нее самой.

Однако коммуникация возникает лишь благодаря различению сообщения и информации, а также благодаря пониманию этого различия. Поэтому всякая дальнейшая коммуникация может соотноситься либо с сообщением, либо с информацией; но это осуществляется исключительно с помощью подсоединяющейся коммуникации, которая, со своей стороны, вновь воспроизводит дифференцию сообщения и информации. В *операционном* процессе (посредством *того, что* она осуществляется) коммуникация воспроизводит *замкнутость* системы. В зависимости от специфики *способа ее наблюдений* (от того, *как* она осуществляется, а именно, через различение сообщения и информации) коммуникация воспроизводит дифференцию закрытости и открытости. Итак, возникает система, которая на основе своей закрытости открыта в своих операциях для окружающего мира, ибо ее базовая операция ориентирована на на-

104 Никлас Луман

блюдение. Таким образом, "форма-дифференция" сообщения и информации является для системы неизбежным условием аутопойетического воспроизводства. В противном случае существовало бы одно лишь Больше-Не-Коммуницируем, завершение системных операций.

Эта соотносящаяся с формой коммуникации необходимость одновременно означает и то, что система неизменно воспроизводит и двойную референцию, а именно, как уже много раз заявлялось, различение само-референции и ино-референции. Посредством сообщения система соотносится сама с собой. Сообщение актуализирует возможность рекурсивного отнесения дальнейшей коммуникации к самой системе. Напротив, посредством информации система, как правило, реферировать свой окружающий мир⁴. Тем самым структура коммуникативной операции получает именно такую форму, которая необходима для того, чтобы интегрировать дифференцию системы и окружающего мира в систему и применять ее здесь в виде различения само-референции и ино-референции. Простое оперирование посредством неизменно избирательных рекурсий воспроизводит лишь дифференцию системы и окружающего мира. Затем, с помощью различения сообщения и информации, осуществляется "повторный ввод" различения в различенное⁵. Дифференция системы и окружающего мира предстает в системе в форме референтных направлений - и только так. Благодаря этому проблема недостижимого в операциях окружающего мира смещается из операционной области в область познания⁶. Система воспроизводит себя саму в воображаемом пространстве своих референций, и все это благодаря тому, что с каждой коммуникативной операцией она обновляет форму своего аутопойезиса - различение само-референции и ино-референции.

Итак, аутопойезис системы коммуникаций общества беспрестанно и необходимо осуществляет воспроизводство именно того различения, которое разделяет референции по направлениям само-референции и ино-референции. Он может реферировать, в свою очередь, и это различение, подводя его как собственное различение под рубрику "само-референции". Соответственно, это оказалось бы уже "повторным входом" некоторого

VI. Оперативная замкнутость... 105

различения в уже осуществленный "повторный вход" различения системы и окружающего мира в систему. При этом, на операционном уровне данное различение всегда предполагается как операционно непостижимое условие реферирования. Поэтому все внутренние трансформации, всякая переработка информации, всякое превращение различений в различения всегда могут соотноситься только лишь с коммуникативным реферированием. Эти операции не могут непосредственно вмешиваться в процессы внешнего мира. По этой причине "объектами" для системы всегда выступают референции, а значит, ими являются не вещи, данные во внешнем мире, а структурные единства аутопойезиса системы, что

означает - условия продолжения коммуникации⁷. И столь же невероятно, что система сможет обратиться к собственному единству. Если же она это совершает, то она непременно актуализирует лишь одну сторону того различия, которое делает возможным реферирование. Другая сторона остается неупомянутой. Поэтому все самоописания общества, на которых мы подробно остановимся в последнем разделе книги, всегда охватывают лишь половину той реальности, которая актуализируется как единство само- и инореференции. Будучи наблюдателем, система оперирует слепо, ибо она не может поместить единство различия, которое делает возможным наблюдение, ни на одной, ни на другой стороне различия. А поскольку все, что происходит, происходит в виде операции системы в системе, то как единство окружающего мира, так и единство аутопойезиса системы не достигаемы для системы. Существуют лишь используемые в наблюдении, сокращенные обозначения.

Это изображение, правда, еще не предлагает достаточно полного образа отношения системы общества к окружающему ее миру. Ведь реальная возможность коммуникации, как это может установить наблюдатель, обусловлена многочисленными фактическими предпосылками, которые сама система не может ни произвести, ни гарантировать. Закрытость - это всегда включенность во что-то, что, исходя из внутренней перспективы, располагается снаружи. Или, другими словами, всякое установление и соблюдение границ систем - а это, разумеется, отно-

106 Никлас Луман

сится и к живым существам, - предполагает непрерывность материальности, которая не знает этих границ и не считается с ними. (Поэтому Пригожин и может утверждать, что "диссипативные структуры" существуют уже в области физических и химических реалий). Вопрос, однако, состоит в том, каким образом система (в нашем случае, система общества) формирует свои отношения к окружающему миру, если она не способна поддерживать с ним никаких контактов, а может распоряжаться лишь собственными реферированиями этого мира. Вся теория общества в целом зависит от ответа на этот вопрос - и теперь мы видим, что (и каким образом) гуманистическое и регионально определяемое понятия общества устраняют даже саму постановку этого вопроса.

Для ответа на этот трудный вопрос используется трудное понятие. Вслед за Умберто Матурана мы будем говорить о "структурных сопряжениях"⁸. Структурные сопряжения ограничивают область возможных структур, с помощью которых система может проводить свой аутопойезис. Они предполагают, что всякая аутопойетическая система оперирует как структурно детерминированная система, а значит, она может детерминировать собственные операции лишь посредством собственных структур. Следовательно, структурное сопряжение исключает, что реалии окружающего мира могут соразмерно собственным структурам специфицировать то, что происходит в системе. Матурана сказал бы: структурное сопряжение ортогонально по отношению к самодетерминации системы⁹. Оно не определяет происходящее в системе, но оно должно предпосылаться, ибо в противном случае аутопойезис прекратился бы, а система перестала бы существовать. Поэтому всякая система уже изначально приспособлена к своему окружающему миру (или ее вовсе не существует), однако в рамках данного таким образом игрового пространства она сохраняет все возможности действовать, не приспособиваясь, - результаты чего особенно явно выражаются в экологических проблемах современного общества.

При обращении к терминологии, заимствованной из компьютерной области, обнаруживается, что структурные сопряжения *дигитализируют аналоговые отношения*¹⁰. Поскольку ок-

VI. Оперативная замкнутость... 107

ружающий мир, а в его рамках и другие системы, всегда оперируют одновременно с той или иной системой отсчета для наблюдения, то первоначально имеют место лишь аналоговые (параллельно протекающие) отношения. Здесь задействованные системы пока еще не могут извлечь никакой информации, ибо последняя предполагает дигитализацию. Поэтому для начала структурные сопряжения должны преобразовать аналоговые отношения в отношения дигитальные, и только благодаря этому окружающий мир может приобрести

влияние на систему. В рамках отношения системы коммуникации к системам сознания функция языка состоит в том, чтобы преобразовывать непрерывную параллельность в прерывную последовательность.

Следующая предпосылка структурных сопряжений учитывается редко, и потому ей следует уделить особое внимание. Структурные сопряжения предполагают, что система внутри себя производит избыток возможностей (например, возможности движения, направления которого не определяются ни пространством, ни организмом). Лишь благодаря этому система способна начать ограничивать свои свободы, осуществляя это таким способом, который может варьироваться от одной ситуации к другой. Для психических и для социальных систем эти излишки возможностей задаются медиумом *смысл*. Для разрешения этих неопределенностей, которое в каждом случае должно происходить внутри нее, система нуждается в отправных точках, которые она может обнаруживать в собственной памяти, но также и заимствовать у структурных сопряжений. (Тело вспоминает о границах возможностей своего движения и видит их в местном пейзаже).

Используя это понятие структурных сопряжений, мы сможем принять в расчет тот факт, что приспособленность системы не может адекватно объясняться ни "естественным отбором", ни плодами познавательных достижений системы. Ведь ни одна система не может продемонстрировать требуемое здесь "необходимое разнообразие" (*requisite variety*, Эшби). Лишь за счет внутреннего переизбытка возможностей, то есть согласия неопределенности с неопределенным, она может компенсировать неизвестность окружающего мира. Но особенное значение

108 Никлас Луман

это получает в том случае, когда познание - иначе, чем это делал Матурана - определяют как обозначение на основе различения, а значит, предполагают наличие потенциала различений, для которого в окружающем мире системы нет никакого коррелята. Если это достигнуто, то система, с одной стороны, должна замыкаться в своих операциях и воспроизводиться аутопойетически, а с другой стороны, может опираться на крайне ограниченные структурные сопряжения в отношении к окружающему миру. Лучшие примеры этому - глаза, уши и соответствующие подсоединяющиеся операции в мозге.

Структурные сопряжения должны опираться на реальный базис, который был бы независимым от сопряженных друг с другом аутопойетических систем (хотя одно это, конечно, еще не объясняет функцию структурной сопряженности)¹¹. Другими словами, они предполагают некую непрерывность материи (или энергии), с которой не согласуются существующие границы систем, то есть прежде всего, физически функционирующий мир. Далее, они выказывают высокую степень стабильности, и именно потому, что они совместимы с любым аутопойетически возможным структурным развитием систем. Но это, конечно же, означает и то, что причинение им ущерба или их разрушение должно иметь катастрофические последствия, на которые эти системы реагировать не способны, ибо всякая возможность реакции зависит от предварительной фильтрации через структурные сопряжения. Наконец, следует предварительно указать и на то, что структурные сопряжения также являются двусторонними формами, которые включают в себя что-то одно, поскольку исключают что-то другое. Они сводят в единство и усиливают определенные каузальности, которые воздействуют на сопряженную систему, раздражают ее и, благодаря этому, могут стимулировать ее самодетерминацию. Они исключают другие формы оказания влияния. На их внешней стороне присутствует и фактор каузальности, который может воздействовать на систему (как это мог бы констатировать некий наблюдатель), однако подобное каузальное воздействие может быть только деструктивным.

В соответствии с этим понятием, уже получившим весьма

VI. Оперативная замкнутость... 109

комплексное определение, всякая коммуникация структурно сопряжена с сознанием. Без сознания коммуникация является невозможной. Коммуникация *тотально* (в *каждой* операции) соотносена с сознанием - уже хотя бы потому, что лишь сознание, а не сама коммуникация, может осуществлять чувственное восприятие, так что ни устная, ни письменная коммуникация не могли бы функционировать, не обращаясь к результатам восприятия¹². Кроме того,

коммуникация, по меньшей мере, в ее первоначальной устной форме, зависит от того, что уже в области восприятия задействованных систем сознания может продуцироваться взаимообратимость перспектив, а именно, в форме восприятия состояния восприимчивости¹³. Речь идет, следовательно, об особом достижении сознания, которое делает возможным почти одновременную обработку сообщения и понимания, а также может предвидеть первичную самокоррекцию коммуникации, например, благодаря тому, что сообщение останавливается, если сообщающий видит, что адресат коммуникации его не слушает. И все-таки, сознание не является ни "субъектом" коммуникации, ни ее "носителем" в каком-то ином смысле. Оно не привносит в коммуникацию никаких операций (скажем, в смысле некоторой последовательности мысль-речь-мысль-речь). Напротив, коммуникации функционируют лишь потому, что между столь разнородными способами осуществления операций не должно производиться никаких рекурсий; и потому, что коммуникация должна не тематизировать эту предпосланность сознания, а должна возникать благодаря структурному сопряжению. Поэтому мы должны отказаться от классической метафоры, где коммуникация предстает в виде "перенесения" семантических содержаний из одной психической системы, которая ими уже обладает, в другую¹⁴.

Отказ от представления о коммуникации как о трансляции должен иметь радикальные, едва ли обозримые сегодня следствия для общей теории систем, а также для ее применения к социальным системам. Ибо классическая теория систем (Винер, фон Берталанфи, Форрестер) принципиально базировалась на понятии трансфера или потока, а системы понимались как его регуляции. Это относилось ко всем типам трансфера - к

110 Никлас Луман

биологическим и экономическим системам, к организациям, системам сознания и машинам, что делало возможным их сравнение. Отношения окружающего мира изображались либо с помощью модели ввода/вывода, либо с помощью круговой обратной связи, и при этом всегда подразумевалось, что благодаря регулированию система контролирует этот процесс или даже порождает его. Если же все-таки отказаться от понимания коммуникации как трансляции, то отпадет и существеннейшее основание этой системной теории. Соответственно, приходится либо вернуться к давнему подозрению, что Социальное вообще не доступно для системно-теоретического рассмотрения, либо по-новому формулировать теорию систем. Это можно было бы осуществить, задавшись вопросом о том, как вообще возникает производство и воспроизводство дифференции системы и окружающего мира. И именно на этот вопрос применительно к специфическому виду систем, то есть системам социальным, должно ответить понятие коммуникации.

Если коммуникации аутопойетически воспроизводятся через рекурсии, то они образуют эмерджентную реальность *sui generis*¹. Не человек способен коммуницировать - коммуницировать способна лишь коммуникация. Подобно коммуникационным системам, и системы сознания (а на их другой стороне - мозг, клетки) являют собой операционно замкнутые системы, не способные поддерживать друг с другом никакого контакта. Не существует никакой коммуникации сознания с сознанием, не опосредованной социально, и не существует никакой коммуникации между индивидом и обществом. Всякое достаточно четкое понимание коммуникации исключает такие возможности (впрочем, как и другую возможность, а именно, возможность того, что общество, как коллективный дух, могло бы мыслить). Мыслить (но не проникать мыслью в другое сознание) способно лишь сознание, и лишь общество может вступать в коммуникацию. И в обоих случаях речь идет о собственных операциях некоторой операционно замкнутой, структурно детерминированной системы.

К особенностям данного случая структурного сопряжения "сознания-коммуникации" относится то, что здесь на *обеих* сто-

VI. Оперативная замкнутость... 111

ронах задействованы аутопойетические системы. Речь, следовательно, не идет о сопряжении аутопойетической системы с инвариантными данностями ее окружающего мира - как, например, в том случае, когда мускулатура самодвижущихся организмов должна соответствовать силе земного притяжения. Но и в отношении сознание/коммуникация обнаруживаются структурные

инварианты: к примеру, границы скорости меняющихся состояний сознания, которые не могут чрезмерно перегружаться коммуникацией. Более важным (или, во всяком случае, эволюционно менее вероятным) оказывается то, что коммуникация предполагает эндогенно беспокойные системы окружающего мира, которые с неизбежностью вступают во все новые и новые состояния. Это приводит к тому, что коммуникация вынуждена настраиваться на беспрестанное раздражение со стороны ее окружающего мира, причем это не может приводить к изменению словарного запаса и грамматических правил от случая к случаю. Напротив, специфической особенностью языка является то, что он может переносить раздражения в коммуникацию, и это не приводит к его распаду.

В этом случае, как и всегда, структурное сопряжение функционирует непрерывно и незаметно; оно функционирует именно тогда, когда об этом не думают и не говорят - подобно тому, как прогуливаясь, мы идем, не задумываясь о собственном весе, физически необходимом условии движения. И, подобно тому, как собственный вес делает возможным хождение лишь в некотором довольно узком секторе возможностей (другими словами, сила притяжения земли не должна быть ни меньше, ни больше определенной), так же и системы сознаний, и системы коммуникаций уже изначально должны так настроиться друг на друга, чтобы потом иметь возможность функционировать незаметно и скоординировано. При этом следует не только фактически принимать непрозрачность сопряженных систем, но и рассматривать ее как необходимое условие структурного сопряжения; ибо в противном случае была бы невозможной синхронизация эндогенно определяемых операций системы. То, что можно рассчитывать на такие в высшей степени невероятные условия, а также на то, что на обеих сторонах сопряжения из

112 Никлас Луман

многих возможностей реализуется, тем самым, лишь очень узкий сектор, допускает, как и в случае с возможностью хождения, только эволюционно-теоретическое объяснение.

Это незаметное, бесшумное функционирование структурного сопряжения коммуникации и сознания вовсе не исключает, что участники коммуникации идентифицируются в коммуникации, или что к ним даже кто-то обращается. В этом аспекте мы вслед за древней традицией называем их "персонами"¹⁵, то есть утверждаем, что процесс коммуникации способен "персонифицировать" внешние референции. Всякая коммуникация должна уметь различать между сообщением и информацией (ведь в противном случае она сама была бы неразличимой). Но это означает, что образуются соответствующие предметные и личные референции. Исходя из понятий, предложенных Спенсером Брауном¹⁶, можно также сказать, что воспроизводящееся использование таких референций *сгущает* лица (или вещи), то есть фиксирует их как тождественные, и одновременно *подтверждает* их, то есть обогащает новыми смысловыми отнесениями, почерпнутыми из другого рода сообщений. Если это происходит, то развивается соответствующая семантика. Лица получают имена. Значение персональности и то, как с нею следует обращаться, в сложных формах можно описать более детально. Но все это, опять таки, ничего не меняет в селективности и оперативной замкнутости структурно сопряженных систем. В особенности современная семантика жизни, субъективности или индивидуальности воздействует так, как будто бы она была изобретена для компенсации этого неустранимого бытия-для-себя¹⁷.

Через структурные сопряжения система может включаться в высококомплексные условия окружающего мира, не испытывая при этом необходимости перерабатывать или реконструировать их комплексность. Как можно наблюдать на примере физически обусловленной незначительной пропускной способности глаз и ушей, структурные сопряжения всегда охватывают лишь крайне ограниченный сектор окружающего мира. Тем самым, исключается все то, что способно воздействовать не стимулами и раздражениями, а лишь деструктивно. Лишь так может обеспечиваться автономия аутопойезиса системы и выс-

VI. Оперативная замкнутость... 113

траивание собственной системной комплексности. Это относится уже и к физическим сопряжениям окружающего мира с нервной системой и, что особенно впечатляет, к сопряжениям системы коммуникации с индивидуально

распыленными системами сознания. Комплексность сопряженных систем окружающего мира остается для системы непрозрачной, она не воспроизводится в собственных типах операций системы, ибо для этого отсутствует - в терминологии Эшби - "необходимое разнообразие"¹⁸. Чаще всего это комплексность реконструируется лишь в форме предпосылок и помех или же в форме нормальности и раздражения собственного оперирования системы. В системах коммуникаций такие чересчур обобщенные обозначения, как имена, или же такие понятия, как человек, индивидуальное лицо или сознание, служат для собственной переработки отношения к комплексности окружающего мира. Речь всегда идет о том, чтобы упорядоченную (структурированную, но как раз и не поддающуюся вычислению!) комплексность использовать соразмерно собственным возможностям оперирования (применительно к обществу это означает- в языковой форме). Применительно же к случаю, когда такие отношения развиваются в виде взаимной ко-эволюции, так что ни одна из систем, структурно сопряженных именно таким образом, не могла бы существовать без этих отношений, можно говорить и о *взаимпроникновении*¹⁹. Хорошим примером этого является отношение нервных клеток и мозга; а отношение систем сознания и общества являет собой другой случай такого же рода, причем даже количественно сопоставимый с первым.

Как нетрудно понять, язык делает возможным регулярное структурное сопряжение систем сознания и систем коммуникации²⁰. Благодаря этому тема отношения общества, культуры, языка и психических "ментальностей"²¹, часто обсуждаемая также и в социологии, сводится к единому понятию, столь необходимому для конструирования теории. Уже Гумбольдт в своем тонком анализе разрабатывал как объективный, так и субъективный характер языка. Согласно этому, говорящий должен выбирать объективную форму и отказываться от своей собственности на произнесенное слово, следствием чего является то, что

114 Никлас Луман

в языковой коммуникации никто из ее участников как раз и не думает о том, что думает другой. Язык как форма получает самостоятельность относительно своих творцов (!). А тогда это означает: "Подлинное разрешение этой противоположности лежит в единстве человеческой природы"²². Но тогда отсутствовала социальная теория, которая исходила бы не из языка, а из коммуникации, и эта брешь была закрыта, прежде всего, благодаря философской антропологии. Лишь предположение о двух различных типах аутопойетических систем делает возможным заменить предпосылку "единства человеческой природы" понятием структурного сопряжения.

Выбор этого понятия имеет своим следствием то, что язык функционирует, не подвергаясь психической рефлексии и социальному комментированию, что, в свою очередь, не исключает как размышлений над выбором слов, если сознание усматривает для этого повод, так и обговаривания способов выражений, если здесь всплывает проблема понимания для социальной системы. Однако такие, скорее, исключительные заботы также предполагают, что язык функционирует, не требуя внимания; или, другими словами, что он ортогонален к аутопойетическим процессам в использующих его системах.

В эволюционном контексте язык являет собой крайне невероятный тип шума, который именно в силу этой невероятности обладает столь высокой силой привлечения внимания и высококомплексными возможностями спецификации. Если кто-то говорит, то некоторое присутствующее сознание способно легко отличить этот шум от остальных шумов и уже едва ли может избежать чарующей силы текущей коммуникации (какие бы мысли не рождались при этом в собственных бесшумных системах участников коммуникации). В то же время, возможности спецификации языка допускают выстраивание высококомплексных структур коммуникации, то есть, с одной стороны, становление комплексности и все новое оттачивание самих языковых правил, а с другой стороны, выстраивание социальных семантик для ситуативного реактивирования важных возможностей коммуникации. То же самое, *mutatis mutandis*, относится и к письменности, то есть к языку, транслируемому из акус-

VI. Оперативная замкнутость... 115

тического медиума в медиум оптический. В следующей части мы более

подробно рассмотрим огромное, все еще недооцененное воздействие этой визуализации языка.

Помимо языка, структура которого должна получать относительно постоянную временную фиксацию, существует и второй механизм сопряжения, устройство которого нестабильно и словно бы способно к обучению. Следуя заимствованному из когнитивной психологии понятию, мы называем его "схемами"²³. В рамках плохо скоординированной области исследований этот механизм получил и многие другие имена: "фреймы" (frames), "скрипты" (scripts), "прототипы" (prototypes), "стереотипы" (stereotypes), "когнитивные карты" (cognitive maps) или "имплицитные теории" (implicit theories), если назвать лишь некоторые из них. Данные понятия обозначают смысловые комбинации, служащие в обществе и в психических системах для образования памяти, которая забывает почти все собственные операции системы, но кое-что все-таки сохраняет в схематизированной форме и может использовать это повторно. Примерами могли бы здесь стать стандартизированные формы определения чего-то как чего-то (скажем, напиток как вина), атрибутивные схемы, которые связывают причины и следствия и, возможно, наделяют их требованием действия или вменением в вину. (В этом случае говорят о скриптах²⁴). Однако и временные схемы, в особенности прошлое/будущее, или же такие коды предпочтений, как плохое/хорошее, истинное/неистинное либо собственность/не-собственность, выполняют функцию схематизации. При использовании схем коммуникация предполагает, будто всякое задействованное сознание понимает, что подразумевается, но она же предполагает и то, что, с другой стороны, в силу этого не установлено, *как* системы сознания обращаются со схемой, а тем более то, *какие* подсоединяющиеся коммуникации являются результатом использования схем. Схемы могут конкретизироваться и приспосабливаться к любой потребности. К примеру, телесные наказания считаются полезными/вредными для воспитания. В конкретных ситуациях схемы служат для "затыкания бреши", для поиска дополнений и наполнений²⁵. Во всяком случае, они не могут схематично при-

116 Никлас Луман

меняться как извлечения из памяти²⁶. Как редукции *структурной* комплексности, схемы служат для выстраивания *операционной* комплексности, и тем самым для текущего приспособления структурного сопряжения психических и социальных систем к меняющимся типам ситуаций. Но и здесь остается важным, что функции и механизмы сопряжения не должны осуществляться в операциях системы, а могут предпосылаться им как бесшумно функционирующие.

Применительно к теории системы общества было бы нецелесообразно совершать гигантский экскурс ради разработки теории языка и теории схематизмов, основывающихся на этой функции структурного сопряжения. Мы лишь укажем на то, что наш подход противоречит основным предпосылкам лингвистики де Соссюра: мы утверждаем, что языку не присущ никакой собственный тип оперирования; что он должен осуществляться либо как мышление, либо как коммуникация; что язык, следовательно, не является настоящей системой. Он был и остается зависимым от того, что системы сознания, с одной стороны, и система коммуникации общества, с другой стороны, продолжают свой собственный аутопойезис в виде совершенно закрытых операций. Если бы этого не происходило, то всякая речь тотчас бы прекратилась, а вскоре после этого исчезла бы и возможность мыслить в форме языка.

В некотором приближении к анализу Толкотта Парсонса²⁷, эту форму структурного сопряжения можно было бы обозначить как "символическое обобщение". Выражение "символическое" здесь, правда, используется по-другому, то есть не в виде отнесения к символическим развитиям внутри общественной коммуникации, как это бывает, например, в том случае, когда ради обоснования схожести различных лиц составляются генеалогии с точки зрения происхождения. В качестве сопряжения систем сознания и систем коммуникации символ означает лишь наличие дифференции, которая, будучи рассмотренной с обеих сторон, может пониматься как тождественная. В этом смысле символическое использование языковых обобщений (= воспроизводимых способов употреблений) предполагает знаковый характер языка, что означает: способность отличать означаю-

VI. Оперативная замкнутость... \1

щее (слова) от означаемого (вещи) в сознании и в коммуникации. Лишь означающее, а никак не сами означаемые вещи, годится для символического применения. Или, другими словами: в противоположность предпосылкам нашей традиции, посредничество между человеком и обществом нельзя выводить из "природы".

Кроме того, часто не учитывают, что такой аспект, как бинарное кодирование языка, важен не меньше, чем артефактичность, сгущенность, укрепленность и символическое употребление знаков языка. Всякая коммуникация открывает двоякую возможность ее принятия или отклонения. Всякий (кондесированный и подтвержденный) смысл может быть выражен в Да-редакции и Нет-редакции. В этом-то и состоит уязвимость обсуждаемой далее темы. Но подобное устройство коммуникации значимо как форма структурного сопряжения и, вероятно, именно поэтому-то и возникло. Ведь язык как бифуркация коммуникативного кода открывает сознанию возможность выбора той или другой стороны формы. С этим минимумом степеней свободы оно может ускользать от детерминации со стороны коммуникативного процесса и переходить к (для него самого непрозрачной) самодетерминации. Оно говорит *да* или *нет* в силу причин, которые нельзя узнать; оно принимает или отклоняет, поддерживает или блокирует дальнейший ход коммуникации; и все это происходит коммуникативно понятным образом, на основании мотивов, которые как для самого сознания, так и для других могут оставаться непостижимыми, а потому не играть в коммуникации никакой тематической роли (или же играть, но только в виде исключения). Эта универсальная ситуация навязывается кодом языка, независимо от слов, тем, мотивов и контекстов. Она обнаруживается повсеместно и в каждое мгновение. В этой форме она являет собой неизбежное условие структурного сопряжения при различных типах аутопойезиса.

То обстоятельство, что системы коммуникации сопряжены с системами сознания посредством языка аналогично тому, как и системы сознания сопрягаются с коммуникационными системами, влечет за собой чрезвычайно значимые следствия для структурного выстраивания соответствующих систем, а значит,

118 Никлас Луман

и для их морфогенеза, для их эволюции. В отличие от систем сознания с их способностью чувственного восприятия, системы коммуникации воспринимают исключительно с помощью сознания. Все, что воздействует на общество извне, не являясь при этом коммуникацией, должно поэтому проходить через двойной фильтр сознания и коммуникативных возможностей. Структурное сопряжение сознания и коммуникации является при этом формой, которая осуществляет включения и исключения, которая в рамках своего канала усиливает возможности обоюдного раздражения, однако может осуществлять это лишь при условии, что исключаются (либо подводятся под деструктивный тип воздействий) все влияния, не охватываемые этой формой.

Нужно всегда показывать (буквально *показывать*), что же это означает. Целостный физический мир, не исключая и физических оснований самой коммуникации, может воздействовать на коммуникацию только лишь благодаря *замкнутому в своих операциях* мозгу, а последний - лишь благодаря *операционно закрытым* системам сознания, а следовательно, исключительно посредством "индивидов". В этом заключен чрезвычайно значимый и, с эволюционной точки зрения, весьма маловероятный процесс отбора, который, в то же время, обуславливает и высокие степени свободы развития общества. Для физических, химических, биологических процессов не существует никакого непосредственного доступа в коммуникацию - даже и в деструктивном смысле. Шум, отсутствие воздуха или пространственная дистанция могут исключать устную коммуникацию. Книги могут сгореть, а могут даже специально сжигаться. Но никакой огонь не может написать книгу и даже не может послужить для писателя настолько сильным раздражением, чтобы он - в случае сожжения манускрипта - написал бы его иначеⁱⁱⁱ. Следовательно, сознание занимает привилегированное положение среди всех условий аутопойезиса. Оно некоторым образом контролирует доступ окружающего мира в коммуникацию, но осуществляет это не как "субъект" коммуникации и не как некая "лежащая в ее основании" сущность, а благодаря своей способности

восприятия (в свою очередь, в высшей сте-

VI. Оперативная замкнутость... 119

пени фильтрованного, само-порожденного), которое среди прочих условий структурного сопряжения, со своей стороны, зависит и от нейрофизиологических процессов мозга, а в силу этого - также и от иных процессов аутопойезиса жизни.

То обстоятельство, что системы коммуникаций непосредственным образом сопряжены лишь с системами сознания и поэтому получают выгоду от избирательности последних, не подвергаясь, однако, вследствие этого никакой спецификации, формирует своего рода панцирь, который, в общем и целом, препятствует тому, чтобы целостная реальность мира воздействовала бы на коммуникацию. Никакая система не могла бы быть настолько комплексной, чтобы выдерживать это воздействие и иметь возможность продолжить свой собственный аутопойезис. Лишь благодаря такой защите могла развиваться система, реальность которой состоит в переработке чистых "знаков". Здесь также следует напомнить, что системы сознания наличествуют в огромном количестве (сегодня их больше 5 миллиардов единиц) и функционируют одновременно. Даже если принять во внимание, что одни системы сознания на обратной стороне Земли в данный момент спят, а другие в данное мгновение по каким-то иным причинам не участвуют в коммуникации, число одновременно оперирующих систем все еще остается настолько велико, что абсолютно исключена их эффективная координация (а значит, и формирование консенсуса в эмпирически понимаемом смысле). Поэтому система коммуникации по необходимости опирается на саму себя, может управлять лишь самой собой; и она способна это делать лишь постольку, поскольку в окружающем ее мире ей удается активировать необходимый для этого материал сознания.

Согласно всему сказанному, не может быть и речи о какой-то однородности операций и состояний структурно сопряженных систем. Ничего здесь не меняет и использование языка и когнитивных схем. То, что структурные сопряжения все-таки возникают, проистекает в силу действия иных причин. Последние могли бы, пожалуй, выступать следствием *временного характера* операций как нейрофизиологических систем, так и систем сознания и коммуникации²⁸. Всегда принимая во вни-

120 Никлас Луман

мание структурные сопряжения аутопойетических систем, мы должны представить это их временное выстраивание несколько точнее; ведь хотя каждая система существует одновременно с ее миром, мозг, системы сознания и коммуникации формируют различные последовательности событий с различными скоростями в протекании операций. То, что является сознанию в виде какой-то интенсивности, последовательностью импульсов выстраивает нервная система. Да и при переживании волевых решений и чувств имеют место подобные временные дифференции²⁹. Соответственно, активность сознания предшествует коммуникативному порождению событий. Можно было бы сказать так: сознание интерпретирует событие, уже произошедшее в мозгу, как решение, чувство или понимание. Коммуникация актуализирует и, благодаря этому, твердо фиксирует в сознании то, что там уже было решено. Эта своеобразная ретроспективность в структурных сопряжениях, в свою очередь, остается незамеченной. Она прочитывается как одновременность. Она словно переводится в предположение о реальности, существующей независимо от познавательных операций. Необходимость синхронизировать время согласно требованиям того или иного особенного аутопойезиса объясняет эмерджентность мира, который независимо от познавательных операций оказывается таким, каков он есть. Осуществляя перерасчет временных отношений, системы образуют реальность, не предвосхищая тем самым, однако, те или иные смысловые формы в их конкретном виде. Благодаря этому анализу можно отказаться от гипотезы о наличии у мира онтологического субстрата, а одновременно и объяснить возникновение этой гипотезы. То обстоятельство, что при этом следует исходить из временности операций структурно сопряженных систем, вытекает из того, что базовые элементы этих систем порождаются относительно времени. Как может показать более тщательный анализ, все они вытекают из высококомплексных условий. В сопряженных системах все операции являются лишь событиями, которые проходят,

как только они свершились. Поэтому системы должны порождать свою дифференцию с окружающим миром через последовательность взаимно согласующихся операций. Это требует соответствующей

VI. Оперативная замкнутость... 121

щей внутрисистемной памяти. Хотя память задействована лишь в собственных операциях, то есть может вспоминать или забывать лишь собственные операции, она представляет результаты (продукты) операций на основе различения самореференции и ино-референции. По этой причине синхронность с другими системами и схожесть ино-референциально представленных ситуаций система проецирует *в мир*, хотя для этого и не существует никакого контроля и мета-гарантий соответствия. Вместе с тем, система знает себя как другую, а свой окружающий мир - как доступный и другим системам. Поэтому сознание, так же как и общественная коммуникация, формирует в области интенциональных либо тематических ино-референций представление о вещах, существующих вне его, хотя система является (или обладает) всего лишь историей собственного движения³⁰. Эта парадоксальность предположения схожести вопреки особости объясняет, что участие в коммуникации приводит к устойчивым раздражениям систем сознания, которые затем, со своей стороны, порождают структурный дрейф, обратным образом воздействующий на предпосылку дальнейшего участия в коммуникации. В этом смысле, тип воздействий коммуникации на ее окружающий мир определяет регенерацию предпосылок следования дальнейшей коммуникации, причем, тем не менее, остается совершенно открытым, что же в коммуникации регистрируется соответственно как консенсус или как разногласие.

Единственная альтернатива структурному сопряжению сознание/коммуникация, которая в настоящее время уже просматривается, но которая могла бы привести к самым неожиданным последствиям, - это компьютер. Уже сегодня применяются компьютеры, операции которых недоступны ни для сознания, ни для коммуникации, причем ни синхронно, ни реконструктивно. Хотя они являются произведенными и программируемыми машинами, подобные компьютеры работают методом, остающимся непрозрачным для сознания и коммуникации, но, тем не менее, воздействующим на сознание и коммуникацию через структурные сопряжения. В строгом смысле, они представляют собой невидимые машины. Задавая вопрос о том, яв-

122 Никлас Луман

ляются ли компьютеры машинами, работающими аналогично сознанию, могут ли они заменить системы сознаний или даже превзойти их, неправильно ставят проблему и, пожалуй, умаляют ее опасность. Да и совершенно не важно, могут ли внутренние операции компьютера пониматься как коммуникации. Все аналогии этого типа, видимо, следует отбросить, а вместо этого задаться вопросом о том, к каким последствиям приведет то, что компьютеры смогут продуцировать совершенно самостоятельное структурное сопряжение между некоей конструируемой для них реальностью и системами сознания и коммуникации.

Насколько важно привлекать внимание к этому вопросу, настолько же необозримы на сегодняшний день и последствия для дальнейшей эволюции системы общества. И все-таки всякая теория общества должна зарезервировать для этого какую-то неопределенную позицию, и такую возможность предлагает понятие структурного сопряжения. В дальнейшем мы, правда, будем исходить из того, что системы коммуникации сопряжены с сознанием посредством языка и лишь благодаря этому могут позволить себе безразличность по отношению ко всему остальному. Но в то же время нельзя исключать вероятность того, что компьютер сделает возможным другие формы структурного сопряжения.

Понятие структурного сопряжения объясняет, наконец, и то, что системы хотя и полностью само-детерминированы, однако, в общем и целом, все-таки развиваются в таком направлении, к которому окружающий мир остается толерантным. Внутренняя системная сторона структурного сопряжения может быть обозначена понятием *раздражения* (или помехи, пертурбации). Аутопойетические системы реагируют непосредственно на негативные, или неподдающиеся типизации, раздражения. Во всяком случае, сами по себе они не являются максимизаторами выгоды, как это предположила бы экономическая теория³¹. Даже в своей раздражимости системы - а именно, как системы сознания, так и система

коммуникации *общество* - являются абсолютно автономными. Раздражения проистекают из внутреннего сравнения (поначалу не специфицированных) событий с

VI. Оперативная замкнутость... 123

собственными возможностями, прежде всего, с установившимися структурами, с ожиданиями. Поэтому в окружающем мире системы не существует никакого раздражения и не существует никакого трансфера раздражения из окружающего мира в систему. Речь неизменно идет о внутрисистемном продукте, неизменно - о само-раздражении - правда, возникающем в силу воздействий со стороны окружающего мира. Система получает затем возможность либо находить причины раздражений в самой себе и на этом учиться, либо приписывать раздражение окружающему миру и на этой основе рассматривать его как "случайность", либо же, отыскивая источник раздражения в окружающем мире, использовать его или его нейтрализовывать. Также и эти различные возможности накладываются на внутрисистемное различие само-референции и ино-референции, а если однажды появилась возможность распорядиться их различием, то становится возможным менять перспективы и комбинировать реакции - допустим, учиться и одновременно отождествлять причины в окружающем мире.

Устойчивые раздражения определенного типа, скажем, повторяющиеся раздражения маленького ребенка, вызванные необычностью языка, или раздражения общества, основанного на сельском хозяйстве, вызванные восприятием климатических условий, определяют направление структурного развития, ибо эти системы подвергаются раздражениям из чрезвычайно специфических источников, а поэтому долгое время занимают похожими проблемами. Само собой разумеется, это не означает, что мы могли бы вернуться к теориям культурно-климатической обусловленности восемнадцатого столетия; и это также не означает, что мы были бы готовы принять чисто социологическую теорию социализации. Во всех этих вопросах всегда следует учитывать множественность системных референций и, в соответствии с этим, вырабатывать комплексные теоретические модели. Во всяком случае, окружающий мир оказывает влияние на структурное развитие систем лишь при условии структурных сопряжений и лишь в рамках канализированных благодаря этому и накопленных возможностей само-раздражения.

Все это относится и к современному обществу. Но сказанное

124 Никлас Луман

может быть дополнено тем, что окружающий мир, со своей стороны, сильнее чем когда-либо прежде изменяется под воздействием самого общества. Это относится к физическим, химическим и биологическим условиям жизни, а значит, к тому комплексу, который обычно называют "экологией", но это же в еще большей мере относится и к деформации психических систем под воздействием современных условий жизни, например, ко всему тому, что пытаются выразить в понятии современного индивидуализма или в теории растущих притязаний. Словно в некотором экологическом сверхцикле, структурные сопряжения между системой общества и окружающим миром сегодня оказываются под давлением вариативности, причем этот темп изменений вызывает вопрос о том, *как* (если вообще нечто подобное имеет место) испытывающее такие раздражения общество, вынужденное все это приписывать себе самому, может из этого достаточно быстро учиться.

Оперативная замкнутость дает нам, наконец, ключ к теории дифференциации систем, которую мы разработаем более подробно. Как бы общество не дифференцировало в самом себе социальные системы, импульсом всегда является бифуркация собственных операций. Речь не идет об отображении различий, которые бы уже наличествовали в окружающем мире. Лишь очень примитивные общества экспериментируют, руководствуясь такими антропологически заданными параметрами, как возраст и пол - но это оказалось эволюционным тупиком. Выход из него был найден уже в образовании семьи и сегментарной дифференциации. Когда позднее структурные различия получают функцию разделения (скажем, крестьяне/кочевники, горожане/сельчане или, как еще и сегодня, расовые различия), речь однозначно идет о социальных аспектах, которые могут приобрести вес лишь постольку, поскольку они могут быть объединены с формами

системной дифференциации. С генетической точки зрения, речь непременно идет о собственном достижении системы коммуникации: какое-то отклонение дает стимул, оно наблюдается, проверяется, отбрасывается или усиливается и используется для умножения подсоединяющихся коммуникаций. При этом содействие оказывают само-референци-

VI. Оперативная замкнутость... 125

альные или ино-референциальные компоненты. Кроме того, дифференциация некоторой системы неизменно влияет и на от-дифференциацию системы в смысле прерывания пунктуально скоординированных совпадений между компонентами системы и компонентами окружающего ее мира. И именно это прерывание делает неизбежным то, что система должна ориентироваться в интерпретированном окружающем мире.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VI:

¹ См.: *Martens, W.* Die Autopoiesis sozialer Systeme. In: *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 43 (1991), S. 625-646. Вил Мартенс полагает, что эти системы окружающего мира все-таки могли бы вносить свою лепту в управление компонентами элементов социальных систем (применительно к коммуникации речь идет об информации, сообщении и понимании). Но и это невозможно. Конечно, с каузальной точки зрения такого рода происхождение из чужеродного имеет место. Но такое происхождение не может вовлекаться в коммуникацию. Оно не входит в смысл коммуникации, но отстает в процессе эмерджентного возникновения социальной системы, оставаясь во внешнем мире. Это лишь другая формулировка для принципа, согласно которому аутопойетический процесс неизбежно проводит системные границы.

² Весьма скоро мы увидим, что эта констатация должна быть модифицирована при помощи понятия структурного сопряжения, хотя значение этого положения дел тем самым и не меняется.

³ Тем самым мы расширяем то, что в лингвистике и теории литературы обозначалось как "сопротивление языка языку" (resistance of language to language). Эту формулировку см.: *Godzich, W.* Einleitung zu: *De Man, P.* The Resistance to Theory. Minneapolis, 1986, p. XVII.

⁴ Мы говорим "как правило", поскольку не должна исключаться возможность того, что при достаточной комплексности система может получать информацию и о себе самой, то есть узнавать о себе что-то неожиданное. Дифференция само-референция/ино-референция относится, прежде всего, лишь к отдельной операции. Ее нельзя безоговорочно отнести к системе. Если сообщение вообще не может пониматься иначе, кроме как внутрисистемное событие, то информационная компонента допускает две крайности: внешне-операционную и внутри-системную.

⁵ См. о функции этого "повторного вхождения" и о возникновении "воображаемого" пространства, которое лишь одно теперь еще может изображаться как единство: *Brown, G. S.* Laws of Form, p. 56, 69; а также: *Kauffman, L.*

126 Никлас Луман

H. Self-Reference and Recursive Forms. In: *Journal of Social and Biological Structures*, 10 (1987), p. 53-72; *Miermont, J.* Les conditions formelles de l'état autonome. In: *Revue internationale de systémique*, 3 (1989), p. 295-314.

⁶ С этой точки зрения, не является случайностью и то, что одновременно с теорией операционно-закрытых систем возникло довольно общее "конструктивистское", однако подходящее ей понятие познания, применительно к которому уже не действуют старые возражения против мнимого нереалистического идеализма.

⁷ Здесь акцентируются "структурные единства" в их отличии от простых операционных единств (событий). Это значит, что при продолжении коммуникации, переходящей к другой коммуникации, объекты сохраняют свою идентичность. Но это проистекает не из того, что природные условия внешнего мира гарантируют им такую устойчивость, а из того, что благодаря процессу ино-референции системы они (как "темы" коммуникации) производятся в виде структурных единиц системы.

⁸ *Maturana, H.* Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit, S. 143, 150, 243, 251; *Maturana, H., Varela, J. F.* Der Baum der Erkenntnis: die biologischen Wurzeln des menschlichen Erkenntnis. München, 1987, S. 85, 252. вновь и вновь следует указать на трудность отграничения собственных операций от казуальностей, которые воздействуют на систему благодаря структурным сопряжениям. См.: *Braten, S.* Simulation and Self-Organisation of Mind. In: *Contemporary Philosophy*, 2 (1982), p. 204. Мы пытаемся решить эту проблему через по возможности более четкое определение понятия коммуникации.

⁹ См.: *Humberto R. Maturana*, Reflexionen: Lernen oder ontogenetische Drift. In: *Delfin*, 11(1983), S. 64.

¹⁰ Ср.: *Bateson, G.* Ökologie des Geistes: Anthropologische, psychologische, biologische und epistemologische Perspektiven. Frankfurt am Main, 1981, S. 376; *Wilden, A.* System and Structure: Essays in Communication and Exchange. London, ² 1980, p. 155.

¹¹ Здесь критика могла бы распознать устаревшие подходы, и мы хотим это предупредить. Вышеприведенное высказывание вовсе не является каким-то ограничением основного конструктивистского тезиса и возвращением к онтологическому понятию мира. Здесь мы объясняем лишь импликации некоторого теоретического способа наблюдения, который пользуется понятием аутопойезиса. Исходный пункт сохраняет свой

теоретико-дифференциальный характер: то, что различение система/окружающий мир должно быть введено в некоторый мир, который оставался бы ненаблюдаемым, если бы отсутствовали различия. И под "реальностью" здесь мы, как всегда, подразумеваем результат проверки консистенции.¹² Здесь мы лишь кратко отметим, что это не исключает управления результатами восприятия со стороны коммуникации. Но и для этого требуются дос-

VI. Оперативная замкнутость... 127

тижения сознания, собственный аутопойезис которого может испытывать текущие раздражения в силу его (рецептивного) участия в коммуникации.

¹³ См.: *Ruesch, J., Bateson, G.* Communication: The Social Matrix of Psychiatry. New York, 1951, p. 2.

¹⁴ Критика этого понимания была дана уже Клаусом Мертенем: *Merten, K.* Kommunikation: Eine Begriffs- und Prozeßanalyse. Opladen, 1977, S. 43. Многие предпосылки, вытекающие из понятия переноса коммуникации, оспариваются сегодня в когнитивной психологии: например, подвергается сомнению предположение, что в словах коммуникация выражает наличествующие мысли; что в процессе трансляции слова выступают в качестве носителей определенного семантического содержания; что понимание будто бы является процессом обратного преобразования слов в мысли; одним словом, что семантика обозначает некий процесс репрезентации - как в психических системах, так и в коммуникации. Все эти пункты см.: *Shanon, B.* Metaphors for Language and Kommunikation. In: *Revue internationale de systématique*, 3 (1989), p. 43-59. Вследствие этого семантика должна пониматься, исходя из прагматики (то есть аутопойезиса коммуникации), а не наоборот, как это повсеместно принято полагать.

¹⁵ Более подробно см.: *Luhmann, N.* Die Form „Person“. In: *Soziale Welt*, 42 (1991), S. 166-175.

¹⁶ См.: *Brown, G. S.* Laws of Form, p. 10.

¹⁷ См. более подробно об этом: *Luhmann, N.* Individuum, Individualität, Individualismus. In: *Luhmann, N.* Gesellschaftsstruktur und Semantik. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1989, S. 149-258.

¹⁸ *Ashby, W. R.* An Introduction to Cybernetics. London, 1956, p. 206; *Ashby W. R.* Requisite Variety and its Implications for the Control of Complex System. In: *Cybernetica*, 1(1958), p. 83-99.

¹⁹ Подробнее см.: *Luhmann, N.* Soziale Systeme, S. 286.

²⁰ Поскольку понятиями аутопойезиса и структурной комплексности мы продолжаем почин Матураны, здесь было бы уместно некоторое ограничительное замечание. Мы разделяем неприятие чисто денотативного, а также чисто структуралистского понятия языка, и вслед за Матураной, утверждаем первичность понятия *операции*. Однако в нашем тексте, в отличие от подхода Матураны, структурное сопряжение благодаря языку связано не с отношением живых существ с живыми существами, а с отношением сознания и коммуникации. Нервные системы различных живых существ могут структурно сопрягаться и без языка. Поэтому мы избавляем себя от конструкции некоего "сверх-наблюдателя" языка, которая необходима Матуране для описания отношения языка к реальности (см.: *Maturana, H.* Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeit, S. 264). Мы избавляем себя и от вопроса о структурных сопряжениях этого наблюдателя. Вместо этого мы исходим из аутопойетической системы коммуни-

128 Никлас Луман

кации, которая зависит от структурных сопряжений с системами сознания, которые затем, со своей стороны, могут сопрягаться и друг с другом как посредством языка, так и через восприятия иного рода. Тем самым, конечно же, еще не оспаривается, что всякое сознание с его собственной нервной системой зависит от структурных сопряжений. Сверх-наблюдатель оказывается излишним в силу гораздо более простого предположения, согласно которому в системах коммуникации наряду с прочим можно коммуницировать и о языке.

²¹ Райт Миллз, к примеру, считает здесь необходимым ввести специальный предмет; он назвал его "социотикой" (Sociotics). Но дело пока, все-таки, еще ограничивается лишь наметками и многочисленными конкретными исследованиями. См.: *Mills, C. R.* The Language and Ideas of Ancient China. In: *Mills, C. R.* Power, Politics and People. New York, 1963, p. 469-520, особенно p. 492. Ср. также: *Mills, C. R.* Language, Logic, and Culture. In: *American Sociological Review*, 4 (1939), p. 670-680. В противовес к этому, системно-теоретический подход оказывается в выигрышном положении, поскольку делает лишним неясное понятие "культуры", а крайне важное место отводит дистанции между психическими и социальными системами. Лишь это подводит к вопросу о том, какие понятия смогут затем этому соответствовать.

²² *Humboldt, W. von.* Ober die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechtes. In: *Humboldt, W. von.* Werke. Bd. III. Darmstadt, 1963, S. 368-756, особенно S. 425, 438.

²³ См. работу, давшую импульс многочисленным исследованиям в этой области: *Bartlett, Fr. C.* Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge Engl., 1932.

²⁴ См.: *Schank, R. C., Abelson, R. P.* Scripts, Plans, Goals and Understanding, An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, 1977; *Abelson, R. P.* Psychological Status of the Script Concept. In: *American Psychologist*, 36 (1981), p. 503-515.

²⁵ Ср.: *Graesser, A. C.* et al. Memory for Typical and Atypical Actions in Scripted Activities. In: *Journal of Experimental Psychology, Learning, Memory and Cognition*, 6 (1980), p. 503-515.

²⁶ Ср.: *Alba, J. W., Hasher, L.* Is Memory Schematic? In: *Psychological Bulletin*, 93 (1983), p. 203-231.

²⁷ См.: *Parsons, T., Bales, R. F., Shils, E. A. Working Papers in the Theory of Action*. Clencoe III, 1953.

²⁸ Сходную идею мы обнаруживаем уже у Канта в главе "О схематизме чистых рассудочных понятий" "Критики чистого разума" применительно к отношению представления и понятия. Но Кант еще говорит об однородности, ибо его проблема лежит во Внутреннем субъективного сознания.

²⁹ См. специальные исследования этого вопроса: *Massumi, B. The Autonomy of*

VI. Оперативная замкнутость... 129

Affect. In: *Cultural Critique*, 31 (1995), p. 83-109.

³⁰ Это утверждение формулируется с опорой на раздел "Чувственная достоверность" гегелевской "Феноменологии духа". Согласно Гегелю, сознание противоречит самому себе, если сначала говорит себе: "это - дерево", тогда как в следующее мгновение (зная об этом) заявляет: "это - дом". Об этом напряжении между подразумеваемым и типом подразумевания см. также работу, руководствующую "Задачей переводчика" Вальтера Беньямина о переводе: *De Man, P. Resistance to Theory*. Minneapolis, 1986, p. 61, 86.

³¹ Правда, и среди экономистов представлены мнения иного направления. См.: *Coase, R. H. The Firm, the Market, and the Law*. Chicago, 1988, p. 4.

ⁱ "Своего рода" (лат.).

ⁱⁱ "С соответствующими изменениями" (лат.).

ⁱⁱⁱ Под этой туманной фразой, скорее всего, понимается то, что физическое явление не меняет интенций действующих. Сожжение книг в нацистской Германии не привело никого к желанию переписать эти книги как-нибудь по-другому.

VII. ПОЗНАНИЕ

Начиная исследовать системы коммуникации именно как ауто-пойетические системы особого типа, следует перепроверить и унаследованные от традиции представления о "познании". Ведь и здесь речь идет о некоем новом описании гуманистического наследия европейской традиции. Последняя приписывала человеку познавательные способности и при этом фиксировала его своеобразие с помощью двух различий: различием *человек/животное* и различием *человек/машина*. В поисках качеств, присущих исключительно человеку и не свойственных животному или машине, теории познания получили в свое распоряжение *особый понятийный резервуар, который затем был* специфицирован в представлениях о разуме, рассудке и способностях рефлексии. Таким образом, способности чувственного восприятия, которые человек делит с животным, оставались недостаточно освещенными. Они причислялись к более низким (в противопоставлении более высоким) качествам¹. Машины, напротив, выступали лишь дополнениями и средствами разгрузки человеческой способности к действию, причем само действие выводилось из свободы воли и возможности разумного контроля. Эти предпосылки специфически антропомерной теории познания разбиваются сегодня о развитие науки и машинной техники. Во всяком случае, современная физика допускает описание познания как особого случая изменений в отношениях электромагнитных полей. Именно так можно было в некоторых случаях отвечать на вопрос о том, *как* мир создает возможность для самонаблюдения. Но эта точка зрения не дает доступа к феноменологии мира. Нейрофизиологические исследования описывают мозг как операционно закрытую систему, а вопрос о том, как вопреки этому позднее может возникнуть представление о внешнем мире, равным образом касается и человека, и животного. Ответ можно найти, лишь обратившись к понятию чувственного восприятия, которое, тем самым, занимает первичное (хотя и не вышестоящее) положение в структуре всех рефлексивных процессов. Достижением восприятия является

VII. Познание 131

(все еще загадочная) экстернализация результатов нейрофизиологических процессов - как у высших видов животных, так и у людей. Технология ЭВМ вызывала некоторую переориентацию в отношении к машинам. Данные машины уже не могут пониматься как приатки телесной активности, а поэтому требуют нового описания своих отношений с человеком². Исследования об "искусственном интеллекте" свидетельствуют о таких изменениях - вплоть до возникновения вопроса о том, является ли вообще вопрос об отношении человека и машины все еще адекватной теоретико-познавательной постановкой проблемы.

В этих условиях следует по-новому ставить и по-новому отвечать на вопрос о

"резервной категории" (reserve category) для особенных, специфически-человеческих качеств³. Этому может способствовать анализ медиума смысла. Однако этот медиум используется как психическими, так и социальными системами. Поэтому особенности людей можно столь же успешно определять и через их участие в смысловой коммуникации.

Но одно это, все-таки, еще не образует достаточного и соразмерного новым условиям понятия *познания*. Здесь мы исходим из понятия *наблюдения*, понимаем наблюдение как обозначение в контексте некоего различия и, дополнительно к этому, нуждаемся в памяти как способности отделять забывание и воспоминание. Соответственно, смысловое познание являет собой всего лишь особый случай, правда, такой случай, который единственно только и учитывается в теории общества. Другими словами, познание есть способность подсоединять новые операции к вспоминаемым операциям. Оно предполагает, что благодаря забыванию высвобождаются мощности системы; но, в то же время, оно предполагает и то, что новые ситуации могут приводить к высокоизбирательным обращениям к сгусткам предшествующих операций.

Эти соображения принуждают нас отказаться от господствующего в традиции представления, которое еще и сегодня для многих является само собой разумеющимся: будто благодаря познанию система способна приспосабливаться к своему окружающему миру и что, следовательно, эволюцию делают возможной совершенствование когнитивных способностей, все

132 Никлас Луман

глубже проникающее, все более адекватное и предупреждающее познание окружающего мира. Разумеется, не стоит оспаривать связь между эволюцией и изменением познавательных способностей высокоразвитых систем, однако тезис об обуславливающей связи познания, совершенствующегося приспособления и эволюции в этой простой редакции не может быть обоснован даже в биологии⁴.

Еще в прежней кибернетической теории систем обнаруживались некоторые основания для сомнения, -так, в тезисе Эшби утверждалось, будто системы являются энергетически открытыми, но информационно замкнутыми, и что в них отсутствует "необходимое разнообразие"⁵. Ведь кибернетика обратной связи устроена так, что она может функционировать и без знания окружающего мира - можно сказать, без субъекта и без объекта. Еще дальше идут теория операционной замкнутости и тот тезис, согласно которому аутопойетические системы уже непременно должны быть приспособлены к окружающему миру, чтобы уметь использовать свой эволюционный потенциал. Соответственно, первый вопрос всегда состоит в том, какие операции осуществляют воспроизводство системы и как система может оказываться приспособленной уже на первом, до-когнитивном уровне⁶. Лишь затем можно ставить вопрос о том, как могут возникать специфические операции, которые осуществляют наблюдения, и как на этом базисе затем могли бы появиться познавательные способности (дигитализация, память, научение, дистанционное ориентирование, предвосхищение, исправление заблуждений).

С точки зрения его функции, познание не является копированием данностей окружающего мира или их репрезентацией в системе. Напротив, его результат состоит в производстве избыточностей, которые избавляют систему от повторной переработки информации⁷. Избыточности маркируются как знание, фиксируется их распознаваемый характер, а затем они используются "экономически", то есть для концентрации на проверке всевозможной новой информации, а также для ее ускорения. Так, познание может помочь системе *временно* настроиться на какие-то состояния, что в изменяющемся мире дает значимые

Предисловие: Общество общества 133

преимущества. Однако именно эта специализация исключает то, что познание могло бы гарантировать и структурную приспособленность системы к миру.

Лишь коммуникация служит базовой операцией для образования социальных систем, тогда как организмы обеспечивают, в первую очередь, протекание метаболических процессов воспроизводства жизни - они должны уже быть приспособленными на этом уровне, прежде чем, интегрировавшись в него и будучи им обусловленными, смогут развить специфические познавательные способности. И если организмы могут реагировать лишь на раздражения своих внешних

поверхностей, как бы потом эта раздражимость не интерпретировалась внутренне, то системы коммуникации усиливают свою раздражимость тем, что свои пространственные границы замещают смысловыми различиями. Коммуникация неизменно требует самонаблюдения операций, что входит в состав операционной необходимости, а именно, возможности различать между информацией и сообщением; и, собственно, этим различием она и выделяет некоторую область, а именно - информацию, к которой может подсоединяться познание. И здесь важно то, что базовая операция не *является* познанием. Но, все-таки, она гарантирует, что познание всегда ее сопровождает и может быть структурировано. Различение между сообщением и информацией и соотнесенность с пониманием раскрывают то, что и коммуникация - *как операция* - должна протекать, являясь приспособленной к окружающему миру, но не имея возможности когнитивно контролировать эту зависимость. Никакой процесс коммуникации не способен шаг за шагом контролировать (то есть *коммуникативно* выражать) то, живы ли еще ее участники, достаточно ли воздуха для передачи звуков или функционирует ли еще электроника аппаратуры. Эффективность такого эволюционного достижения, как коммуникация, была бы полностью парализована подобными требованиями, и в случае необходимости их выполнения коммуникативные системы вообще бы даже и не возникли⁸. Последовательность коммуникативных операций должна, другими словами, предполагать, будто то, что по отношению к ней оказывается окружающим ми-

134 Никлас Луман

ром, делает возможным и допускает способ ее операций. Тогда все еще должна сохраняться возможность того, чтобы выход системы из строя или помехи, если они имеют место, рассматривались как события и перерабатывались бы в форме направленной на это коммуникации.

Лишь таким образом коммуникация может концентрироваться на самой себе. Лишь таким образом она может осуществлять свои операции. Лишь таким образом она может оцифровывать информацию, которую она порождает (а вовсе не заимствует из окружающего мира). Лишь таким образом она может непрерывно проверять способность подсоединения (понятность и, в некоторых случаях, способность достигать согласия) своих операций. Лишь таким образом коммуникация оказывается в состоянии порождать гигантские объемы информации, распределять ее в комплексных системах и перерабатывать как в последовательной, так и в параллельной форме. И, прежде всего, лишь таким образом она может непрерывно пересекать внутреннюю границу ее собственного различения и рассматривать сообщение информации как информацию о сообщенном или о сообщаемом или же, наоборот, исходя из информации о типе или о мотивах сообщения заключать о качестве информации.

Коммуникация не нуждается для своего продолжения в каких-либо гарантиях соответствия окружающему миру. *Вместо этого* она использует познание. Ведь окружающий мир не содержит ни "информаций", ни "тем". Он также не содержит и никаких эквивалентов для форм, с помощью которых функционирует коммуникация. То, что заступает на место такого рода гарантий соответствия, есть всего лишь временное отнесение коммуникации: оно заключено в том, что коммуникация состоит из операций (событий), которые после их появления тотчас же снова исчезают; в том, что она, следовательно, толкает вперед себя неопределенное будущее; в том, что она способна вновь подтверждать или изменять все само-образованные структуры (включая структуры знания); в том, что она всегда оперирует рекурсивно, то есть подсоединяется к себе самой, но именно поэтому может также подвергаться рефлексии и коррекции и себя саму.

Из этого анализа для теории общества вытекают весьма зна-

Предисловие: Общество общества 135

чимые следствия. Общество, продолжая свои собственные операции, должно предполагать их приспособленность к окружающему миру, которую оно, однако, не в состоянии когнитивно контролировать. Оно может распознавать помехи и делать их темой дальнейшей коммуникации; однако даже и в этом она вновь вынуждена предполагать, что сохраняется возможность достижения одной коммуникации на основе другой, благодаря чему продолжается воспроизводство системы. Здесь принципиально ничего не может изменить и выстраивание

познавательных способностей в области знаковых систем (прежде всего, в языке) или в сфере обобщений (правила одно-ко-многому), в сфере техники распространения или в области тщательно отсортированной семантики, которая оставляет в своем распоряжении для повторного использования то, что доказало свою ценность. Не вносят принципиальных изменений и познавательные способности в сфере от-дифференциации функциональной системы науки, специализирующейся на когнитивных инновациях (научение) и специально высвобожденной для этого. Здесь непременно должны воспроизводиться и учитываться одни и те же глубинные предпосылки. Это, прежде всего, означает, что общество должно ориентироваться в мире, остающемся ему незнакомым. Это означает, что должны возникать специализированные на этом символические системы, в особенности, религия, но также и "формулы случайности" в отдельных функциональных системах. И это, в конечном счете, означает, что общество, рассматриваемое в потоке времени, не способно предвосхищать или планировать свое будущее. В своем морфогенезе и в своих радикальных структурных изменениях оно соотносено с эволюцией. Следует также считаться с тем, что выстраивание познавательных способностей, используемых всегда лишь самореференциально, не улучшает состояния приспособленности системы к окружающему миру, но всего лишь усиливает раздражимость системы, так что добавляются нагрузки, которые и вытекают как раз из этого текущего само-раздражения.

Если всякое познание должно опираться на операции, которые стали возможными еще до познания, то это влечет за собой широкие теоретико-познавательные следствия. Вопрос Канта

136 Никлас Луман

об условиях возможности познания сохраняется. Но теперь ответ гласит: таким условием является операционная замкнутость; и исследовательский интерес смещается, таким образом, от условий возможности к условиям кондиционирования в рамках все более комплексных связей⁹. Сохраняется и классическое представление, будто реальность обнаруживается в процессе оказания ею сопротивления познанию или волевым импульсам. Но это противодействие отныне заключено в самой системе: в сопротивлении операций системы операциям той же самой системы, то есть в противостоянии одной коммуникации другой коммуникации¹⁰. Мы не отбрасываем и то обстоятельство, что наука имеет дело с самопорожденными (и только поэтому -абсолютными!) достоверностями¹¹. Но если это признать, то придется принять и гораздо дальше идущую предпосылку, а именно, что наука имеет дело только лишь с самопорожденными достоверностями. Ибо достоверность есть некая форма, которую можно использовать лишь в том случае, если одновременно признавать и ее вторую сторону - недостоверность.

Итак, теория систем не утверждает, что достоверность познания имеет свой "fundmentum in re"ⁱ в системе (так сказать, как результат ее достижений), и что недостоверность следует локализовывать где-то вовне как чрезмерную комплексность или даже как мировой хаос. Напротив, она утверждает, что схема достоверное/недостоверное является собственным достижением познания, которое оно может использовать, пока функционирует его аутопойезис.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VII:

¹ Это сохранилось даже после усиления значения чувственного восприятия в современной эстетике, начинающейся с Александра Готтлиба Баумгартена (*Baumgarten, A. G. Aesthetica. Bd. 1. Frankfurt am Oder, 1750. ND: Hildesheim, 1970*) и сопровождающейся от-дифференциацией автономной системы искусства. См. подробнее об этом: *Luhmann, N. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1995, S. 13.*

² Ср.: *Woolgar, S. Reconstructing Man and Machine: ANote on Sociological Critiques of Cognitivism. In: Bijker, W. E., Hughes, Th. P., Pinch, T. J. (Ed.) The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History*

Предисловие: Общество общества 137

of Technology. Cambridge Mass., 1987, p. 311-328.

³ См. эту формулировку у Вулгара: *Woolgar, S. Reconstructing Man and Machine: A Note on Sociological Critiques of Cognitivism, p. 327.*

⁴ См.: *Moreno, A., Fernandez, J., Etxeberria, A. Computational Darwinism as a Basis for Cognition. In: Revue internationale de systémique, 6(1992), p. 205-221.*

⁵ См.: *Ashby, W. R.* Design for a Brain: The Origin of Adaptive Behaviour. London, ²1954; *Ashby, W. R.* An Introduction to Cybernetics. London, 1956; *Ashby, W. R.* Requisite Variety and its Implications for the Control of Complex Systems. In: *Cybernetica, I* (1958), p. 83-99; *Ashby, W. R.* Systems and their Informational Measures. In: *Klir, G. J.* (Ed.) Trends in General Systems Theory. New York, 1972, p. 78-97.

⁶ Это, конечно, предполагает понятие *познания*, требующее еще большей спецификации. Матурана избегает проблемы, чрезмерно обобщая понятие *познания*. Однако имеет смысл оставить открытым вопрос об эволюции специфически познавательных механизмов внутри систем.

⁷ Здесь мы поначалу отвлекаемся от общественно-исторических ограничений в понимании знания, чтобы получить в наше распоряжение всеобщее рамочное понятие. Ведь существуют также и общества, которые и "знание названий" рассматривают в качестве знания. Наше понятие включает как знание-мнение (*doxa, certitude morale*), так и достоверное, бесспорное знание, если только благодаря этому оно делает возможным и облегчает обращение с информацией.

⁸ Данный аргумент можно воспроизводить и применительно к системам сознания. Они тоже не способны контролировать свои нейрофизиологические условия и даже не могут их регистрировать. Нейронные процессы строго связаны с тем местом, где они протекают; однако сознание должно опускать всякую информацию об этом месте, должно, следовательно, де локализовать познание ради произведения того впечатления, будто бы оно может воспринимать нечто, находящееся "снаружи".

⁹ Это имеет место при включении кондиционирования кондиционирований. См.: *Ashby, W. R.* Principles of the Self-Organizing System. In: *Foerster, H. von, Zopf, G. W.* (Ed.) Principles of Self-Organization. New York, 1962, p. 255-278.

¹⁰ С помощью такого смещения позиций мы одновременно можем ответить и на вопрос, который даже не мог быть поставлен в традиции, а именно, на вопрос о реальности тех операций познания или воления, *которые оказываются объектами противодействия*. См. об этом: *Miermont, J.* Réalité et construction des connaissances. In : *Revue internationale de systématique*, 9 (1995), p. 251-268, особенно p. 262-263.

¹¹ Речь идет о констатации, которой Анри Пуанкаре в начале двадцатого столетия смог шокировать научное сообщество. См. : *Poincaré, H.* La Science et l'Hypothèse. Paris, 1929, p. 133.

ⁱ "Вещное основание" (лат).

VIII. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Классическая социология рассматривала социальные системы (социальные факты, социальные отношения, социальные порядки - как бы все это ни называлось) в качестве особого рода предметов. То, что для общества является окружающим миром, в социологии считалось предметом других дисциплин, компетентность которых следовало уважать. Поэтому все более интенсивная тематизация экологических проблем в последние десятилетия оказалась для социологии полной неожиданностью, к которой она не была подготовлена; в этом отношении она до сих пор пребывает в состоянии теоретической беспомощности. По этой причине социологи могли лишь в привычной критической манере сожалеть, что современное общество столь безрассудно обращается со своим окружающим миром. Однако высказывания на эту тему в лучшем случае принимали литературный вид и политически поддерживали экологические движения, которые успешно и по праву требуют уделять данной проблеме всеобщее внимание.

Принципиально иные теоретические основания обнаруживаются, если форму системы понимать как форму дифференции системы и окружающего мира, как это и требовалось выше. Правда, поначалу можно наблюдать одну лишь путаницу. Средства массовой информации смешивают слова *экология* (*ecology*) и *окружающий мир* (*environment*)¹, и повседневный язык перенял это смешение, выражая, тем самым, беспомощность и раздражение, что не способствует прояснению понятий.

Экологию сегодня уже не понимают в буквальном смысле слова, то есть как домовое устройство мира, хотя в неявной форме это возделенное понятие и продолжает господствовать в дискуссии. С другой стороны, едва лишь можно было бы полагать, что проблемой стали совокупные физико-химико-биологические связи мира. Потребность в таком ограничении понятия экологии объясняется тем, что экологические связи вызывают интерес лишь в том случае, если они воздействуют на общество как его окружающий мир, - безразлично, вызваны

VIII. Экологические проблемы 139

ли его изменения воздействиями со стороны общества, или же последние

осуществляют обратное влияние на общество. Но если мы хотим выяснить, что же, исходя из данного пункта, рассматривается как окружающий мир, то в первую очередь нам необходимо понятие *общества*. Лишь так всякая последующая доработка теории такого дизайна могла бы прямо или косвенно способствовать пониманию столь очевидных экологических проблем, которые, однако, и прежде всегда сопровождали эволюцию общества, драматически обострившись в предпоследнем столетии.

Поэтому социология отвечает за определенную системную референцию, за систему общества и *ее* окружающий мир. Она уже не может ограничиваться внутрисоциальной перспективой. Ее темой является общество, но и все остальное, если оно, с точки зрения общества, является его окружающим миром. Основополагающий системно-теоретический выбор привлекает внимание общества к сохранению этой дифференции системы и окружающего мира.

Понятийная конфигурация операционной замкнутости, самоорганизации и аутопойезиса приобретает в этой связи особое значение. Вспомним о том, что операционно замкнутая система не способна собственными операциями достичь окружающего мира. Познание не может гарантировать ее приспособления к окружающему миру. Оно может оперировать лишь в системе, оно не способно оперировать частично внутри, частично снаружи. Все структуры и все состояния системы, которые функционируют как условия возможности дальнейших операций, произведены собственными операциями системы, а значит, порождены изнутри.

Это требует от нас различать между операцией и каузальностью (не отрицая, тем самым, каузальность системных операций). Операции - и именно это утверждают такие классические понятия, как "poiesis" или производство, - всегда контролируют и варьируют лишь некоторую часть причин, необходимых для воспроизводства системы. Здесь непременно соучаствует и окружающий мир. Кроме того, для констатации каузальных связей всегда требуется специфическая активность наблю-

140 Никлас Луман

дателя. Определенные причины должны приписываться определенным действиям, причем отбор осуществляется из бесконечного количества других каузальных факторов. Поэтому, в зависимости от интереса к каузальной атрибуции, это упорядочение всякий раз может осуществляться весьма различно. В правовых, экономических и, начиная с последних десятилетий, также и в социально-психологических исследованиях атрибуции это стало настолько обычным, что уже не требует никаких дальнейших аргументов. Для того, чтобы выяснить, какие каузальные связи принимаются (отбираются), нужно, следовательно, наблюдать наблюдателя, что позволяет понять: каждое приписывание является случайным (что вовсе не означает, будто оно может принимать вид произвольности или чистой фиктивности).

Итак, не подлежит никакому сомнению, что операции системы каузально зависят от условий окружающего мира, которые либо опосредуются структурными сопряжениями, либо в своем воздействии являются деструктивными. Не оспаривается так же и то, что операции системы каузально изменяют состояния окружающего мира. Иными словами, границы системы ни в одном из направлений не блокируют каузальность. Коммуникация заставляет колебаться воздух и изменяет цвет бумаги, меняет электромагнитные состояния соответствующих аппаратов и состояния задействованных систем сознания. Это влияет на ее соответствующие медиумы, что переводит их из слабо сопряженных состояний во временные жесткие сопряжения. В этом нет никаких сомнений и от этого нельзя отказаться, одновременно не отказываясь и от самой коммуникации. Вопрос лишь в том, какое общественное значение имеет такая каузальность окружающего мира. Меняет ли она как-то (и в каких временных горизонтах?) условия отбора дальнейших операций в системе?

Очевидно, речь здесь идет о минимальных эффектах или дефектах, которые можно легко погасить, если их возмущающее воздействие привлекает к себе внимание. Для этого достаточно взять другой лист бумаги или обратиться к другому сознанию. Помехи нетрудно обсудить в системе коммуникаций

VIII. Экологические проблемы 141

общество. Его поглощающий потенциал, как правило, оказывается достаточным для этого. Во всяком случае, так в коммуникативных операциях оцениваются их собственные обусловленности. Может оказаться недостаточно материалов или мотивов при их чрезмерном расходовании; но тогда именно эта нехватка как раз и оказывается такой формой, которая в дальнейшем должна и может коммуникативно обсуждаться. Так что же, не имеется никаких чрезвычайных проблем?

Средствами предлагаемого теоретического подхода раскроем, в первую очередь, пробел в существующих объяснениях. Как, исходя из этих оснований, можно объяснить, что современное общество в своем окружающем мире сталкивается с особыми, обострившимися проблемами, хотя эволюция вот уже миллиарды лет порождала катастрофические обратные воздействия на себя саму, а системы общества в нашей истории никогда не имели возможности действительно контролировать экологические условия своего воспроизводства? Разве что-нибудь изменилось? Разве общество само себя изменило? Какие формы и какие переменные оказались измененными?

Имеет смысл предположить, что эти изменения связаны с формой системной общественной дифференциации и с вызванным ею возрастанием сложности². Поэтому мы вынуждены здесь предвосхитить рассмотрение темы, подробно разбираемой в четвертом разделе.

Функциональная дифференциация, прежде всего, указывает на операционную замкнутость в том числе и функциональных систем. Благодаря этому частные системы достигают такой продуктивности, которая не могла бы быть результатом осетвления в рамках всего общества (можно было бы даже сказать: на основе одного лишь языка). Частные системы становятся *универсально* компетентными по отношению к своим *специфическим* функциям. Это приводит к чрезвычайному усилению способности разложения и комбинирования, как в отношении собственных операций, так и применительно к внутриобщественному и внешне-общественному окружающему миру функциональных систем. Кроме того, самостоятельное значение получает организация. Благодаря *включению/исключению*

142 Никлас Луман

- своеобразному механизму членства - поведение членов может получать в высшей степени специфическую регуляцию, а также оказываться в конкретной зависимости от этого механизма, то есть подвергаться воздействию коммуникации, причем относительно независимо от иных обязательств членов в окружающем мире той или иной системы организации, а значит, и независимо от других свойственных им ролей.

Эти структурные изменения никак не меняют принцип операционной замкнутости. Напротив, они выстраиваются, опираясь на данный принцип, и воспроизводят этот механизм вместе с аутопойезисом функциональных систем во Внутренней системе общества. Однако каузальные поверхности в контакте между коммуникацией и не-коммуникацией, то есть в соприкосновении системы общества с ее окружающим миром, трансформируются, а значит, благодаря коммуникации изменяются процессы наблюдения и тематизации каузальностей. Их можно формулировать с гораздо большей остротой резкости, но именно поэтому, с момента возникновения науки, - и с гораздо большей неопределенностью. Можно вычислять и, ориентируясь на опыт, контролировать то, какие типы и объемы продукции могут окупаться с учетом определенной поглощающей способности рынка, а затем предоставить возможность рынку, то есть внутриобщественному фактору, определять то, какое сырье будет изыматься из общественного окружающего мира, а какие отходы будут ему возвращены. Перевод этой коммуникации в каузальности, воздействующие на окружающий мир, в значительном объеме осуществляется благодаря организациям, но в то же время, разумеется, и благодаря предложению, получающему зримые формы в потребительских соблазнах.

Но именно благодаря тому, что функциональные системы порождают эти эффекты, не подвергаясь контролю и ограничениям со стороны общества в целом, чрезвычайно трудно компенсировать результаты их воздействий. Сказывается

недостаток интеграции и управляемости, а также отсутствие возможностей выразить в общественной форме порядок самого общества (пусть даже исключительно нормативно) посредством морали умеренности или же с помощью идеи "потребления, соот-

VIII. Экологические проблемы 143

ветствующего социальному положению". Если учитывать каузальности и обсуждать их в коммуникации, то открывается больше возможностей, а значит, больше возможностей выбора, но благодаря этому, в то же время, возникает и комплексность, не поддающаяся прогнозированию. Можно лишь экспериментировать, причем в сфере мнимо контролируемых технологий³.

Отсюда напрашиваются два вывода. Во-первых, теория систем должна отказаться от одной из своих любимых идей - от того, чтобы из каузальных отношений между системой и окружающим миром заключать о приспособлении системы к ее окружающему миру. И эволюционная теория действительно должна отказаться от этой идеи. В силу операционной замкнутости системы сами порождают свои степени свободы, которые они могут использовать, пока это возможно, то есть до тех пор, пока это терпит окружающий мир. Для этого годятся лишь некоторые, достаточно восприимчивые к новым структурам, формы аутопойезиса - в первую очередь, конечно же, крайне устойчивые биохимические формы жизни. По всему, что мы видим, совокупный эффект состоит не в приспособлении, а в усилении отклоняющихся форм.

И во-вторых, в современном обществе, исходя из указанных причин, вырастает как потенциал угрозы общества самому себе, так и способность его возвратного действия. Кажется, что воздействия на окружающий мир, произведенные ненамеренно или, во всяком случае, не целевым образом, увеличиваются взрывообразно, так что всякое представление о том, что их можно вписать в экономическую бухгалтерию в виде "издержек", оказывается иллюзорным ввиду объема и временного горизонта проблемы (а значит, и ввиду коммуникативного незнания). Распространенную склонность призывать в этой ситуации к "ответственности" можно рассматривать лишь как жест отчаяния. Но, вместе с тем, нужно учитывать и возрастающие степени свободы в реакциях на достаточно однозначные ситуации. Даже нормативные структуры являются случайными, то есть допускающими изменения при отказе от всякого обращения к "естественному" порядку. Таковым, прежде всего, является позитивное право. В рамках экономики коммуникация по поводу

144 Никлас Луман

экологических проблем порождает не только расходы, но и рынки. Но, в первую очередь, механизм организации допускает невероятную спецификацию человеческого поведения согласно правилам, меняющимся по мере надобности. С этой точки зрения, организация, подобно деньгам, является общественным медиумом для тех или иных форм, получающих лишь временную определенность. С другой стороны, возможности использования организаций ограничены условиями воспроизводства функциональных систем. Жалованье должно оставаться привлекательным и непременно выплачиваться, а это не может осуществляться без эффективной экономической системы, которая, со своей стороны, перегружает окружающий мир. В соответствии с этим, плохая приспособленность к окружающему миру не является необычным явлением⁴. Это теоретически объясняется при помощи тезиса, согласно которому операционно замкнутые системы способны ориентироваться лишь внутри себя и лишь на внутренние проблемы. Напротив, необычным и требующим объяснения является тот масштаб, с которым именно эта проблема занимает коммуникацию в нынешней системе общества.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. VIII:

¹ См. свидетельства тому в американских публикациях: *Luke, T.W.* On Environmentally: Geo-Power and Eco-Knowledge in the Discourses of Contemporary Environmentalism. In: *Cultural Critique*, 31 (1995), p. 57-81.

² См. более подробно об этом: *Luhmann, N.* *Ökologische Kommunikation: Kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefährdungen einstellen?* Opladen, 1986.

³ См. об этом: *Krohn, W., Weyer, J.* *Die Gesellschaft als Labor: Risikotransformation durch moderne Forschung.* In: *Halfmann, I, Japp, K. P.* (Hrsg.) *Risikante Entscheidungen und Katastrophenpotentiale: Elemente einer soziologischen Risikoforschung.* Opladen, 1990, S. 89-

112.

⁴ См. об этом применительно к более старым общественным формациям также: *Rappaport, R. A. Ecology, Meaning, and Religion*. Richmond Cal., 1979, p. 145-173.

IX. КОМПЛЕКСНОСТЬ

Перечисленные выше признаки, а именно смысл, само-референция, аутопойетическое воспроизводство и операционная закрытость вместе с монополизацией собственного типа операций, т.е. коммуникации, выражаются в том, что система общества выстраивает свою собственную *структурную комплексность* и организует благодаря этому собственный аутопойезис¹. В этой связи часто говорят и об "эмерджентных" порядках, желая тем самым указать на возникновение феноменов, которые не могут восходить к свойствам их компонентов, к примеру, к интенциям действующих лиц. Но "эмерджентность" является, скорее, компонентой некоего рассказа, нежели понятием, которое могло бы использоваться для объяснения самого феномена эмерджентности². Поэтому мы довольствуемся представлением о том, что от-дифференциация некоторой системы и выхолащивание ее отнесений к окружающему миру является предпосылкой того, чтобы для охраны границ системы выстраивалась собственная системная комплексность.

Уже довольно давно организованная (структурная) комплексность как раньше, так и сейчас являет собой место пересечения теоретических и методологических подходов³. Гельмут Вильке⁴ полагает, что комплексность образует центральную проблему теории систем, причем именно такую проблему, разработка которой в процессах самоорганизации, контроля и управления современного общества вызывает все большую озабоченность. Мы обсудим многочисленные частные аспекты этого феномена, к примеру, *дифференциацию систем* (книга четвертая), *дифференцию медиум/форма* или такие процессы удвоения, как *кодирования и различения Ego/Alter* (главным образом, во второй книге), однако именно здесь мы должны предпослать этому некоторые общие разъяснения.

Исходное основание состоит в том, что операционная замкнутость связана с эволюционной тенденцией к выстраиванию собственной комплексности (с комплексностью системы). Если

146 Никлас Луман

система достаточно жестко изолирует себя от окружающего мира, если она отказывается от того, чтобы развивать собственные соответствия с возможно большим числом (желательно со всеми) состояниями окружающего мира, то только тогда она обретает способность отличать себя от окружающего мира благодаря собственной внутренней упорядоченности в сопряжении элементов. Лишь осуществляющееся на этой базе производство собственных элементов собственными элементами (аутопойезис) и может приводить к выстраиванию собственной комплексности. То, в каком объеме это происходит, то, где это развитие останавливается и то, насколько жизнеспособными в высококомплексном окружающем мире оказываются также и относительно простые системы (то есть способны ли они продолжать свой аутопойезис), - все эти вопросы рассматриваются в теории эволюции. В данный же момент речь идет лишь о том, чтобы констатировать связь между операционной закрытостью и условиями возможности выстраивания собственной комплексности. Именно эта связь определяет "направление" эволюции.

Но что же такое комплексность? Что обозначается этим понятием?⁵ Комплексность не является операцией, а следовательно, не есть нечто такое, что осуществляет система или что в ней происходит. Комплексность - это понятие наблюдения и описания (включая самонаблюдение и самоописание). Итак, мы должны спросить, что является формой этого понятия, какое различие его конституирует? Уже этот вопрос разветвляется каскадом примыкающих идей, ибо понятие *комплексности*, в свою очередь, является не простым, а комплексным, и следовательно, образуется автологически.

Часто утверждают, что система является комплексной относительно наблюдателя в том случае, если она не является ни абсолютно упорядоченной, ни абсолютно неупорядоченной, а представляет собой некое смешение избыточности

и вариативности. Прежде всего, это относится к системам с самопорожденной неопределенностью. Но гораздо глубже метит вопрос о том, почему вообще какое-либо многообразное положение дел должно быть охвачено некоторым понятием, предполагающим

IX. Комплексность 147

его единство. Тогда конституирующее комплексность различие принимает форму *парадокса*: комплексность есть *единство некоторого множества*. Так, некоторое положение *дел* получает выражение в двух различных редакциях: как единство и как множество, и данное понятие отрицает, что речь при этом идет о чем-то различном. Тем самым, блокирован легкий выход - возможность утверждать о комплексности то как о единстве, то как о множестве. Однако это ведет лишь к дальнейшему вопрошанию о том, *как* же может осуществляться "креативное" преобразование этой парадоксальности, *как* она может "разворачиваться".

Обычное объяснение разлагает комплексность с помощью понятий *элемента* и *отношения*, то есть с помощью дальнейшего различения. Некоторое единство является тем более комплексным, чем более в нем элементов и чем более в нем отношений, которыми оно их связывает. Такой подход требует не только подсчета элементов, но и учета качественных различий, а также допущения временного измерения и различений по порядку следования, а значит, допущения и нестабильных элементов. Такие подходы делают данное понятие комплексности более комплексным и более реалистичным; но, вместе с тем, оно приобретает многомерность, так что возможность сравнивать комплексность по значениям возрастания или убывания оказывается утерянной. (Является ли мозг более комплексным, нежели общество, поскольку в мозге наличествует больше нервных клеток, чем в обществе - людей?)

Для целей теории общества более важным оказывается другое различие. Оно предполагает различие элемента и отношения, но при этом особенно подчеркивает, что при увеличении числа элементов, то есть при разрастании системы, число возможных отношений между элементами возрастает в геометрической прогрессии. Поскольку реальная присоединительная способность элементов имеет жесткие границы, то уже при весьма незначительных порядковых величинах этот математический закон требует исключительно высокоизбирательного сопряжения элементов. С этой точки зрения, "форма" комплексности представляет собой границу тех порядков, в которых еще со-

148 Никлас Луман

храняется возможность постоянно связывать между собой любой элемент с любым другим элементом. Все, что выходит за эти рамки, основывается на отборе и тем самым порождает случайные (возможные также и по-другому) состояния. Всякий распознаваемый порядок покоится на комплексности, которая дает возможность увидеть, что возможным было и нечто другое⁶.

Если с целью создания теории общества мы исходим из отдельной коммуникации как его элемента, то очевидной становится крайняя ограниченность присоединительной способности: какое-то предложение может соотноситься лишь с небольшим количеством других предложений⁷. Те невероятности, которые могут обнаруживаться в математических абстракциях, дополняет и то, что эволюционно продвинувшиеся системы должны радикально ограничивать присоединительную способность своих элементов, а следовательно, вынуждены изобретать что-то такое, что могло бы компенсировать ущерб, связанный с этой утратой реляционности. Ведь очевидно, что эволюция не останавливает рост систем на каком-то пороге, начиная с которого уже невозможно связывать всякий элемент с любым другим элементом во всякое время, а также контролировать всякое внешнее возмущение в рамках всей системы⁸. Лишь подобный анализ подводит к проблеме, в рассмотрении которой развертывание парадокса комплексности оказывается плодотворным. Тогда решающую роль играет различие между системами с полноценным и системами только с избирательным сопряжением их элементов. И здесь более чем очевидно, что реальные системы эволюционирующего мира следует искать на последней стороне этого различия. Итак, говоря коротко, *форма* комплексности представляет собой *необходимость выдерживания исключительно избирательного подсоединения элементов* или, другими словами, избирательную организацию аутопойезиса системы.

В качестве инструмента наблюдения и описания понятие *комплексности* может применяться ко всем возможным положениям дел, поскольку только наблюдатель способен различать элементы и отношения в том положении дел, которое он обо-

IX. Комплексность 149

значает как комплексное. Речь не должна идти только о системах, ведь и мир является комплексным. Это понятие также не требует и того, чтобы комплексное положение дел являлось таковым лишь в каком-то одном аспекте. Могут существовать различные описания комплексности - в зависимости от того, каким образом наблюдатель разлагает единство некоторого множества на элементы и отношения. Наконец, и система способна описывать саму себя в качестве комплексной различными способами⁹. Это проистекает уже из парадоксального строения самого этого понятия, а также из того, что наблюдатель способен описывать описания комплексности, осуществляемые некоторым другим наблюдателем, в результате чего могут возникать сверхкомплексные системы, содержащие в себе плюралистические описания комплексности. Должно быть ясно и то, что и сверхкомплексность является автологическим понятием. Лишь развивая формальную понятийность именно таким образом, можно постичь, что (и почему) теория общества нуждается в понятии *комплексности*.

Наконец, следует обратить внимание на то более новое развитие в понятии комплексности, которое, если его тематически ограничивать областью систем, категорически настаивает на неизбежной непрозрачности последних. Здесь речь идет о том образе действий, благодаря которому учитывается время. Уже классическая теория комплексных систем рассматривала время как измерение, а комплексность, помимо прочего, описывала его как различность состояний системы в их следовании друг за другом. Мы выходим за данные рамки, если сами эти требующие сопряжения элементы понимаем как единицы, соотнесенные с моментами времени, как события, либо операции¹⁰. Соответственно, теория комплексности требует рекурсивных операций, то есть ретроспективных и предвосхищающих обращений к соответствующим другим, не актуальным операциям в самой системе. Поэтому уже не достаточно изображать развитие системы в виде древа решений или каскада, но рекурсия сама становится формой, в которой система делает возможным проведение границ и образование структур¹¹. По этой причине обращение с комплексностью ныне гораздо чаще описывается

150 Никлас Луман

как *стратегия* без устойчивого начала и жестко фиксированной цели¹². Это не в последнюю очередь означает и то, что все свои собственные операции система запускает, ориентируясь на то или иное собственное историческое состояние, а значит, в тот или иной момент оперирует уникально, а все повторения должна искусственно встраивать в свой собственный тип операций¹³. Сюда же могут встраиваться определенные избыточности, которые помогают системе ориентироваться в самой себе. Это, однако, ничего не меняет в принципе: в соотнесенности с моментами времени и в непредсказуемости того, что может продуцироваться в качестве операции¹⁴. Такое положение дел, не в последнюю очередь, означает и то, что коммуникация может постигать себя исключительно ретроспективно¹⁵, но при этом она наблюдает в том числе и то, что существует будущее, относительно которого еще нужно будет принимать решения. Комплексность, если ее разложить во временном измерении, представляется не только в виде временной последовательности различных состояний, но и, кроме того, в виде одновременности уже установившихся и еще не установившихся состояний.

Очевидно, общество является предельным случаем в предметной области, охватываемой понятием комплексности. Предельным оно оказывается не в силу того, что оно более комплексно, нежели другие системы (скажем, мозг), а в силу того, что тип его элементарных операций, а именно коммуникаций, накладывает на общество существенные ограничения. Поэтому поначалу удивляет то обстоятельство, что (и как) всего один лишь тип операций такого рода вообще может порождать высококомплексные системы. Ведь коммуникации выстраиваются в крайне узкую линию, а возможность подсоединения зависит от их эпизодирования. Соответственно высокой является их потребность во времени, а значит, и вероятность их распада. Нас всегда будут интересовать структурные

последствия этого исходного положения, то есть формы, которые удостоверяют сами себя - прежде всего, в связи с такими средствами распространения, как письменность и книгопечатание, а также в связи с проблемами осетевления и способности разветвления,

IX. Комплексность 15 1

равно как и с преимуществами системной дифференциации. В данный момент мы рассматриваем лишь всеобщую форму, которая получила развитие, поскольку система общества должна оперировать в рамках этих ограничений, а в противном случае она не может эволюционировать. Мы видим два тесно связанных друг с другом способа решения данной проблемы, а именно: (1) очень высокую степень само-референции операций и (2) репрезентацию комплексности в форме смысла.

Рекурсивность аутопойезиса общества не организуется ни каузальными эффектами (*input* как *output*), ни в форме следствий математических операций, она формируется рефлексивно, то есть применением коммуникации к коммуникации¹⁶. Любая коммуникация подвергает саму себя ретроспективному опросу, сомнению, выдвигает предположение или отклоняет его, *и превосхищает это. Любая коммуникация!* Исключений не существует. Если бы какая-то коммуникация попыталась уклониться от этой формы рефлексивной рекурсивности, она бы не имела коммуникативного успеха, ее невозможно было бы распознать в качестве коммуникации. Исходя из такого ответа на проблему комплексности вытекает неустранимая *незавершенность* коммуникации. Не существует никакого последнего слова. (Правда, имеется возможность заткнуть людям рот). Это означает и то, что изображение комплексности системы и ее окружающего мира в системе может оставаться открытым - как феномен, требующий все более глубокого прояснения¹⁷. А это означает и то, что коммуникация должна притязать на авторитетность - в смысле способности уметь сказать, разъяснить и обосновывать больше, чем представляется целесообразным в данный момент.

С этим рефлексивным решением проблемы эпизодической рекурсивности сходится (и здесь можно говорить о ко-эволюции) важнейшее эволюционное достижение, которое вообще только и делает возможным общественную коммуникацию, а именно, репрезентация комплексности в форме смысла.

Форма и в этом случае означает различие двух сторон. Две стороны формы смысла мы уже обрисовали выше (глава третья). Ими являются *действительность* и *возможность*; или в

152 Никлас Луман

формулировке, заранее указывающей на их операционное применение: *актуальность* и *потенциальность*. Именно это различие делает возможным репрезентацию избирательного давления комплексности (ее одну сторону, тогда как другая ее сторона оказывалась бы абсолютной реляционизацией элементов) в системах, процессы которых организуются смыслом. Всякая актуализация смысла потенциализирует другие возможности¹⁸. Того, кто переживает нечто определенное, данная определенность отсылает к чему-то другому, что он, в свою очередь, может актуализировать или, опять же, оставить в состоянии чистой потенциальности. Благодаря этому селективность (или, на языке теории модальностей, контингентность) всех операций становится неумолимой необходимостью: необходимостью такой формы аутопойезиса.

Благодаря этому в каждое мгновение презентуется весь мир, но не в виде "plenitudo entis"¹, а как дифференция актуализированного смысла и предоставляемых им возможностей. Мир всегда представлен *одновременно, и в то же время* он является формой, в которой эта презентация осуществляется механизмами эпизодически последовательной переработки. И все другие формы, способные управлять наблюдением и описанием в подобных системах, задействованы в этой форме смысла; ведь, как было показано выше, они предполагают двустороннюю форму, в которой обе стороны даны одновременно, однако, как мы теперь уже можем утверждать, одна сторона представлена в актуализированной модальности, а другая - в модальности потенциальной. Чтобы от одной стороны формы перейти к другой (чтобы пересечь границу), требуется время, поскольку оно всегда необходимо для актуализации потенциального.

Как во всех различениях вообще, так и в контексте смыслополагающего различения актуальности и потенциальности, повторение одной операции

производит двойной эффект. С одной стороны, оно создает и сгущает тождество: повторение распознается как повторение одного и того же, и отныне им можно распоряжаться как знанием. С другой стороны, это происходит и в несколько ином контексте (по меньшей мере, позднее во

IX. Комплексность 153

времени)¹⁹. При этом происходит обогащение смысла, поскольку он оказывается пригодным для применения в различных ситуациях. В результате смысл обретает избыток отнесенных и, в строгом смысле слова, становится неопределяемым. Можно придумывать лишь новые обозначения (слова, имена, "определения") для обеспечения его дальнейшего операционного использования. В конечном счете, всякий смысл обозначает мир, а это делает неизбежным порождение таких операций, как отбор.

Если вслед за Кеннетом Берком или Джеромом Бранером²⁰ речь заходит о "редукции комплексности", то под ней не следует подразумевать своего рода аннигиляцию²¹. Речь идет лишь об оперировании в контексте комплексности, а именно, о постоянных переходах актуального и потенциального. И можно предположить, что даже на более комплексном уровне производятся комплексные описания (скажем, системы и ее окружающего мира), которые не отвечают комплексности их предмета, но приводят его к упрощенной форме некоторой модели, некоторого текста, географической карты.

Для научного рассмотрения темы комплексности из всего этого вытекает недостаточность идеализации или упрощающего моделирования. Такие методы привели бы к неправильному пониманию комплексности как усложнения. Столь же неудовлетворительны и классические антропоморфизмы, которые опираются на гипотезы о "человеке" и, соответственно, истолковывают смысл "субъективно". Однако остается возможность замены этих подходов методикой наблюдения второго порядка. Тем самым мы отказываемся от идеи сделать комплексность прозрачной и однозначно понятной (интеллигибельной); но оставляем открытой возможность спросить: а *как* она наблюдается? Затем первый вопрос будет таков: кто тот наблюдатель, которого мы наблюдаем? (Без наблюдения не существует никакой комплексности.) Наблюдатель получает определение благодаря схеме, которую он кладет в основу своих наблюдений, то есть благодаря различениям, которые он использует. Итак, в понятии наблюдателя синтезируются традиционные представления о субъекте и об идеях (или о понятиях). И автология, которая лежит в основе методики наблюдения второго порядка, а

154 Никлас Луман

именно понимание того, что и само оно является лишь наблюдением, гарантирует познавательную замкнутость этого обращения с комплексностью. К внешним же гарантиям нет возможности обратиться, да это и не является необходимым.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. IX:

¹ Еще раз укажем на то, что понятие *процесса организации* употребляется здесь в ином смысле, нежели у Матураны, а именно в смысле порождения упорядоченных (способных к соединению) отборов. См.: *Weich, K. E. Der Prozess des Organisierens. Frankfurt am Main, 1985.*

² См. обзор попыток его уточнения: *Bonabeau, E., Dessales, J.-L., Grumbach, A. Characterizing Emergent Phenomena I, II. In: Revue internationale de systemique, 9(1995), p. 327-346, 347-371.*

³ См., например: *Fararo, Th. J. The Meaning of General Theoretical Sociology: Tradition and Formalization. Cambridge Engl., 1989, p. 139.*

⁴ См.: *Willke, H. Systemtheorie entwickelter Gesellschaften: Dynamik und Riskanz moderner gesellschaftlicher Selbstorganisation. Weinheim, 1989, S. 10.*

⁵ В довольно обширной литературе рассматривается *перспективный* вопрос о том, как можно формально моделировать и измерить комплексность: скажем, если представить ее в виде потребности в информации, необходимой наблюдателю для полного описания системы. Мы пока отложим в сторону эти соображения, ибо еще не в достаточной степени прояснена их плодотворность для теории социальных систем.

⁶ См. подробнее об этом: *Luhmann, N. Haltlose Komplexität. In: Luhmann, N. Soziologische Aufklärung. Bd. 5. Opladen, 1990, S. 59-76.*

⁷ Если в качестве элементов общества рассматривать "людей", то проблема будет выражена менее явно, ибо человек способен контактировать со многими другими. Но мы вновь чувствуем остроту данной проблемы в том случае, если будем учитывать время, а также зададимся вопросом о том, с каким количеством других кто-либо может

контактировать в тот или иной данный момент.

⁸ См. об этой проблеме: *Ashby, W. R.* Design for a Brain. London, ² 1960, ND: 1978 (об ультрастабильных системах см. p. 80).

⁹ См., например: *Lofgren, L.* Complexity of Description of Systems: A Foundational Study. In : International Journal of General Systems, 3 (1977), p. 197-214.

¹⁰ Понятие операции в основе своей игнорирует классическое понятие комплексности, ибо оно снимает различие элемента и отношения, приводя его к одному понятию (операция = избирательная относительность как

IX. Комплексность 155

элементарная единица). Возможно, именно это явилось причиной того, почему о комплексности ныне говорят меньше, чем прежде. И все-таки теория систем сегодня не может обойтись без понятия комплексности, ведь она нуждается в нем для изображения отношения между системой и окружающим миром.

¹¹ Это нашло всестороннюю разработку в следующей работе: *Morin, E.* La Méthode. 4 Vol. 1977-1991. Сравните с работой того же автора: *Morin, E.* Complexity. In: International Social Journal, 26 (1974), p. 555-582.

¹² См., например: *Le Moigne, J.-L., Orillard, M.* L'intelligence stratégique de la complexité, "En attente de bricolage et de bricoleur". In: Revue internationale de systémique, 9 (1995), p. 101-104. Однако работы, опубликованные вслед за этой вступительной статьей, едва ли удовлетворяют заявленному притязанию.

¹³ Это - по меньшей мере, окольным путем - объясняет обозначившийся интерес нового типа к условиям возможности повторяемости. См. : *Deleuze, G.* Différence et Répétition, Paris 1968.

¹⁴ См. об этом также: *Atlan, H.* Entre de cristal et la fumée: Essai sur l'organisation du vivant. Paris 1979.

¹⁵ См. об этом: *Weick, K. E.* Der Prozess des Organisierens. Frankfurt am Main, 1985; *Weick, K. E.* Sensemaking in Organizations. Thousand Oaks Cal., 1985.

¹⁶ Впрочем, это одна из многих причин того, почему механистические (машинно-технические) и математически-вычислительные (сегодня также часто называемые "машинными") представления об обществе являются неполными.

¹⁷ Поэтому Анри Атлан имел некоторые основания предположить, что комплексность следует описывать посредством *H-функции* теории информации Шеннона, то есть как меру для информации, которой пока еще недостаточно для полного описания системы. См.: *Atlan, H.* Entre le cristal et la fumée. Paris, 1979; *Atlan, H.* Hierarchical Self-Organization in Living Systems: Noise and Meaning. In: *Zeleny, M.* (Ed.) Autopoiesis: A Theory of Living Organization. New York, 1981, p. 185-208.

¹⁸ Данный способ выражениямы обнаруживаем у Ива Барела: "... одна система актуализируется, другие, в свою очередь, потенциализируются" (*Barel, Y.* Le paradoxe et le système: Essai sur le fantastique social, p. 71). В феноменологии Гуссерля это обстоятельство формулируется с точки зрения трансцендентального сознания. Интенциональная активность сознания может идентифицировать некоторый предмет лишь как отнесение к дальнейшим возможностям переживания, лишь в горизонтах других возможностей.

¹⁹ Тот же самый двойной смысл Спенсер Браун выражает различием "сгущения" (Kondensation) и "подтверждения" (Konfirmation). Повторение некоторого выражение не приносит с собой ничего нового, но лишь кон-

156 Никлас Луман

денсирует его ($\neg\neg \rightarrow \neg$). Если читать в обратную сторону ($\neg \rightarrow \neg\neg$), то же самое уравнение можно понять как развертывание некоторой тавтологии. Спенсер Браун говорит о "подтверждении" (*Brown, G. S.* Laws of Form, p. 10). Мы же хотим сильнее подчеркнуть *различность* ситуаций повторения, которая возникает благодаря тому, что операции, рекурсивно подсоединяющиеся друг к другу, от-дифференцируют системы.

²⁰ См.: *Burke, K.* A Grammar of Motives. Cleveland 1962, p. 59 (глава "Scope and Reduktion"); *Brunner, J. S.* et al. A Study of Thinking. New York, 1956, p. 12.

²¹ Здесь мы осознанно выбираем понятие, противоположное понятию *творения*; ведь мы же не хотим исключить из рассмотрения то, что комплексность может подвергаться *отрицанию* и, соответственно, в этой форме негативности может потенциализироваться, то есть сохраняться для более поздней актуализации. Можно, конечно же, сказать, что нечто комплексное (к примеру, движения тела при плавании) является абсолютно простым; но именно это высказывание дает возможность другим оспорить его.

ⁱ "Полнота сущего" (лат.).

X. МИРОВОЕ ОБЩЕСТВО

Из определения общества как всеохватывающей социальной системы вытекает, что относительно всякой допускающей подсоединение коммуникации может существовать лишь одна единственная система общества. Чисто фактически могут существовать несколько систем общества - в том же смысле, в каком прежде говорили о множестве миров; однако если это так, то между данными обществами не должно существовать никакой коммуникативной связи, либо же, с точки зрения

отдельных обществ, эта коммуникация с другими оказывалась бы невозможной или оставалась бы без последствий.

В этом отношении наше понятие и продолжает, и прерывает староевропейскую традицию. Понятие включения всех иных социальных систем, а также такие признаки, как автаркия, самодостаточность, автономия, проистекают из этой традиции. Однако если приглядеться внимательнее, становится очевидным, что в традиции эти понятия мыслились в другом, отличном от нашего, контексте. Городские системы античности считались автаркическими в той мере, в какой они могли предложить человеку все необходимое для совершенства его образа жизни. Как позднее будут говорить в Италии, "civitas" должно быть в состоянии гарантировать эту "bene e virtuose vivere"ⁱ: не больше и не меньше. Начиная со средневековья¹ обсуждается то, в какой мере для этого требовались большие территории, или "régna"ⁱⁱ, - безразлично, создавались ли они ради обороны или в соответствии с традицией заключения браков в рамках эндогамно живущей аристократии. Однако при этом никогда не задумывались о том, что всякая коммуникация должна была осуществляться внутри этого "civitas sive societas civilis"ⁱⁱⁱ; и, что само собой разумеется, в староевропейской традиции не было представлений об экономической независимости и даже не существовало понятия хозяйства в его сегодняшнем смысле.

158 Никлас Луман

Соответственно, понятие о мире в этих обществах концептуализировалось в вещной форме, а вещи могли упорядочиваться по именам, видам и родам. Мир понимался как "aggregatio corporum"^{iv} или даже как великое видимое живое существо, содержащее в себе все остальные живые существа². Его наполняли смертные и бессмертные существа, люди и звери, города и страны, а в отдаленных землях (но именно при условии невозможности непосредственного коммуникативного контроля), по слухам, жили мифические существа и монстры, не соответствующие известным в обществе видам, и в своей странности словно бравшие на себя функцию местоблюстителей потустороннего. Этот мировой порядок предполагал, что по мере пространственного удаления возможности коммуникации резко ослабевают и становятся очень ненадежными. Правда, еще до возникновения "великих культур" существовали обширные торговые отношения, однако их коммуникативный эффект оставался невысоким. Технологии (к примеру, металлообработка) передавались далее от общества к обществу, но также была возможна и диффузия знаний - соразмерно потенциалу восприятия его получателей из вторых и третьих рук³. Зачастую технологии и формы знания получали свою зрелую форму лишь в процессе приспособления к условиям их восприятия (например, фонетическое письмо). И все-таки, в общем и целом эти процессы требовали очень длительного времени, и следствием этого, в конечном счете, явилась универсализация отдельных религий, а не представление о регионально неограниченном мировом обществе. Знание о более удаленных частях мира оставалось спорадичным, лично опосредованным и затем, очевидно, укреплялось и искажалось слухами - известиями об известиях. Прежде всего, как представляется, военные напасти (а вовсе не коммуникативные координации) приводили к тому, что мир, выведенный за пределы собственных границ коммуникаций, получил описание как многообразие народов⁴. И политические государственные образования, которые формировались в ходе роста возможностей коммуникации, вплоть до начала Нового времени сталкивались с проблемой того, *как* обеспечить господство над более значительной территорией из еди-

Х. Мировое общество]59

ного центра, то есть контролировать ее посредством коммуникации⁵. Из этого опыта проистекает, пожалуй, и рассмотренная выше тенденция отождествлять общества со сферами политического господства, а следовательно, определять их регионально.

Последний шанс на спасение понятия вещного мира давало понятие *Бога*. Проектировался как бы дубликат мира⁶ и, в то же время, индивидуальное лицо, наделенное функцией наблюдения второго порядка. Соответственно, в мире и ориентируясь на мир можно было попытаться наблюдать Бога, а именно - как наблюдателя мира. Это, правда, приводило к парадоксу "docta ignorantia"^v, знанию незнания, но его всегда можно было избежать, апеллируя к откровению; впрочем,

такое поглощение парадоксов делало возможным обращение к миру в его онтологически-логическом смысле в свободной от парадоксов форме как к доступному для конечного познания и действия, ограниченных и обремененных грехом.

До тех пор, пока мир понимался вещественно, как совокупность вещей или как творение, все, что оставалось загадочным, должно было предполагаться существующим в мире в качестве предмета для восхищения (*admiratio*): как чудо, как тайна, как мистерия, как повод для страха и ужаса или для беспомощной набожности⁷. Это отношение меняется, когда мир начинает постигаться всего лишь в виде горизонта, лишь как другая сторона всякой определенности. Данное понятие мира формируется, самое позднее, философией трансцендентального сознания⁸. В результате мистерия заменяется различием маркированное/ не-маркированное наблюдателями в повседневном использовании, при том что целостность маркированного не может суммироваться или даже быть уравненной с немаркированным. Мир современного общества есть "фоновая неопределенность" (*unmarked space*), которая делает возможным появление объектов и активность субъектов⁹. Но как же свершилась подобная смысловая трансформация? Как она может быть объяснена социологически?

Мы предполагаем, что для определения этого пути решающим стало окончательное открытие того, что земной шар является закрытой сферой смысловой коммуникации. Старые об-

160 Никлас Луман

щества были вынуждены учитывать границы, заданные самими вещами, но в то же время играли с наблюдениями и коммуникациями, которые могли переступить эти границы и тематизировать предметы восхищения (*admirabilia*) во всех смыслах этого слова. Эти условия постепенно менялись и, начиная с шестнадцатого столетия, наконец, стали необратимыми. С европейской позиции вся территория Земли оказалась "открыта", постепенно колонизирована или же вплетена в сеть регулярных коммуникативных отношений. Начиная со второй половины девятнадцатого столетия возникает и единое мировое время. Это означало, что в любом месте Земли, независимо от локального течения времени, стало возможно зафиксировать одновременность со всеми иными местами и осуществлять коммуникации без потери времени во всемирном масштабе. Подобно неизменности скорости света в физике, и мировое время в обществе гарантирует возможность переисчисления всех временных перспектив: если в каком-то месте нечто происходит раньше или позже, то и в другом месте оно происходит, соответственно, раньше или позже. С одинаковым темпом общество, как мы подробно покажем в четвертом разделе, переориентируется на дифференциацию в функциональных системах. Благодаря этому исчезает возможность определять единство системы общества территориальными границами или же различием его членов и не-членов (скажем, различием христиан и язычников)¹⁰. Ведь такие функциональные системы как экономика или наука, политика или воспитание, медицина или право выставляют собственные требования к соответствующим собственным границам, которые отныне уже не могут замыкаться в каком-то конкретном пространстве или вокруг какой-то группы людей.

Наконец, его последнюю нерушимую очевидность мировому обществу дают переориентация семантики времени на схему прошлое/будущее и, в рамках этой схемы, перемещение первичной ориентации от прошлого (тождества) к будущему (случайности). С точки зрения его происхождения и его традиции, мировое общество, как и прежде, производит отчетливое впечатление региональной дифференцированности. Если же задать-

X. Мировое общество 161

ся вопросом о будущем, то уже вряд ли кто-то стал бы оспаривать, что свою судьбу мировое общество должно формировать в себе самом - как в экологическом, так и в гуманистическом, как в хозяйственном, так и в техническом отношении. Дифференция функциональных систем интересна своими следствиями в отношении будущего. То, в чем все функциональные системы согласуются между собой, и то, в чем они не отличаются друг от друга, - все это является фактом коммуникативных операций". С абстрактной точки зрения, коммуникация - повторим эту парадоксальную формулировку - является собой дифференцию, которая

не производит в системе никакой дифференции. В качестве системы коммуникации общество отличает себя от своего окружающего мира, однако речь здесь идет о некоторой внешней, а не о внутренней границе. Для всех подсистем общества границы коммуникации (в отличие от не-коммуникации) являются внешними границами общества. В этом, и исключительно в этом, подсистемы согласованы друг с другом. К этой внешней границе может и должна подсоединяться всякая внутренняя дифференциация, учреждая для отдельных подсистем различные коды и программы. Осуществляя коммуникации, все подсистемы оказываются причастными обществу. Отличаясь в своих способах осуществления коммуникации, они отличаются и друг от друга.

Если исходить из коммуникации как из элементарной операции, воспроизводство которой конституирует общество, то в этом случае является очевидным, что в *каждой* коммуникации, причем абсолютно независимо от ее конкретной тематики и от пространственной дистанции между участниками, подразумевается мировое общество. При этом непременно предполагаются дальнейшие коммуникативные возможности и обязательно применяются символические средства, которые не могут быть привязаны к региональным границам¹². Это относится даже к тем условиям, о которых говорят применительно к территориальным границам¹³. Ведь по другую сторону всякой границы, в свою очередь, наличествуют страны с границами, которые, со своей стороны, имеют некоторую другую сторону. Это, естественно, "лишь" теоретический аргумент, который бы отпал в

162 Никлас Луман

случае использования какой-то другой понятийности. Но степень реальности такого "картографического сознания" все-таки весьма высока, ибо сегодня едва ли может получить успех коммуникация, в которой подвергают сомнению факт существования границ за границами. Мировое общество - это со-бытие мира в коммуникации.

Если отвлечься от минимальных неопределенностей (например, от сомнений в том, задумывалось ли воспринимаемое поведение как сообщение или нет), то границы системы общества совершенно четко и ясно определяются способом коммуникативных операций. Двойственности остаются возможными и специально поддерживаются (например, в формах риторических парадоксов, юмора или иронии), но способы их выражения практикуются в качестве таких способов, которые требуют выбора, ответственности и подвергаются встречным вопросам. Однозначность внешней границы (= различимости коммуникации и не-коммуникации) делает возможным оперативное замыкание системы мирового общества и порождает тем самым - уже недетерминируемую внешним миром - внутреннюю неопределенность открытых коммуникативных возможностей, которые могут быть приведены к какой-то форме лишь с помощью собственных средств, лишь через самоорганизацию. Кроме того, начиная с изобретения книгопечатания (и здесь речь идет поначалу только о постепенном и лишь потом - о необратимом развитии) возникает безмерное возрастание и уплотнение коммуникативной сети общества. Общество сегодня в принципе не зависит от демографического роста или уменьшения населения. В любом из этих случаев общественная система распоряжается потенциалом, достаточным для продолжения ее аутопойезиса на достигнутом уровне развития. И как только это замечают, переходят к описанию роста народонаселения не как блага, а как проблемы и чуть ли ни бича современности.

Наконец, все функциональные системы переориентировались в своих операциях на наблюдение второго порядка, на наблюдение наблюдателей, относящееся к тем или иным внутрисистемным перспективам различения системы и окружающего мира. Благодаря этому общество теряет возможность формиро-

X. Мировое общество 163

вать обязательную репрезентацию мира. Сопутствующее этому признание культурной различимости - для чего в конце восемнадцатого столетия было введено *рефлексивное* понятие культуры (подвергающее рефлексии культуру как культуру) - требует отказа от ориентирующегося на вещи понятия мира¹⁴. Оно заменяется понятием *ненаблюдаемого мира*. Все дело теперь сводится к тому, какой наблюдатель подвергается наблюдению, и в рекурсивной сети многократного

применения наблюдений в процессе наблюдения возникает лишь еще одно ненаблюдаемое единство: целостный мир как формула единства всех различий.

В дальнейшем новые технологии коммуникаций и, прежде всего, телевидение стали оказывать воздействия, которые едва ли можно переоценить. Они обесценивают, если так можно сказать, место, из которого ведется наблюдение над чем-то. То, что показывают по телевизору, происходит *где-то в другом месте* и, тем не менее, почти синхронно (во всяком случае, независимо от времени путешествия, которое бы понадобилось, чтобы достигнуть того места, где можно было бы непосредственно пережить все происходящее). Однако это обесценивание места события не вызывает никакого сомнения в реальности происходящего. Реальность получает чисто временное удостоверение: в требовании одновременности реального времени телевизионной съемки и события, причем несмотря на все трюки избирательного монтажа нескольких одновременно снятых материалов и несмотря на все запланированные временные дифференции между телесъемкой и вещанием. (Или, другими словами: нельзя снять ничего такого, что бы происходило до или после съемки.) Кроме того, можно предположить и то, что благодаря увеличению пространств возможного движения и возросшим скоростям произошла перестройка в переживании пространства: ориентацию на место сменила ориентация на движение. Тогда с этим согласуются и представления о мире как о рамках достижимости восприятия и коммуникации.

Это, в свою очередь, предполагает условие, которое, начиная с девятнадцатого столетия, обеспечивает возможность перерасчета любого локального времени, а именно уже упомянутое распределение территории Земли на временные зоны. При **164 Никлас Луман**

отказе от опоры на физические данности дневного и ночного времени это делает возможным исходить из синхронности всего, что происходит в мире, даже если одна и та же коммуникация в одном месте происходит днем, а в каком-другом месте - ночью. Из этого же вытекает и темпорализация дифференции присутствующего и отсутствующего. Можно принимать участие в одновременных событиях в масштабе всего Земного шара, а также посредством коммуникации порождать одновременность, даже если речь идет о том, что недоступно для интеракции и восприятия. В этом смысле отсутствующим в строгом смысле могут считаться лишь прошлое и будущее.

Вместе с этими структурными сдвигами меняется и понятие мира. В старом мире можно было спорить о том, является ли последний конечным или бесконечным, имел ли он начало и будет ли он иметь свое завершение, или нет. Эта контroversа была столь же неизбежной, сколь и неразрешимой, ибо невозможно мыслить границу, не примысливая при этом ее другой стороны¹⁵. Трансформация осуществляется не в этом измерении. Согласно нынешним представлениям, мир не являет собой ни прекрасного живого существа, ни "aggregatio corporum". Не является он и "universitas rerum", то есть совокупностью видимых и невидимых предметов, вещей и идей. Наконец, мир - это и не бесконечность, требующая своего заполнения, не абсолютное пространство и не абсолютное время. Он не есть сущность, которая все "содержит в себе" и тем самым все "держит". Все эти описания, равно как и многие другие, могут продуцироваться в рамках мира. Сам же мир - это лишь совокупный горизонт всякого смыслового переживания, которое может быть направлено как внутрь, так и вовне, может быть обращенным вперед или назад во временном измерении. Мир замыкается не границами, а посредством активируемого внутри него смысла. Мир должен постигаться не как агрегат, а как коррелят осуществляющихся в нем операций¹⁶. Мир - воспользуемся еще раз терминологией Джорджа Спенсера Брауна - это коррелят единства всякой формы; или то, что в виде "неразмеченного состояния" (unmarked state)¹⁷ рассекается каждой разметкой, пограничной линией формы, а после этого все еще может на-

X. Мировое общество 165

щупываться лишь относительно различия, то есть все еще лишь в движении из одной стороны в другую. Применительно к системно-теоретическому понятию мира это означает, что мир есть совокупность того, что для каждой системы является системой-и-миром.

Старый мир был полон необъяснимых "тайн", он даже и сам - как сущность вещей и божественная воля - являлся тайной, был сотворен не для познания (а если

да - то лишь в очень ограниченном аспекте), но, пожалуй, для изумленного восхищения им. Уже сам процесс наименования должен был считаться опасным, ибо оно открывало мир для коммуникации, и, соответственно, знание имен было сродни чуду, провоцирующему природу на то, чтобы выступить из себя самой. Это также соответствовало пространственной ограниченности понимания общества, в котором уже в нескольких метрах под землей или на вершинах самых высоких гор, или же по ту сторону морской линии горизонта могло начаться неизвестное и незнакомое. Современный мир уже не чтят как тайну, перед нею не испытывают ужаса. Именно в этом смысле мир перестал быть священным. Он, однако же, остается столь же недоступным, ибо, хотя он и достижим в операциях (скажем, принципиально допускается его исследование), однако каждая операция знакомства и коммуникации, все-таки, остается недостижимой для нее самой. В мире может осуществляться наблюдение. Но сам наблюдатель функционирует в этой операции как исключенное третье. Единство мира, тем самым, не является тайной, оно оказывается парадоксом. Оно - парадокс наблюдателя мира, который пребывает в мире, однако сам себя в своем наблюдении наблюдать не в состоянии.

Тем самым, видимо, отпала предпосылка, которая в латентном виде лежала в основании старого мира. Она гласила: для всех наблюдателей мир является одним и тем же, и в наблюдении он может получить свое определение. Остаточное проблемное состояние затем было передано в сферу религии, которая и должна была объяснять эту трансформацию неопределенности в определенность. Как только отношение наблюдателя к миру проблематизируется, это мета-единство единства (тождества для

166 Никлас Луман

всех) и определенности разлагается, а противоположное предположение становится более убедительным. Если мир для всех (для всякого выбора некоторого различия) является одним и тем же, то он теряет определенность. Если же мир допускает возможность его определения, он не может быть для всех одним и тем же, ибо определение требует различий. Именно поэтому остроту приобретает вопрос о том, связывает ли (и как?) система общества наблюдаемое так, чтобы сохранялась возможность аутопойезиса коммуникации даже и в том случае, если должен быть предположен мир, недоступный для определения или определяемый как различный. Именно при этом условии общество становится первоочередным отношением наблюдения к миру.

Как показывают многочисленные дебаты о "релятивизме" и "плюрализме", из этой ситуации очень трудно выводить теоретико-познавательные следствия. Дело доходит до заявлений, будто все общества, культуры и т. д. порождают "собственные миры" и что социальные науки должны это принять. Однако в таком случае непроясненной остается позиция этого признающего плюрализм наблюдателя. Вряд ли его, вслед за Богом, можно описывать как вне-мирового наблюдателя или как "свободно парящую" интеллигенцию. Следовательно, необходимо подыскать теорию познания, которая бы позволяла помещать его, как наблюдателя других наблюдателей, *в этом мире*, хотя все наблюдатели, включая последнего, порождают *различные* проекты мира. Поэтому не может быть никакой плюралистической этики, если же таковая появляется, то исключительно в виде парадоксального требования, которое для себя самого не допускает никаких альтернатив¹⁸. Соответственно, нельзя исходить из того, что мир является расчлененной на "части" "целостностью". Напротив, он являет собой такое недостижимое единство, которое можно наблюдать различными - и только различными - способами. Его "сложнопроизводность" невозможно где-то обнаружить, ее можно лишь конструировать, что предполагает выбор различий¹⁹. А это учитывает радикальный конструктивизм и там, где он предполагает мир как недоступную для описания сущность, а задачу самонаблюдения мира

X. Мировое общество 167

в мире перемещает на уровень наблюдения второго порядка. Все это подразумевается и тогда, когда современное общество мы обозначаем как мировое общество. С одной стороны, это означает, что на Земном шаре, и даже в совокупном коммуникативно достижимом мире, может существовать лишь одно общество. Это - структурная и операционная сторона понятия. Но, вместе с тем, выражение "мировое общество" должно говорить и о том, что всякое общество (в

ретроспективном рассмотрении: также и традиционные общества) конструирует мир и, тем самым, разрешает парадокс наблюдателя мира. Возникающая здесь семантика должна быть убедительной и согласовываться со структурами системы общества. Семантика мира варьируется вместе со структурной эволюцией общественной системы, однако наблюдение этого процесса и утверждения об этом принадлежат миру нашего общества, являются его теорией и его исторической конструкцией. И лишь мы можем наблюдать, что старые общества не могли наблюдать себя самих и свой мир так, как это делаем мы.

Современный мир с его особыми признаками, в свою очередь, является точным коррелятом современного общества. С обществом, которое описывало себя как природу и которое состоит из людей, согласуется некоторый мир, который состоит из вещей (в смысле латинского "res"). Обществу, которое описывает себя как операционно замкнутую систему коммуникаций и которое расширяется или сжимается в зависимости от числа осуществляющихся в нем коммуникаций, соответствует мир с точно такими же качествами: мир, который расширяется или сжимается в зависимости от того, что в нем происходит. Более старые общества были организованы иерархически, а также в соответствии с различием центра и периферии. Ему соответствовал мировой порядок, который предусматривал ранговую упорядоченность ("series rerum"^{vi}) и центр. Форма дифференциации современного общества требует отказаться от этих структурных принципов, и, соответственно, это общество приобретает гетеро-архичный и а-центричный мир. Его мир - это коррелят осетвления операций, он одинаково доступен с позиции любой операции. Более старые общества на основе формы

168 Никлас Луман

своей дифференциации предполагали жесткое закрепление людей на определенных социальных позициях. Поэтому-то и мир они должны были постигать как совокупность вещей. Вследствие его функциональной дифференциации современное общество вынуждено отказаться от подобных представлений о закреплении. По этой причине индивидуализм Нового времени и, прежде всего, тематизация свободы в девятнадцатом столетии дали мощный импульс для формирования представлений о мировом обществе²⁰. Но и независимо от этого функциональная дифференциация воздействовала на понятие мира. Современное общество упорядочивает свое собственное расширение, современный мир - тоже. Современное общество способно изменять себя лишь самостоятельно, а поэтому постоянно обращается к самокритике. Оно представляет собой самозаменимый порядок. То же самое относится и к современному миру. Ведь и он может изменить себя лишь в своих собственных рамках, то есть в мире. Одним из важнейших индикаторов этого является семантика модерн/модернизация, причем не потому, что она выражает тезис конвергенции, а потому, что она делает возможным представление регионов мирового общества как более или менее модернизированных (развитых), и этим различием данная семантика дает возможность полноценного описания с оценками, которые по возможности могут изменяться. Не существует ничего, что не было бы более или менее современным (модерным). И если общество состоит из совокупности коммуникаций, то остальной мир обречен безмолвствовать. Он возвращается к нему состоянию. И даже молчание здесь не является уместным понятием, ибо молчать может лишь тот, кто мог бы и вступить в коммуникацию.

А что же стало с Богом? Параллельно общественному развитию фигура "коммуникации с Богом или посредством Бога" непрерывно теряет свою мощь, и ныне коммуникация Бога представляет собой всего лишь исторический, текстуально постигаемый факт, а именно - как откровение, свершившееся раз и навсегда. И можно только догадываться о том, какое значение придает религия этой фигуре, пренебрегая собственной способностью к адаптации и не видя, с другой стороны, никакой воз-

X. Мировое общество 169

можности попросить Господа прокомментировать современность.

Несмотря на необозримые всемирные связи современного общества, как только речь заходит о признании этой глобальной системы в качестве общества, социология оказывает этому решительное сопротивление. Как в повседневном словоупотреблении, так и в социологии стало совершенно нормальным говорить об

итальянском, испанском и других обществах, хотя такие названия, как Италия или Испания, уже из методологических оснований не должны были бы использоваться в теории. Выбор Парсонсом формулировки "Система современных обществ" ("The System of Modern Societies") для названия его книги являлся весьма рассудительным²¹. Иммануил Валлерстайн говорит, правда, о миро-системе (world-system), однако подразумевает под этим систему интеракции различных региональных обществ, в том числе и применительно к современности²². И, прежде всего, те авторы, которые приписывают современному государству центральную роль в теории общества (но почему?!), на этом основании не хотят признавать общество в качестве глобальной системы²³. Соответственно, феномен современного общества предстает в виде фигуры "ответа на глобальности"²⁴. Эту заикленность мы выше уже охарактеризовали как одну из актуальных блокировок познания в теории общества. Да и политологи™ в целом говорят лишь о "международных отношениях" и "международной системе"²⁵, а значит, основное внимание уделяют, в первую очередь, национальному государству; если же они - в виде исключения - и говорят о мировом обществе, то подразумевают систему, которая сегментарно дифференцирована на национальные государства, а не дифференцируется функционально на различные функциональные системы²⁶. С другой стороны, едва ли может быть оспорено, что, невзирая на все региональные особенности и все различия в идеологических установках политики, общий смысл речей о "государстве", школах и т. д. предопределяется всемирной "культурой"²⁷.

Если задаться вопросом о доводах в пользу этого упорного отстаивания регионального понятия общества, то, как прави-

170 Никлас Луман

ло, указывают на вопиющие различия в состоянии развития отдельных регионов земного шара. Само собой разумеется, никто не будет ни отрицать, ни умалять значения этого факта. И, все-таки, при более внимательном рассмотрении выясняется, что социология оказывается здесь в ловушке артефакта ее сравнительной методологии. Региональные различия являются естественным результатом проведения *региональных* сравнений, включая и те различия, которые со временем возрастают. Если же проводить *исторические* сравнения, то, напротив, выявляются согласующиеся тенденции, скажем, охватывающее весь мир разложение семейных экономик во всех слоях или распространенная по всему миру зависимость жизнедеятельности от техники, а также обнаруживающиеся в мировых масштабах диспропорции в демографическом развитии, которые прежде не проявлялись в таком объеме. Да и функциональная дифференциация общества в мировом обществе имеет столь мощный фундамент, что она уже не может отвергаться в регионах даже при мощнейшем применении политических и организационных средств. Этому, прежде всего, учит распад Советской Империи²⁸.

В зависимости от применения сравнительной перспективы можно выявлять рассогласование или сходство в региональном развитии. Эти расхождения не могут быть разрешены методологически, и можно принять к сведению, что с выбором перспективы сравнения эти разногласия воспроизводятся. Именно поэтому следует поискать теорию, которая была бы совместима с подобными различиями, а также могла бы их интерпретировать. Такая теория не будет утверждать (ибо для этого у нас слишком мало оснований), что региональные различия постепенно исчезают (тезис о конвергенции)²⁹. С другой стороны, она не отвергает и гипотезу мирового общества. Аргумент неоднородности является аргументом не против, а в пользу последней. Ведь и сам интерес к развитию, как и интерес к сохранению многообразных культурных условий отдельных стран, формируется обществом, и это становится особенно очевидным, если вспомнить о типичном современном парадоксе одновременного стремления и к изменению, и к консервации. Снова

X. Мировое общество 171

возвращаясь к понятию формы Спенсера Брауна, мы можем сказать и так: развитие есть форма, одна сторона которой (согласно нынешнему пониманию) состоит в индустриализации, а другая - в недостаточном развитии.

Именно различный уровень развития в отдельных областях Земного шара нуждается в общественно-теоретическом объяснении, которое не может основываться на тысячелетнем образце "многонациональности", но в качестве исходного пункта требует единства общественной системы, порождающей эти

различия. Например, если сравнивать современное общество с обществами традиционными, то можно обнаружить общемировую тенденцию передачи процессов воспитания и образования школам и университетам, а также использования этих учреждений в качестве позиций, определяющих карьеру и жизненные возможности³⁰. И все же - именно эта новая мобильность делает возможным увеличение неравенства под воздействием региональных различий³¹. Музеи или музеефицированное знание рассматриваются ныне как контекст, в рамках которого и в противодействии которому новое искусство и должно утвердиться в качестве нового. Однако, вместе с тем, потерпела фиаско сама идея универсального музея, снова и снова в бесчисленных (в том числе региональных) преломлениях изобретаются контексты, которые делают возможным функционально эквивалентное видение нового. Лишь структура *произведение/контекст* утвердилась во всем мировом обществе, но именно она теперь делает возможным дифференцирование контекстов, предлагающих различные возможности выражения для различных инноваций. Отдельные регионы, очевидно, в весьма различной степени получают выгоду от функциональной дифференциации и терпят от нее ущерб, и если доминирует последний, то уже от-дифференцированные функциональные системы, к примеру, политика и экономика, видимо, взаимно блокируют друг друга. Однако это не дает основания для того, чтобы за основу рассмотрения принимать региональные общества; ведь именно логика функциональной дифференциации и сравнение (не с другими обществами, а с преимуществами полной реализации функциональной дифференциации) делают

172 Никлас Луман

наглядными эти проблемы.

Да и при параллельном рассмотрении методологии функциональных сравнений этот исходный пункт допускает надежное обоснование в системе мирового общества. Если исходить из региональных обществ, то нельзя обойтись без перечисления и сопоставления их особенностей. Приходится выявлять разнообразие культурных традиций, географическое своеобразие стран, различия в обеспеченности сырьем, в демографических данных и т. д., а также уметь сравнивать страны, руководствуясь этими, скорее, дескриптивными категориями. Напротив, если исходить из мирового общества и его функциональной дифференциации, то в результате появляются основания для решения проблем, с которыми сталкиваются отдельные регионы. В этом случае можно лучше разглядеть и, прежде всего, лучше объяснить, почему некоторые данные о регионах разнятся, и почему такие дифференции усиливаются или ослабляются в зависимости от того, как происходит их круговая интеграция в сеть стандартов мирового общества. Определенно, это не должно вести к линейному каузальному исчислению, уже давно считающемуся устаревшим в системной теории³². Но мы могли бы и лучше понимать удивительные, непрогнозируемые, нелинейные каузальности, скажем, "несвязанных структур", "эффектов, усиливающих отклонения", исчезновение поначалу значимых различий, как и, с другой стороны, лучше понимать весьма весомые воздействия минимальных дифференций, среди которых не последнюю роль играет и случайный фактор региональных "политик" (policies). Стандарты проблематизации сравнений можно, конечно, получить путем абстракции, и теория систем известна своими импульсами подобного рода. Для исследования такой комплексной системы как современное общество, напротив, явилось бы существенным преимуществом, если уже на уровне совокупной системы можно было бы работать с эмпирически насыщенными понятиями проблем, скажем, над вопросом о том, как центральный механизм современного государства может проникать в регионы, расколотые по этническому, или религиозному, или родовому принципу; или же над вопросом о том, может ли (и как?) в условиях миро-

Х. Мировое общество 173

вого хозяйства осуществляться работа в регионах, которые должны считаться с высокими стандартами потребительских ожиданий и ожиданиями высоких доходов; или же над вопросом о том, какие учреждения системы науки продвигают интернационализацию исследовательских тематик, если не существует никаких глобальных институтов исследования³³.

Исходя из этой понятности и этой методики сравнения, дальнейшую родовидовую аргументацию и рассмотрение "сходства" условий жизни в отдельных странах в качестве предпосылки для их отнесения к какому-то обществу можно считать признаками устаревшего мышления. Это было бы осмысленным лишь в том случае, если "природа этого предмета" предоставляла бы соответствующие критерии и предписывала бы соответствующую понятность. Сегодня уже никто не принимает эту предпосылку. Но тогда и в теории следует извлечь из этого выводы. Современность общества состоит не в его признаках, а в его формах, а это означает: в различениях, которые оно использует для управления своими коммуникативными операциями. И такие вызывающие беспокойство типично современные понятия, как понятия *развития* или *культуры*, привлекают внимание к весьма специфическим различиям (причем, как мы можем утверждать на основе теории наблюдения: не видя того, что в таком случае не видят, будто таким способом невозможно видеть"). Поэтому и не удивительно, что определенные дифференции усиленно используются, тогда как другие остаются невидимыми. На уровне различия различий (или наблюдения наблюдений) этот процесс остается случайным. Однако всякое общество скрывает от себя свои случайности, а современное общество скрывает от себя (правда, с меньшей самоуверенностью в силу меньшей своей традиционности) случайный характер его развития и культуры. Вместо этого, самонаблюдение и беспокойство о себе имеют место в контексте тех или иных предпочитаемых различий.

В до-современном обществе пространственные межрегиональные контакты выпадали на долю некоторого незначительного числа семейных домашних хозяйств - будь это домашние хозяйства аристократии или некоторых больших торговых домов. В 174 Никлас Луман

ходе торговли транспортировались, прежде всего, "предметы престижа", которые делали наглядной локальную дифференциацию расслоения и тем самым усиливали ее. Таким образом, внешний контакт региональных обществ оставался сопряженным с их внутренней дифференциацией. Сначала это покоилось на сегментарной дифференциации семейных экономик, затем - на их расчленении, неважно, являлось ли оно результатом стратификации, различий между городом и селом или же между профессиями. Это и сделало возможным такое вычленение определенных домашних хозяйств для осуществления заграничных контактов. В нынешнем обществе межрегиональность основывается на операциях или кооперации организаций, прежде всего, экономики, средств массовой информации, политики, науки, транспорта. Экономика оказывается всемирной сетью не только благодаря рынкам (финансовым, сырьевым, товарным и, во все большей степени, даже рынкам труда); она формирует и соответствующим образом оперирующие организации, которые пытаются получить выгоду из уже предпосланных дифференций³⁴. Даже массовый туризм принимает вид организаций. Интеллектуалы, на первый взгляд, могли бы показаться исключением; однако кем бы они были и кто бы знал их имена, если бы не существовали средства массовой информации? И организации представляют собой от-дифференцированные социальные системы (к этому мы еще вернемся), но своей собственной динамикой они учреждают функциональные системы общества. Их эволюция отвечает потребности в принятии решений и необходимости обсуждать последние в коммуникации для того, чтобы зафиксировать основания дальнейших решений. Организации занимают место между обществом и его функциональными системами, с одной стороны, и интеракциями среди присутствующих лиц - с другой стороны. И во всех секторах общества они делают неизбежным появление всемирного объединения. Поскольку, однако, это осуществляется в обществе, и не *противопоставляется* ему, то едва ли возможно и дальше настаивать на региональном понятии общества.

Хотя в современных условиях и не может существовать никаких региональных обществ, можно было бы тем не менее

X. Мировое общество 175

поразмывать о региональной дифференциации системы мирового общества - так, словно общество расчленилось бы на под-общества. Но и это предположение опровергается более тщательным анализом. Некоторая первично-региональная дифференциация противоречила бы современному доминированию

функциональной дифференциации. Она бы потерпело бы фиаско, поскольку невозможно привязать все функциональные системы к единым пространственным границам, общим для всех них. Лишь политическая, а вместе с ней и правовая системы современного общества регионально дифференцируются в форме государств. Все остальные оперируют независимо от пространственных границ. Именно однозначность пространственных границ делает ясным то обстоятельство, что они не признаются ни истинами, ни болезнями, ни образованием, ни телевидением, ни деньгами (если принять во внимание и потребность в кредитах), ни любовью. Иными словами: совокупный феномен всеобъемлющей системы общества не может воспроизводиться в рамках пространственных границ как микрокосм в макрокосме. Значение пространственных границ состоит во взаимозависимостях между политической и правовой системами, с одной стороны, и остальными функциональными системами - с другой стороны. Посредством воздействия валютных различий и влияния эмиссионных банков политика и право воздействуют на экономику, а посредством образовательной сертификации они влияют на воспитание и порядок получения профессий. Подобные различия хорошо объясняются в контексте мирового общества, они усиливаются или ослабляются благодаря политике. Но если бы эти различия мы захотели соотнести с региональной дифференциацией системы общества, то их специфика осталась бы нераспознанной.

Только если исходить из предпосылки существования единой мировой системы общества, можно объяснить то обстоятельство, что и сегодня, и именно сегодня (в гораздо большем объеме, чем во времена архаических племенных обществ), существуют региональные различия, которые, однако, не принимают форму системной дифференциации. Они объясняются различиями в причастности к доминантным структурам систе-

176 Никлас Луман

мы мирового общества и в реакции на них. От региона к региону это проявляется в разной мере и поэтому не может здесь подробно обсуждаться. Тем не менее в качестве перспектив исследования могут быть обозначены, по меньшей мере, некоторые общие точки зрения.

По мере продвижения модернизации в смысле диверсификации потребностей регионы попадают в зависимость от мировой экономической системы, а именно, в зависимость от производства и сбыта, труда и кредитов.

В условиях режима функциональных систем именно рациональные способы отбора усиливают отклонения (а значит, не устанавливают равенства). Тем, кто уже имеет деньги или доходы, легче получить кредиты. Незначительные различия в успехах в начале школьного воспитания усиливаются в ходе продолжения образования. Тот, кто не работает в научно-исследовательских центрах с соответствующими информационными возможностями, теряет связи и, в лучшем случае, со значительным опозданием может получить знание, выработанное где-то в другом месте. Номинации на нобелевские премии демонстрируют отчетливую региональную распределенность научных дисциплин. Как следствие, формируется образец центр/периферия, который, тем не менее, не обязательно остается стабильным, а может смещаться в своих центрах тяжести³⁵. Изобретение (или реконструкция) некоторой собственной традиции, со своей стороны, является феноменом мирового общества, реакцией на современные возможности сравнения³⁶.

Следует отказаться от резкого противопоставления традиционных и современных обществ. Существуют различные условия, в которых обусловленные традицией структуры осуществляют благотворное воздействие при переходе к современному обществу. Мировое общество, так сказать, осуществляет отбор того, что в традиции оказывается для него полезным, скажем, в области расслоения, организации, мотивации труда или религии³⁷. Поэтому едва ли еще можно обнаружить автохтонно обусловленные порядки жизнеустройства, за исключением тех состояний, которые объясняются дифференциальными эффектами, вытекающими из взаимоналожения структурных стан-

X. Мировое общество 177

дартов и типов операций мирового общества, особых региональных географических и культурных условий.

Приспособление к состоянию развития мирового общества через политически форсируемую индустриализацию и сопровождающая ее урбанизация приводит к разложению старых, основанных на землевладении структур расслоения. Сходным образом, незначительные по объему производства семейные экономики как в сельскохозяйственном, так и ремесленном секторе распадаются на мобильные деньги и мобильных индивидов. Последние (на какое-то время?) замещаются жесткой дифференцией включения/исключения с соответствующим обнищанием широких слоев населения, а государство становится механизмом поддержания этой дифференции, особенно в условиях национальной политики развития, направленной против денежного хозяйства.

Эта дифференция включения/исключения влечет за собой тяжелые последствия, ибо она, с одной стороны, вызывается функциональной дифференциацией мирового общества, а, с другой стороны, препятствует (если не пресекает его вовсе) региональному производству условий функциональной дифференциации. Она прерывает развитие достаточно больших и дифференцированных региональных рынков, являющихся предпосылками рыночно ориентированного массового производства и ставит тем самым периферийные страны в зависимость от экспорта в такой форме, которая подвергает их экономики значительным колебаниям. Кроме того, эта дифференция ведет к тому, что широкие круги населения не включаются в систему права, так что не может утвердиться (или утверждается лишь очень ограниченно) код "правовое/не-правовое", присущий правовой системе. Соответственно, нельзя положиться на то, что программы правовой системы (законы, в том числе и конституционные) действительно регулируют соотношение кодов правового и не-правового с фактическими обстоятельствами; и хотя это в значительных объемах все же и происходит, но происходит именно соразмерно включению/исключению³⁸. Все это вместе означает, что политика лишь ограниченно (и часто "коррупционно") использует деньги и право в качестве средств вы-

178 Никлас Луман

страивания системы. Соответственно, бывает трудно подготовиться к реальностям жизни в школах и университетах. То, что изучают, остается абстрактным и в значительной степени получает оправдание ссылками на иностранные примеры. В свою очередь, это делает зависимым карьерный рост от других механизмов: от принадлежности к специфическому слою или от специфических связей. Традиционное воззрение социологов все еще объясняет все это расслоением; однако расслоение являлось бы принципом социального порядка, тогда как раскол общества в соответствии с включением/исключением (если оно является чем-то большим, нежели просто переходным состоянием в политическом развитии) может вызывать турбулентности совершенно иного рода, нежели чистые усилия по обеспечению подъема, уравнивания или перераспределения.

Различия в причастности к модернизации мирового общества и в степени зависимости от нее дают импульс мнимо-анахроническим тенденциям, прежде всего, в области религии и этнических движений, развивающихся в национальных государствах. *Универсализация* функциональных систем, оперирующих на уровне мирового общества, не только не исключает *партикуляризм* самого различного рода, но как раз и дает им толчок. Та легкость, с какой мировое общество меняет структуры, компенсируется глубоко укорененными или, во всяком случае, жестко изоляционными связями.

Как и прежде, безусловно, сказываются проблемы межкультурной коммуникации на уровне интеракций, языковые трудности понимания и языковые недоразумения. И все-таки, это не имеет ничего общего с возникновением мирового общества³⁹; этого и следовало бы ожидать от всех культурных контактов. Ведь то, что многообразие культур вместе с многообразием их этноцентризмов сегодня может рассматриваться как данность, и то, что проблемы взаимопонимания по этой причине в меньшей степени, чем прежде, могут приписываться этноцентрическому комплексу чужого, является подтверждаемой гипотезой.

Эти аргументы в пользу мирового общества могут быть вполне обоснованы эмпирически. До сих отсутствует лишь теория, которая бы могла их вобрать в себя

и переработать. Часто об-

Х. Мировое общество 179

суждаемый концепт капиталистической мировой системы, разработанный Иммануилом Валлерстайном⁴⁰, исходит из примата капиталистического хозяйства и недооценивает, тем самым, вклад других функциональных систем, прежде всего, науки и массмедийных коммуникаций. Этот недостаток нельзя полностью исправить обращением к осуществлявшемуся в девятнадцатом столетии различению, в котором культура противопоставлялась хозяйству, что подразумевало их соотнесенность с определенными социальными слоями⁴¹. Лишь если наглядно продемонстрировать эти чрезвычайно различные тенденции глобализации в отдельных системах в их совокупности, то можно постичь масштабы общественных изменений в сопоставлении со всеми традиционными обществами. На фоне столь разнородных источников "глобализации" отсутствует единое понятие общества. Системно-теоретическая концепция общества как операционно закрытой, аутопойетической социальной системы, включающей в себя все остальные социальные системы, то есть вбирающей в себя все коммуникации, стремится заполнить этот пробел.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. X:

¹ Ср. : *Aegidius Columnae Romanus* (Egidio Colonna). De regimine principum. Rom, 1607, S. 403, 411.

² *Platon*, Timaios 92 C

³ Описание этого процесса в таких понятиях, как *имитация* или *диффузия*, не очень плодотворно и благоприятствует представлениям, будто бы речь идет о некоем одностороннем протекающем процессе. В действительности же эта передача меняет и передающую систему, и не в последнюю очередь именно это дает возможность понять, что данная, непременно круговая, коммуникация, насколько ее хватает, порождает мировое общество.

⁴ См. описание Египта в период после войн с гиксосами: *Assmann, J.* Der Einbruch der Geschichte: Die Wandlungen des Gottes- und Weltbegriffes im alten Ägypten. In: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 14. November 1987.

⁵ См.: *Eisenstadt, S. N.* The Political Systems of Empires. New York, 1963.

⁶ "Extra te igitur, Dominus, nihil esse potest", читаем мы у Николая Кузанского. *Nikolaus von Hues.* De visione Dei IX. In: *Nikolaus von Kues.* Philosophisch-

180 Никлас Луман

Theologische Schriften. Bd. 3. Wien, 1967, p. 130.

⁷ См. : *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат, 6.43 : "Чувство мира как ограниченного целого есть мистическое".

⁸ По Фридриху Шлегелю, это можно сформулировать и так: отказ от предположения о существовании "вещей вне нас" не требует отказа от понятия мира. См. : *Schlegel, F.* Jeaner Vorlesungen Transzendentalphilosophie (1800 -1801). In: *Schlegel, F.* Kritische Ausgabe. Bd. XII. München, 1964, S. 37. Впрочем, уже Шлегель обосновывает это тезисом, согласно которому в сознание может входить лишь то, что может быть определено через различения. 'Это понятие мира не может получить определение в двузначной логике традиции. Оно не может получить одновременно и позитивного, и негативного обозначения, ведь это шло бы вразрез с законом исключения противоречий; и все же для обозначения мира в нашем распоряжении есть и третье значение. Традиция же, если оглядываться назад, никак не могла обойтись без того, чтобы истолковывать мир как множество объектов (*aggregatio corporum, universitas rerum*). [Universitas rerum - "совокупность вещей" (лат.). - Прим. пер.]

¹⁰ См. об этой традиции и ее ответвлениях в восемнадцатом столетии: *Koselleck,*

R. Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischer Gegenbegriffe. In: *Koselleck, R.* Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979, S. 211-259; *Stichweh, R.* Fremde, Barbaren und Menschen: Vorüberlegungen zu einer Soziologie der „Menschheit“. In: *Fuchs, P., Göbel, A.* (Hrsg.) Der Mensch - das Medium der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1994, S. 72-91.

¹¹ Роланд Робертсон (*Robertson, R.* Globalization: Social Theory and Global Cultur.

London, 1992, p. 60) возражает, утверждая в свою очередь, что понятие мирового общества охватывает глобальную систему, будучи "результатом процессов базисного внутрисоциального происхождения". Это правильно, однако свидетельствует лишь о том, что в рамках этой контрверзы речь идет о понятии общества. Противоположная сторона теперь должна была бы обосновать возможность понятия общества, которое допускает вне-общественную коммуникацию. Тем самым вновь приходится столкнуться с трудностями, которые возникают, когда, вопреки признанию глобализации, все-таки настаивают на обращении лишь к некоторому множеству обществ.

¹² Схожий аргумент предлагает Рудольф Штихве. *Stichweh, R.* Zur Theorie der Weltgesellschaft. In: Soziale Systeme, I (1995), S. 29-45.

¹³ См.: *Cassano, F.* Pensare la frontiera. In: Rassegna Italianadi Sociologia, 36 (1995), p. 27-39.

¹⁴ Важным шагом в этом направлении стал тезис Канта о бесконечности мирового

пространства, незавершенности творения и о "непреодолимой склонности каждого вполне сформировавшегося мироздания к постепенной гибели своей". *Kant, I. Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, A 118*

X. Мировое общество 181

[*Кант, И.* Всеобщая естественная история и теория неба. *В. Кант, И.* Сочинения в 8 томах. Т. I. М., 1994, с. 208].

¹⁵ Из обширных манускриптов, посвященных истории этих идей, см., например: *Duhem, P.* Le système du monde: Histoire des doctrines cosmologiques de Platon a Coperni. Paris, ² 1954; а также: *Mondolfo, R.* L'infinito nel pensiero dei Greci. Firenze, 1934; далее: *Mugler, Ch.* Deux thèmes de la cosmologie Grecque: Devenir cyclique et pluralité des mondes. Paris, 1953; *Anderson, J. F.* Time and Possibility of an Eternal World. In: *Thomist*, 15 (1952), p. 136-161; *Maier, A.* Diskussionen über das aktuelle Unendliche in der ersten Hälfte des 14. Jahrhundert. In: *Divus Thomas*, 25 (1947), S. 147-166, 317-337.

¹⁶ Возражения против этого тезиса широко известны. Они состоят в обвинениях в "релятивизме" - вполне оправданных, если при этом подразумевают одну из многочисленных систем сознания. Мы здесь, однако, имеем в виду не коррелят сознания, а коррелят коммуникации; речь идет не о сомнениях в реальности вещей, а о проблеме единства, возникающей всегда, когда для получения информации используют различия.

¹⁷ См.: *Brown, G. S.* Laws of Form, p. 5.

¹⁸ Другими словами, логически наивной была бы попытка преодолеть свирепствующий во всем мире фундаментализм с помощью этики плюрализма. Фундаментализм - это заразная болезнь, которая в особенной степени заражает его противников. См.: *Blau, P. M.* II paradosso del multiculturalismo In: *Rassegna Italiana di Sociologia*, 36 (1995), p. 53-63.

¹⁹ Впрочем, сходное понимание можно обнаружить уже в "Творческой эволюции" Анри Бергсона (*Bergson, H.* L'évolution créatrice (1907). Paris, 1940) - особенно в первой ее главе, посвященной механистическим и финалистским мироописаниям.

²⁰ Поэтому Гегель в весьма определенном смысле говорит о "мировой истории". См. об этом, прежде всего: *Ritter, J.* Hegel und Französische Revolution. In: *Ritter, J.* Metaphysik und Politik: Studien zu Aristoteles und Hegel. Frankfurt am Main, 1969, S. 183-255. В размышлениях над проблемами колонизации там говорится: "Поэтому благодаря своему собственному закону индустриальное буржуазное общество у Гегеля, в конечном счете, определено к тому, чтобы стать обществом мировым; *отношение свободы к человечеству и к людям как роду, решающее в отношении политической революции к мировой истории, обосновывается в этой потенциальной универсальности буржуазного общества*" (op. cit., S. 222). То соображение, что исходя из этой индивидуальности человека следует делать выводы о мировом обществе, обнаруживается уже у Джона Локка (Two Treatises of Civil Governement II § 128, Everyman's Library 1953, p. 181): "Он и все остальное человечество - это одна общность, они составляют одно общество, отличное от всех остальных творений, и если бы не испорченность и пороч-

182 Никлас Луман

ность вырождающихся людей, то не было бы никакой нужды в какой-то иной общности, никакой необходимости в том, чтобы люди отделялись от этой великой и естественной общины и ассоциировались бы в меньшие комбинации".

²¹ *Parsons, T.* The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, N.J., 1971.

²² В таком случае, специфической в современной мировой системе является лишь неограниченная возможность аккумуляции капитала. См.: *Wallerstein, I.* The Modern World-System. Bd. III: The Second Era of Great Expansion of the Great Capitalist World-Economy, 1730- 1840. San-Diego, 1989; *Wallerstein, I.* The Evolution of the Modern World-System. In: *Protosozologie*, 7 (1995), p. 4-10. Далее, Кристофер Чайз-Данн (*Chase-Dunn, Chr.* Global Formation: Structures of the World-Economy. Oxford, 1989) в рамках этой же традиции определяет миро-систему как "внутри-социальные и меж-социальные отношения", однако понятие *общества* не входит в его глоссарий.

²³ Например, Энтони Гидденс: *Giddens, A.* The Nation-State and Violence. Cambridge Engl., 1985; *Giddens, A.* The Consequences of Modernity. Stanford Cal., 1990, p. 12.

²⁴ Это формулировка и тема исследования Роланда Робертсона (1992). См. также: *Robertson, R., Lechner, F.* Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory. In: *Theory, Culture and Society* II (1985), p. 105-118. К вопросу о "глобализации", рассматриваемой безотносительно к теории общества как ее основания, см. также: *Featherstone, M.* (Ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity.* London, 1990. Гидденс (*Giddens, A.* The Consequences of Modernity. Stanford Cal., 1990, p. 63) понимает "глобализацию" как абстракцию и разъединение пространственно-временных отношений. В каких бы иных работах не говорилось о "глобализации", видимо, в них всегда подразумевается процесс, который предполагает, что мирового общества пока не существует. В развернутой форме см. об этом: *Archer, M. S.* Foreword. In: *Albrow, M., King, E.* (Ed.), *Globalization, Knowledge and Society.* London 1990, p. 1.

²⁵ Например, Курт Тудика (*Tudika, K.* Weltgesellschaft - Unbegriff und Phantom. In: *Politische Vierteljahresschrift*, 30 (1989)) очень решительно защищает это понятие "мировой системы" в противовес новомодному понятию *мирового общества*. Его обоснование, однако, неубедительно. Надо признать наличие неясностей в понятии мирового общества, но они вытекают из отсутствия достаточно развитой теории общества. Однако понятие *мировой системы* еще более неясно, ибо точно не известно, что такое *нация*, а также не объясняется, каким образом "inter" может быть системой. Более осмысленно было бы тогда говорить о "системе государств" (см., например: *Faupel, K.* Ein analytischer Begriff der Entspannung: Große Politik, Machtpolitik und das Ende des Ost-West-

Konflikts. In: Zeitschrift für Politik, 38 (1991), S. 140-165). Когда становится ясно, что здесь может

Х. Мировое общество 183

подразумеваться лишь политическая система мирового общества. И действительно, "разрядка" ведь не является состоянием мирового общества, но - если она вообще имеет место - представляет собой состояние его политической системы. Наконец, достойно удивления и понятие "транснационального общества" (transnational society) (*Niemeyer, G. Law without Force: The Function of Politics in International Law. Princeton, 1941*), которое в этом случае может, правда, пониматься лишь как сеть частных интересов.

²⁶ См., например: *Burton, J. W. World Society. Cambridge Engl., 1972*. И, все-таки, на странице 19 читаем: "Изучение мирового общества не ограничивается отношениями между государствами или органами государственной власти. Важны и религиозные, языковые, научные, торговые и иные отношения в добавление к разнообразию формальных, неправительственных институтов, которые распространены по всему миру". Однако ориентация на обращенную к нациям схему дифференциации и формулировка, в которой для выражения единства этого мирового общества применяется смутное понятие "отношений" (relations), мешают автору полностью признать эти взгляды.

²⁷ Об см.: *Thomas, G. M. et al. Institutional Structure: Constituting State, Society, and the Individual. Newbury Park Cal., 1987*. Особенно интересна в этом сборнике работа: *Meyer, J. W. The World Polity and the Authority of the Nation-State* (правда, и здесь понятие *общества* остается непроясненным).

²⁸ Об том: *Hayoz, N. Étreinte soviétique: Aspects sociologique du naufrage programme de L'URSS. Genf, 1997*.

²⁹ И раньше, исходя из европейской перспективы, надежда на мировое общество понималась как надежда на однородность условий жизни и цивилизационного состояния. "Нарушенное *равновесие* собственных сил делает убогим отдельного человека, *неравенство* граждан, *неравенство* народов делает убогой Землю", - говорится у Жан-Поля ("Hesperus"). И далее: "Вечное равновесие Европы предполагает равновесие четырех остальных частей мира, которое, пренебрегая незначительными колебаниями, может обещать наш Земной шар. В будущем мы уже не найдем ни дикаря, ни острова. Народ должен извлечь что-либо другое из своих бестолково растроченных лет. В более однородной культуре торговые договоры будут заключаться с более уравновешенной выгодой". *Paul, J. Werke. Hrsg. von N. Miller. Bd. 1. München, 1960, S. 871-872*.

³⁰ См. об этом: *Ramirez, F. O., Boli, J. Global Patterns of Educational Institutionalization. In: Thomas, G. M. et al. Institutional Structure: Constituting State, Society, and the Individual, p. 150-172; Meyer, J. W. et al. School Knowledge for the Masses: World Models and National Primary Curricular Categories in the Twentieth Century. Washington, 1992*. Даже если посмотреть на учебники из развивающихся стран по организации и планированию, то и там мы окажемся на знакомой территории (см., например: *Zaldivar, V. S. Una sistema*

184 Никлас Луман

de educación para el Paraguay democrático. O. O., o. J.).

³¹ См. об этом сравнительное исследование о воспитании: *Schriewer, J. K. Welt-System und Interrelations-Gefüge: Die Internationalisierung der Pädagogik als Problem vergleichender Erziehungswissenschaft. Berlin, 1994*.

³² См.: *Morin, E. La Méthode. Vol. 1. Paris, 1977, p. 269*.

³³ Ср.: *Stichweh, R. Science in the System of World Society. In: Social Science Information, 35 (1996), S. 327-340*. Согласно данным, полученным Штихве, эффективным здесь, прежде всего, являются специальные отрасли исследования и внешние контакты отдельных исследователей, чему не особенно благоприятствуют отечественные организации.

³⁴ Сегодня эта тема широко обсуждается: *Froehling, H.-Chr., Rauch, A. M. Die Rolle Multinationaler Konzerne in der Weltwirtschaft. In: Zeitschrift für Politik, 42(1995), S. 297-315*.

³⁵ См. специальные исследования об этом: *Tiryakian, E. The Changing Centers of Modernity. In: Cohen, E. et al. (Ed.) Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of S.N. Eisenstadt. Boulder Col, 1985, p. 121-147*.

³⁶ См.: *Hobsbawm, E., Ranger, T. (Ed.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983*.

³⁷ Обширные дискуссии на эту тему начались в шестидесятых годах двадцатого века, и Япония является одним из самых любимых примеров в этом отношении. См, например: *Bendix, R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change. In: The American Journal of Sociology, 72 (1967), p. 351 -362; Eisenstadt, S. N. Tradition, Change and Modernity. New York, 1973*.

³⁸ См., например: *Gessner, V. Recht und Konflikt: Eine soziologische Untersuchung privatrechtlichen Konflikte in Mexico. Tübingen, 1976; Da Costa Pinto Neves, M. Verfassung und positives Recht in der peripheren Moderne: Eine theoretische Betrachtung und eine Darstellung des Falles Brasiliens. Berlin, 1992*.

³⁹ См. другой взгляд на проблему: *Reimann, H. (Hrsg.) Transkulturelle Kommunikation und Weltgesellschaft: Theorie und Pragmatik globaler Interaktion. Opladen, 1992*. В статьях этого сборника не разработано понятие общества, а поэтому отсутствует возможность осуществить проверку того, какие изменения могла повлечь глобализация коммуникации.

⁴⁰ См.: *Wallerstein, I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974; Wallerstein, I. The Capitalist World-Economy Cambridge Engl, 1979; Wallerstein, I. The Politics of the World-Economy. Cambridge Engl, 1984*.

⁴¹ Ср.: *Featherstone, M.* (Ed.) *Global Culture, Nationalism, Globalization and Modernity*. London, 1991 ; *Robertson, R.* *Globalization, Social Theory and Global Culture*. London, 1992. См. также обзор этой дискуссии: *Bottazzi, G.* *Prospettive della globalizzazione: sistema-mondo e culturaglobale*. In: *Rassegna Italiana di Sociologica*, 35 (1994), p. 425-440.

X. Мировое общество 185

ⁱ "Прекрасную и добродетельную жизнь" (итал.).

ⁱⁱ "Владения", "царства" (лат.).

ⁱⁱⁱ "Государство, или гражданское общество" (лат.)

^{iv} "Соединение тел" (лат).

^v "Ученое незнание" (лат.).

^{vi} "Ряд вещей" (лат.).

^{vii} Очень приблизительный перевод немецкого "Politikwissenschaftler".

^{viii} Речь идет о метафоре "слепого пятна". В нашем зрительном поле есть определенная область, которую мы не видим в силу отсутствия зрительных рецепторов в соответствующей области сетчатки. Но "мы не видим того, что мы не видим" (какой-то размытости, черного провала и т. д.). У каждого наблюдателя есть свое "слепое пятно", а именно, само его наблюдение. Также см. послесловие к книге.

XI. ПРИТЯЗАНИЯ НА РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Гуманистическая традиция Европы придавала понятию *рациональности*, равно как и связанным с ним ожиданиям, весьма специфическую форму и, вместе с тем, вуалировала специфику этой формы ощущением естественной данности традиции, которая не допускала никаких иных мыслительных вариантов. Согласно представлениям этой традиции, "ratio" принадлежало природе человека. Человек получал определение как природное существо, отличное от зверя. При этом в понятие природы, в отличие от его нынешнего понимания, включалась и нормативная компонента. Тем самым, нормативное понятие рациональности опиралось на нормативное понимание природы. В контексте размышлений Аристотеля природа понималась как движение, направленное на завершение (télos), которое, однако, безоговорочно не гарантировало, что это завершение действительно будет достигнуто. Под "историей" - в ее отличии от "поэзии" - вплоть до Нового времени понимали, прежде всего, собрание фактов и опытов, которые учили тому, что всякое начинание может оказаться неудачным. Если переводить на наш понятийный язык, можно сказать, что "télos" считался двусторонней формой, а именно состоянием покоя, удовлетворения и совершенства, которого можно было достичь, но в достижении которого можно было и потерпеть неудачу. Понятию *совершенства* противостояло понятие *болезненности* и *испорченности*. Позитивному значению естественного состояния противостояло негативное значение (stéresis, privatio), указывавшее на ошибку, неудачу.

С социологической точки зрения, оказывается неслучайным, что данной концепции точно соответствовали теории благородного сословия того времени и, прежде всего, теории благородного воспитания. Благородными становились вследствие рождения в давно разбогатевшей семье; и всеми способами следовало избегать потери благородства из-за совершения позорного поступка. Но одно это указывало лишь на несовершенное благородство. Совершенство, "télos" благородства достигались

XI. Притязания на рациональность 187

лишь благодаря особым заслугам, благодаря "добропорядочной и добродетельной жизни" (bene e virtuose vivere), возможность которой предоставляло, но еще не гарантировало, аристократическое происхождение¹. Задача воспитания, как и морального руководства жизнедеятельностью, состояла в том, чтобы служить аристократу опорой на пути его рационального совершенствования, а также в предохранении его от коррумпирующих искушений. На своих предков можно было ссылаться лишь в том случае, если удавалось отличиться собственными достижениями.

Концепция естественной рациональности вместе со всеми этими все более утончающимися аспектами, разрабатываемыми для обучения и воспитания, этики и риторики, создавала стабильное напряжение. Тогда была предложена непрерывность рациональности, которая могла перекрывать все различия - даже различие между действиями и событиями, между мышлением и бытием.

Ретроспективный взгляд позволяет понять, что напряжение между реальностью и рациональностью фиксировалось и стабилизировалось в телеологической форме и в различении совершенство/болезненность-испорченность. Специфическим проблемам благородного сословия с его двойным критерием происхождение/заслуга противостояло различение между различениями совершенство/болезненность-испорченность и совершенство/несовершенство. То или иное найденное решение сопровождали этические славословия. Они информировали о том, что следовало хвалить, а что требовало порицания, тогда как на долю риторики выпадала задача все же практиковать утерянную в силу этого возможность регулирования ценностей. Таким способом можно было, как мы сказали бы сегодня, осуществлять парадоксальную коммуникацию, располагать собственные замыслы и установки на хорошей стороне мира - и именно благодаря этому сигнализировать и о том, что не все так хорошо, как кажется. Но, как это всегда бывает в парадоксальной коммуникации, сама парадоксальность в коммуникации не обсуждалась, то есть рассматривалась как чистое упражнение духа. Двойственность и несогласованность могли получать консистентную разработку выведения из-под комму-

188 Никлас Луман

никативного обсуждения, а значит, смещались в поле религии, где их можно было рассматривать как проблему первородного греха и предположительного падения этого мира.

Данный мир в его структурных условиях (аристократическое общество) и в его семантике потерпел фиаско. Это следует признать при всем восхищении перед прошлым, ибо мы живем сегодня. Но если это так, то можем ли мы тогда настаивать на нормальном понятии *разумной рациональности*, как это предлагает Юрген Хабермас? И если можем, то с помощью каких различений можно переформулировать это понятие рациональности?

Первые явления разложения становятся видны в семнадцатом столетии, в условиях еще не пошатнувшегося доверия к рациональности. Раскололась старая рациональная непрерывность природы (благоустроенности творения). Притязания на рациональность сводились к ментальным состояниям, а значит - к субъектам, о чем свидетельствует такой авторитетный автор как Декарт. Это создает возможность рассматривать цели как направляющие представления, как корректировки мирового процесса, а значит - как отклонения, а не как состояния совершенства самой природы. Тем самым, впервые приобрела актуальность проблема выбора целей (а не только проблема средств для достижения очевидных целей). Затем стали различать мотивы и цели; мотивы (в отличие от интересов) характеризуются непрозрачностью, благодаря им рефлектируются соответствующие коммуникативные проблемы искренности и критериев аутентичности. Тем самым, благодаря различению раскололась не только непрерывность рациональности природы, но и непрерывность рациональности субъекта, а именно, в силу различения мотива и цели, так что дальнейшая рефлексия могла уже обращаться лишь к тем различениям, которые и разрушили данную непрерывность рациональности. Это разложение целерациональности сначала приводит к концепции иных, лучших (более рациональных?) видов рациональности - скажем, ценностной рациональности (упорядочиваемой благодаря обдумыванию этапов действий) или же рациональности взаимопонимания (упорядочиваемой благодаря разумным основа-

XI Притязания на рациональность 189

ниям). Ныне оно достигло того пункта, когда следует признать, что о целесообразности можно выносить лишь те суждения, которые соотносены с определенным временем.

Восемнадцатое столетие еще и сегодня впечатляет попытками возврата к рациональности и ее укрепления в качестве принципа жизнедеятельности. Вопреки сопротивлению - и это многое объясняет! Разломы в непрерывности рациональности сохраняются. Это столетие Просвещения - и столетие сантиментов. Век Ньютона - и век Мюнхаузена. Век разума - и век истории. И завершается он гегелевской проблемой раздвоения. Отныне рациональность повсюду оказывается маркированной стороной формы, которая обладает еще и другой стороной². Очевиднее, чем прежде, становится наступление на рациональность

парадоксальной коммуникации, но, как и прежде, эта коммуникация отпечатывает саму себя, ибо против рациональности не найти хороших аргументов. Пересечение границы в направлении другой стороны формы рассматривается как "цинизм".

Уже в восемнадцатом столетии намечились места дальнейших разломов, к примеру, в попытках создать теорию юмора³. Начиная с девятнадцатого столетия, дальнейшие редукции сводили понятие рациональности к частным системам общества, а именно, либо к экономическому расчету отношений полезности между целями и средствами (оптимизация), либо к применению научно удостоверенного знания. Наконец, в завершение девятнадцатого века начинается разложение самого понятия рациональности, что позднее легло в основание общего скепсиса относительно рациональности у Макса Вебера. То же самое осуществлялось благодаря технике различения. Раскалывалось само понятие рациональности: например, на целерациональность и ценностную рациональность (в соответствии со старым различием между "poiesis" и "praxis") либо на рациональность стратегического или коммуникативного действия (монологическую или диалогическую рациональность)⁴. Благодаря исключению других понятий рациональности Хабермас и на исходе двадцатого столетия все еще может поддерживать тезис, согласно которому теория общества и теория рациональ-

190 Никлас Луман

ности *обулавливают друг друга*, - "что в *каждой* социологии, притязующей на создание теории общества, если только она действует достаточно радикально, проблема рациональности одновременно ставится на *метатеоретическом, методологическом* и на *эмпирическом* уровне"⁵. Следовательно, рациональность является не только проблемой исторической семантики, но и содержит в себе, даже и в наше время, требование к понятию общества. При этом не ставится, как это было типично для техники различения девятнадцатого столетия (за исключением *Гегеля*), *вопрос о единстве этой дифференции*, а значит, не проясняется то, что подразумевается под рациональностью *per se*¹. Вместо этого различают между рациональностью и иррациональностью, сознанием и подсознанием, явными и скрытыми функциями, но, как и раньше, никто не замечает, что здесь был бы уместен вопрос о единстве этих дифференций.

Другое весьма распространенное сегодня различие - это различие между субстанциальной и процедурной или методологической рациональностью⁶. Мы читаем, что при возрастании комплексности и недостоверности критериев следует перестраиваться от субстанциальной рациональности к рациональности процедурной или методологической. Преимущество жестко определенных процедур все-таки состоит в том, что можно осуществлять какое-то начинание вопреки неизвестности будущего, а также ретроспективно ориентироваться в ходе дальнейшего процесса на уже достигнутые результаты.

Мы не будем вдаваться в дальнейшее обсуждение различных преломлений староевропейской непрерывности рациональности, а возьмем это грубо очерченное развитие семантики рациональности в качестве индикатора того, что при переходе к Новому времени система общества пережила такие радикальные преобразования, которые оказали воздействие и на понимание отношений между реальностью и рациональностью. То обстоятельство, что современное понятие мира не может приобретать ни позитивное, ни негативное качество, ибо всякое приписывание качества являет собой наблюдаемую в мире операцию, как раз и относится к современному обществу. Именно это, в конечном счете, и фиксируется ради научных целей по-

XI. Притязания на рациональность 191

нятием аутопойетической системы коммуникаций. Ведь данное понятие применительно к обществу указывает на то, что *все* коммуникации - рациональные, иррациональные, арациональные или отвечающие любым другим критериям - продолжают аутопойезис общества. Это еще не должно означать, что следовало бы отказаться от ожиданий рационального и подступать к реальности безо всяких критериев. Разрушение староевропейского понятия не должно означать и того, что вместе с ним исчезла и сама проблема; недостаточность прежних реконструкций может восходить к переходному положению и отсутствию удовлетворительной теории общества. Даже естественные науки, даже физика сегодня уже не видят никакой возможности предоставить в распоряжение общества основания для

рациональных суждений в форме достоверного знания⁷.

Когда благодаря этому критерию для рациональности становятся ненадежными, что, в свою очередь, рикошетом ударяет по понятию рациональности, на передний план выходят "плюралистические" решения. Составление списка критериев (и не только определение предпочтений, как это предлагается теорией рационального выбора (rational choice)) зависит в этом случае от того или иного наблюдателя, который описывает поведение в качестве рационального или нерационального. Однако тем самым не предлагается никакого стабильного решения, а проблема лишь разлагается на составляющие. Восстановление единства во множестве наблюдателей повлекло бы за собой выдвижения обязательного для всех требований, согласно которым выставление своих критериев рациональности должно в свою очередь отвечать собственным критериям рациональности (то есть, к примеру, в утилитаризме следует обосновать полезность самого утилитаризма). Для подобных рефлексивных кругов сегодня все-таки еще отсутствуют логические и теоретические средства - не говоря уже о вопросе, *каким* образом они должны регулироваться в повседневности. Во всяком случае, для более взыскательного понятия рациональности, реагирующего на это, классическая двузначная логика оказывается недостаточной⁸. Понятие должно было бы вбирать в себя наблюдателя, который судит о рациональности, а следовательно,

192 Никлас Луман

уметь по новому формулировать проблематику на уровне наблюдения второго порядка.

Как всегда в подобной ситуации, мы можем реагировать лишь четкими абстракциями. Если следовать предложенному здесь дифференциально-теоретическому подходу, то проблему рациональности можно было бы искать в вопросе о единстве того или иного используемого различия. Оптимизация отношения целей и средств или согласия Эго и Альтера, а также рациональность взаимопонимания в смысле Хабермаса были бы тогда лишь особыми случаями всеобщего принципа, а теория систем с ее формой, ее различием системы и окружающего мира могла бы заявлять о своих притязаниях на рациональность. По мере разложения согласования социальной структуры и семантики традиционного общества, а также и устранения обязательного характера задаваемых этим очевидностей, становится возможным более свободное образование понятий. Проблема рациональности может быть сформулирована более абстрактно. Сегодня она уже не может постигаться как направленность на формы жизни некоторого центра или некоей верхушки, а значит, и как приближение к некоторой идее, как выполнение или отклонение нормативного требования. Размывание подобной идеальной понятийности затрагивает, в конечном счете, и противоположную понятийность всякого рода несовершенной, испорченной, отклоняющейся и сопротивляющейся реальности. Разлагается традиционная форма рациональности, то есть различие, одну из сторон которого она маркирует. Вместо этого, проблема отношения реальности и рациональности приобретает, в конце концов, актуальность именно потому, что всякая являющаяся наблюдением познавательная и деятельностная операция требует различия для того, чтобы иметь возможность обозначать одну (а не другую) сторону формы. Свое различие, управляющее наблюдением, данная операция должна использовать как дифференцию (а не как единство, не в виде неразличности различенного и не в том, что является общим для обеих сторон). Оно как раз и не может применяться диалектически в смысле Гегеля, а в качестве наблюдения должно само исключать себя из того, что оно наблюдает. При этом

XI. Притязания на рациональность 193

наблюдатель становится исключенным третьим, безотносительно к тому, какое он использует различие. Однако именно он и только он, все-таки, гарантирует реальность своих собственных операций, проводимых своим аутопойезисом, а тем самым - гарантирует и реальность всего того, что он при этом - в модусе одновременности - вынужден предполагать в качестве мира! Практика обозначающего различия не проявляется в этом различии. Она не может получить обозначения; разве только благодаря другому различию. Она есть слепое пятно наблюдения - *и именно поэтому она является местом его рациональности.*

Так поставленная проблема не обнаруживает никакого удовлетворительного решения. Не помогают и новые усилия по различению мышления и бытия, или субъекта и объекта. Теория не способна очистить саму себя, считая парадоксальным исключительно свой объект, то есть, в данном случае, - общество, таким образом, словно выводя парадоксальность из-под рассмотрения ради собственного высвобождения. Ибо все понятия, при помощи которых она анализирует свой объект (систему, наблюдение, слепое пятно, смысл, коммуникацию и т. д.), относятся и к ней самой. Уровень анализа, к которому мы приступили в ходе предшествующих размышлений, требует от нас автологических заключений. Но именно в силу того, что проблема рациональности сформулирована парадоксально, равно как и того, что коммуникация по поводу рациональности возможна лишь как парадоксальная коммуникация, можно распознать те выходы и вспомогательные средства, которые исходя из данной перспективы могут считаться функционально рациональными. Благодаря отношению к фундирующему парадоксу проблема рациональности расщепляется. Именно из того, что парадоксальность ни к чему, кроме нее самой, не приводит, и вытекает то, что благодаря отношению к этой непреодолимой *в ходе наблюдения* проблеме нечто должно происходить, причем происходить *в виде операций*. И это даже уже произошло! Ибо всякая парадоксальность является парадоксальной лишь для некоторого наблюдателя, который уже систематизировал свои наблюдения. Иными словами, парадоксальность не может' раз-

194 Никлас Луман

вертывать" себя саму; она обнаруживается в наблюдении, но всегда - лишь на основе различения, которое, отказавшись от вопроса о своем собственном единстве, уже изначально осуществило ее развертывание. К примеру, с помощью различения системы и окружающего мира. Мировой процесс можно привести в движения только самим ходом операций. Или, как гласит теорема Хайнца фон Ферстера: "*Мы* можем решать лишь *те* вопросы, которые являются принципиально неразрешимыми"⁹.

Средство выхода, применяемое в качестве разрешения некоторой парадоксальности, можно обозначить при помощи понятия *повторного входа формы в форму* или же *различения - в различенное*¹⁰. Поскольку форма в форме одновременно и является формой, и не является таковой, речь идет о парадоксе, однако - о развернутом парадоксе, ведь можно выбирать различения (и не все они подходят для этого), повторный вход которых может получить интерпретацию. Наблюдатель такого повторного входа имеет в этом случае двойную возможность: с одной стороны, описывать систему изнутри ("понимая" свое самописание), а с другой стороны - извне, то есть занимать как внутреннюю, так и внешнюю позицию¹¹. Это и понятно: он не может совершать и то, и другое одновременно, поскольку при этом он должен использовать различение внутри/вовне. Однако эта невозможность может компенсироваться возможностью наблюдать собственное наблюдение из другой соответствующей позиции.

Оглядываясь назад, мы теперь можем понять, что эта фигура "повторного входа" формы в форму - как таинственная структура - уже изначально лежала в основе понятия рациональности, не имея, однако, возможности стать аргументом¹². Так, стали различать между бытием и мышлением, а от мышления как условия рациональности потребовали соответствия бытию. Рациональность, в этой официальной' версии, и была самим этим соответствием; и именно применительно к этому мы и говорили выше о староевропейской непрерывности рациональности. Но ведь мышление - до изобретения вне-мирового субъекта, взорвавшего староевропейскую традицию - должно бы было

XI. Притязания на рациональность 195

и само являться существующим. Итак, в основе различения бытия и мышления лежал повторный вход различения в то, что на его основе уже было отличено - в мышление. Но не являлась бы в таком случае уже данная фигура неким таинственным изначальным основанием притязаний на рациональность? То же самое относится и к различению природы и действия, которое смогло достичь своего схождения лишь в предположении, согласно которому действие лишь тогда считается рациональным, если оно соответствует своей собственной рациональной природе. Но в представлении рациональности как схождения эта структура не

могла подвергаться рефлексии. Поэтому староевропейская традиция порождает лишь параллельную онтологию бытия и мышления, природы и действия. Их связь она могла лишь предполагать - и благодарить за это Бога.

В таком случае, традиции противостоит лишь *открытие* этого повторного вхождения¹³. Оно предполагает наличие более абстрактных понятийных средств, которые затем, со своей стороны, дают импульс для дистанцирования от антропологической версии рациональности, формулирующейся в понятиях мышления и действия, а также для перехода к более формальному системно-теоретическому изложению.

Если целерациональность как форма копируется, прежде всего, в саму себя, то это означает, что рациональность сама мыслится в качестве средства. Но, в таком случае, - ради какой цели? Очевидно, теперь сама цель должна проявиться вовне с тем, чтобы рациональность могла ей служить. Это уже было подготовлено различием цель/мотив. Двигаясь далее, можно было бы утверждать, что рациональность служит для рационального самопредставления - или же для легитимации или для обоснования действия. Во всех этих вариантах рациональность, видимо, предстает в геделевской интерпретации. Она опирается на *внешне* задаваемый смысл для того, чтобы иметь возможность *внутренне* представлять себя как замкнутую, как полноценное различие¹⁴. Вовлечение этого внешнего образца в исчисление может только воспроизводить проблему. (Поэтому это ведет не дальше устремлений Рассела и Тарского решить проблему через различие (!) уровней.) Поэтому рацио-

196 Никлас Луман

нальность вместе с процессом ее повторного вхождения изначально является "идеологией". Она сохраняет соотнесенность с операциями, которые сама она не может ни совершать, ни обосновывать. Ведь всякое повторное вхождение приводит систему в состояние "неразрешимой неопределенности" (unresolvable indeterminacy)¹⁵.

Подобное истолкование судьбы современной рациональности может быть дополнено и уточнено при помощи системно-теоретического анализа. Применительно к различению системы и окружающего мира это правило повторного входа требует, чтобы различие системы и того, что ее окружает, вновь осуществлялось в системе. *В рамках* системы! Следовательно, не требуется никакого объятия более широкой системы, никакой последней гарантии рациональности со стороны мира, а значит, и никакого "господства" как формы ее реализации. Сама система порождает и наблюдает эту дифференцию системы и окружающего мира. Она порождает ее, осуществляя операции. Система наблюдает ее благодаря тому, что оперирование в контексте собственного аутопойезиса требует различения само-референции и ино-референции, которое затем может "объективироваться" в различие системы и окружающего мира. Система, как и прежде, способна подсоединять свои собственные операции лишь к собственным операциям, однако ориентирующую их информацию она может заимствовать либо у себя самой, либо у своего окружающего мира. Нет сомнений в том, что это реально возможно в том числе (и прежде всего) для операционно закрытых систем. При этом речь идет об операционном испытании - испытании в том смысле, что его осуществление порождает дифференции, которые в форме систем либо находят, либо не находят своего продолжения.

Весьма сходные соображения можно сформулировать в понятийности современной семиотики. Здесь первичная дифференция представляется, прежде всего, знаками. Рациональным считается усилие по прочтыванию мира при помощи относительно незначительного количества знаков, которыми, однако, можно образовывать практически бесконечное множество комбинаций. Традиция мыслила знаки как референцию, как указа-

XI. Притязания на рациональность 197

ние на нечто наличное, нечто "присутствующее". Критика этой традиции, например, у Жака Деррида, придерживается одного лишь операционного факта "take off", замещения, производства "différence" посредством "différence". Своим существованием знак обязан своей другой стороне, которая не используется для обозначений, - "неразмеченному пространству" Спенсера Брауна, "белому цвету" бумаги, тишине, в которой отмечаются звуки¹⁶. Поддержание тихости тишины

было и остается предпосылкой комбинационной игры знаков, использующей собственные различия. Мы видим, что дифференция порождается индифферентностью. Но только лишь функциональные различия не являются последним различием даже и в том случае, если их сумма подводится под различие системы и окружающего мира. Или, словами Глэнвилля: "Если осуществлено финальное отличие (the ultimate), то тут же уже, либо интенсивно, либо экстенсивно, осуществлено и другое отличие, а именно — отличие, состоящее в том, что финальное отличие *не* является финальным отличием, поскольку, в обоих случаях идентичное по форме, оно требует, чтобы было проведено еще одно отличие; то есть существует формальная идентичность, которая присоединяет повторное вхождение"¹⁷.

Если следовать предложенному выше понятию, то системная рациональность требует подобного повторного вхождения формы в форму. Тем не менее одного этого для достижения рациональности еще не достаточно. Кроме того, мы должны учитывать и то, что рациональность должна определяться и достигаться в контексте некоторого различия реальности. Следовательно, своим существованием она, в свою очередь, обязана различению, которое не является последним различием. В условиях реальности должен продолжаться аутопойезис. Если это не так, то не возникает и соответствующей реальности. Оперировав аутопойетически, система совершает то, что она совершает, и ничего кроме этого. Следовательно, она проводит некоторую границу, образует форму и оставляет в стороне все иное. После этого подвергшееся исключению она может наблюдать как окружающий мир, а саму себя - как систему. Руководствуясь различием само-референции и ино-референции, сис-

198 Никлас Луман

тема способна наблюдать мир, а осуществляя это, она может продолжать собственный аутопойезис. Самонаблюдение никогда не будет в состоянии аннулировать то, что произошло, ибо оно само использует и продолжает это в контексте аутопойезиса. Оно также никогда не сможет встать вровень с тем, что оно автологически произвело в качестве дифференции. В реальном оперировании оно разделяет мир, немаркированное пространство на систему и окружающий мир, но этот результат ускользает от наблюдающего постижения так же, как, в традиционной терминологии, ни одно око не в состоянии узреть "plenitudo entis". После этих изменений в формулировках проблема рациональности уже не выглядит парадоксальной, ибо она оказывается невозможной.

И все-таки здесь имеется то преимущество, что можно поразмышлять над потенциальными подходами. Система способна увеличивать собственную комплексность, а тем самым -раздражимость. Она может дополнить различие система/окружающий мир дальнейшими различиями на обеих его сторонах и таким образом расширить возможности своих различий. Она может повторно использовать обозначения, тем самым сконденсировать референции или же отказать от их использования, тем самым их аннулируя. Система может вспоминать и забывать, реагируя таким образом на частоту раздражений. Все это может обогащать повторное вхождение различия в различное, а также оснащать его более комплексными возможностями подсоединения. В отличие от традиционных концепций, здесь речь не идет о приближении к некоторому идеалу, большей справедливости, лучшем образовании, самовоплощении субъективного или объективного духа. Не утверждается и достижение единства (ведь, как уже говорилось, это было бы возвращением в парадоксальность или ее замещение - невозможность). Системная рациональность означает следующее: оставлять различие (а именно, различие системы и окружающего мира) на произвол реальности и подвергать его проверке.

Это можно уточнить на примере экологических проблем современного общества. Прежде всего, следует исходить из того,

XI. Притязания на рациональность 199

что рыночная экономика, к примеру, функционирует как операционно закрытая система и поэтому не может в то же самое время подвергаться оптимизации в качестве "экологической системы" (если последняя вообще является системой)¹⁸. Игнорирование этих условий, разумеется, было бы не рациональным. Это означало бы проявление слепоты. Проблемы не могут решаться и через отказ от

вмешательства в окружающий мир или вообще через устранение дифференции системы и окружающего мира, то есть через приостановку функционирования общества. Это бы означало - стремиться к рациональности как финальной катастрофе. (Нетрудно представить себе и меньшие форматы того же принципа; скажем, предложение о приостановке производства энергии, химического производства и т. д.) Рациональное обращение с проблемами может быть достигнуто только в обществе и только при условии продолжения его аутпойезиса, а это непременно влечет за собой и сохранение данной дифференции. Та же самая проблема воспроизводится и внутри общества на уровне его отдельных функциональных систем. И здесь шансы на рациональность также состоят в сохранении и в использовании дифференций, а не в их устранении. Раздражимость систем может усиливаться, а это может иметь место лишь в контексте процесса само-референциально закрытых операций. Но именно на это и направлена теория систем, когда она рассматривает различие системы и окружающего мира как форму системы. Благодаря этому экологические проблемы, и в том же самом смысле и общечеловеческие проблемы, входят в центральное ядро теоретической концепции в большей степени, чем в любой другой теории общества. Эта концентрация на дифференции заостряет понимание названных проблем на основе метода, который лишает всякой надежды на то, что все они могли бы решиться и - благодаря этому - исчезнуть. Лишь если признать это, то можно рассматривать данные проблемы как рабочие программы и попытаться улучшить позицию общественной системы в отношении к ее человеческому и нечеловеческому окружающему миру в соответствии с такими критериями, которые должны конструироваться и варьироваться в самом обществе.

200 Никлас Луман

В то же время, эти соображения делают очевидным то, насколько сильно проблема рациональности современности связана с формой дифференциации системы общества. Если современное общество при переходе к преимущественно функциональной дифференциации должно отказаться от ведущей системы, то оно не способно породить и никакого единого притязания на рациональность для себя самого. Это не исключает того, что функциональные системы (каждая для себя) попытаются подвергнуть рефлексии единство дифференции системы и окружающего мира. При этом следует привлечь к рассмотрению естественный и человеческий мир системы общества, ведь как экологическая, так и гуманистическая восприимчивость демонстрируют эти возможности и их границы. Но и в этом вопросе следует, все-таки, разводить системные дифференции: ни одна функциональная система не способна рефлексировать в себе общество, поскольку это потребовало бы соучитывать операционные ограничения всех остальных функциональных систем во всех деталях¹⁹. Общественная рациональность в современных условиях является утопией в буквальном смысле слова. У нее больше нет никакого местоположения в обществе. Но об этом, по меньшей мере, еще можно знать, и, само собой разумеется, ничто не говорит об обратном: однако именно этот аргумент требует того, чтобы в общественных функциональных системах начиналось более интенсивное рассчитывание совокупного внешнего мира общества. Ведь никто другой этого сделать не сможет.

Системная рациональность в этом - опирающемся на парадоксальность наблюдения - смысле вовсе не претендует на титул "разума". Для понятия с такого рода полномочиями отсутствует субъект. "Разум" являлся титулом, указывавшим на неведение в отношении противоречий между целями и средствами. В этом смысле разум считался невинным. Он славословит себя, будучи "критическим". Но, все-таки, пафосным эпитетом "критика" прикрывается такая слабость, которую сегодня уже невозможно игнорировать. Разум зависит от того, что состояния мира, то есть практически - тексты, предлагают ему нечто для суждений. Однако проблема состоит в том, что критика

XI. Притязания на рациональность 201

некоторого состояния не приводит к рациональному концепту его изменений. Ныне это видно повсюду - в планировании производства на предприятиях и в экологической политике, в проектировании произведений искусства и теорий, отклоняющихся от ординарного. Повсеместно предполагается наличие рутины, которая дает возможность понять потребность в изменениях и, благодаря этому,

распознать, где можно предпринимать операционные вмешательства. Из всего этого, однако, не вытекает никакого указания на рациональность изменений, не говоря уже о концепции для рационального приспособления к изменениям. Критика рутины, скорее, разлагала бы основания познания в отношении восприятия потребности в изменениях. Это могло бы быть одной из причин того, почему теории эволюции всегда удивляют нас именно там, где нельзя притязать на рациональность.

Но разум нельзя понимать и как набор критериев (или инстанцию для их установления), согласно которым до и после коммуникации можно *опознаваемо* зафиксировать, следует ли ее принимать или отклонять. Принятие или отклонение всегда представляют собой некоторую новую, самостоятельную коммуникацию. Поэтому разум может подвергаться, по крайней мере, ретроспективному цитированию для символизации удавшегося понимания, что используется, прежде всего, в тех случаях, в которых хотят отвлечься от ситуаций, обусловленных интересами.

Если рассматривать основополагающую парадоксальность процесса наблюдения и повторного входа различений в самих себя, то проблема слепого пятна, конечно же, остается, а значит - остается и необходимость вуалировать парадоксальность. Всякое наблюдение должно разворачивать свою собственную парадоксальность, то есть заменять ее достаточно функциональным различением. Всякая теория, притязающая на то, чтобы описывать мир, и в этом смысле стремящаяся получить универсальное значение, должна соучитывать эту необходимость вуалирования. Следовательно, теория должна принимать это во внимание, по меньшей мере, применительно к другим теориям (как их "идеология", как их "бессознательное" или как их

202 Никлас Луман

"потребность в скрытности"). Таким образом, ее следует формулировать на уровне наблюдения второго порядка. Но тогда невозможно избежать "автологического" ретроспективного вывода, восходящего к собственному наблюдению.

Теперь, с ретроспективной точки зрения, можно лучше понять, почему следует отказаться от непрерывности рациональности староевропейской традиции. Всякое наблюдение (включая познание и действие) сохраняло и сохраняет связь с отбором различения, но отбор с неизбежностью означает, что нечто следует оставлять без внимания. В двадцатом столетии для этого применялись такие названия, как *прагматизм, историцизм, релятивизм* или *плюрализм*. Они, все-таки, формулировались как ограничения универсалистских притязаний на рациональность. Но если каждое наблюдение вынуждено разрешать собственную парадоксальность, однако вместе с тем не может предложить никаких разумных (невинных) оснований для этого, то теоремы о неполноте всякого рода теряют свою особую нотку отставания" от того, что само по себе выступает в качестве предмета устремлений. В настоящее время необходимо исходить из универсальности избирательного принуждения, из универсальности различения и проведения границ, а разум, не желающий этого признавать, оказывается, тем самым, на пороге тоталитарной, если ни террористической, логики. Он также содержит в себе (хорошо скрытую) теорему вуалирования. Ведь он не может указать на то, что должно происходить с теми, кто никак не может понять предложений разума.

Видимо, рациональность была спасительным местом, ориентируясь на которое все еще можно было верить в последнюю гармонию и при возрастающей комплексности общества (экономика еще и сегодня извлекает из этого выгоду, когда свое самописание она узаконивает предположениями о рациональности ее практики принятия решений). Исходя из этого очевидно и то, что перспектива рациональности одновременно фиксирует и разложение этого представления о последней гармонии: сначала благодаря предположению о "невидимой руке", гарантирующей хорошие результаты, затем - через эволюционную теорию - вплоть до релятивизации на основе субъектив-

XI. Притязания на рациональность 203

ных предпочтений, которые хотя и могут предполагаться в качестве социально взаимозависимых, но даже и в этом случае - не в качестве стабильных. Наконец, можно даже засомневаться и в том, выдерживает ли критику отнесение проблемы

рациональности к индивиду - будь то в смысле рационального выбора или в смысле коммуникативного взаимопонимания. Ведь, может быть, и это является лишь элементом традиции; можно было бы, пожалуй, ожидать рациональности от членов, принадлежащих некоторой организации или профессии, но едва ли от частных лиц в их частной жизни. На этой нисходящей линии социология не может служить опорой, и тем более при обращении к таким понятиям, как "этика", "культура" или "институт". Тем не менее теория систем может воспользоваться релятивизацией системных референций, а также задаться следующим вопросом: отнесение к какой системе делает проблему рациональности наиболее значимой? В этом случае ответ мог бы быть однозначным: отнесение к всеохватывающей социальной системе общества и к ее формам дальнейшей спецификации чрезмерно общих критериев, а именно - организаций и профессий.

Этим, правда, еще не утверждается, что через нормы, правила или директивы общество могло бы давать рамочные руководства для того, что служит предикатом рациональности для частных систем общества. В любом случае, общество управляется, как мы еще неоднократно увидим, такими колебаниями, которые принуждают функциональные или региональные системы к переработке раздробленных структур, а тем самым - к самоорганизации. Свою роль здесь могут играть совершенно иные парадоксы и совершенно иные различия, во всяком случае, другие различия само-референции и ино-референции. Это следует оставить на долю конкретных исследований. Однако этим ничего не меняется в том обстоятельстве, что понятие рациональности, в первую очередь, следует соотносить с системой мирового общества, если при этом желают понять, *как* этот контекст может воспроизводиться применительно и к другим системным рациональностям.

Но какие бы не принимались решения о понятии рациональ-

204 Никлас Луман

ности и его условиях, отсылка к рациональности в текущей коммуникации служит для того, чтобы маркировать невозможность договориться по некоторой позиции. А в этом имеется потребность. Но, вместе с тем, такой образ действий вызывает спекуляции об инертности процесса коммуникаций. Этот процесс не будет отступать от своей темы и обращаться к условиям рациональности только потому, что кто-то утверждает, будто нечто рационально или же нерационально. Даже если понятийное прояснение не приводит к конечному результату, включение отсылки к рациональности в текущую коммуникацию не должно обескураживать. Оно словно является той почвой, которая дает все новую и новую пищу потребности прояснения условий рациональности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛ. XI:

¹ См.: *Annibale Romei*. Discorsi. Ferrara, 1586, p. 58.

² Даже у Канта, как это предполагают некоторые. См.: *Böhme, H., Böhme, G.* Das Andere der Vernunft: Zur Entwicklung von Rationalitätsstrukturen am Beispiel Kants. Frankfurt am Main, 1983.

³ Тем не менее, это было связано с индивидуализацией данного способа коммуникаций, а следовательно, с необязательным и нерескриптурным характером этого решения проблемы парадоксальности. И еще долгое время продолжали настаивать на признаке экстравагантности и своеобычности юмористических выражений, а английский "humour" сначала переводили на немецкий язык как "настроение" (Laune). См. об этом: *Herder, J. G.* Viertes Kritisches Wäldchen. In: *Herder, J. G.* Sämtliche Werke. Bd. 4. Berlin, 1978, S. 182.

⁴ См. в общем виде: *Habermas, J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.

1-2. Frankfurt am Main, 1981.

⁵ Op. cit., Bd. I, S. 23.

⁶ См.: *Simon, H. A.* From Substantive to Procedural Rationality, In: *Latsis, S. J.* (Ed.) Method and Appraisal in Economics. Cambridge Engl., 1976, p. 129-148.

⁷ См. о распаде классических концепций рациональности ввиду универсализации рисков: *Japp, K. P.* Soziologische Risikotheorie: Funktionale Differenzierung, Politisierung und Reflexion. Weinheim, 1996, S. 67. См. о следствиях утери достоверности для притязаний на рациональность: *Phygogine, I.* A New Rationality? In: *Prigogine, I., Sanglier, M.* (Ed.) Laws of Nature and

XI. Притязания на рациональность 205

Human Conduct. Brussel 1987, p. 19-39. Попытка найти выход в том, чтобы вместо этого исходить из вероятностей, является не слишком удачной, поскольку в общественной повседневности отсутствуют возможности для ее исчисления. Можно, правда, принять к сведению, что знакомые вещи и процессы, вероятно, останутся стабильными в их микрофизических свойства, однако из этого не вытекает никакого критического понятия

рациональности.

⁸ См.: *Esposito, E.* Die Orientierung an Differenzen: Systemrationalität und kybernetische Rationalität. In: *Selbstorganisation*, 6 (1995), S. 161-176.

⁹ *Foerster, H. von.* Wahrnehmung. In: *Ars Electronica* (Hrsg.) Philosophien der neuen Technologie. Berlin, 1989, S. 30.

¹⁰ "Повторный вход" в смысле Спенсера Брауна: *Brown, G. S.* *Laws of Form*, p. 56, 69.

¹¹ См. о подобных колебаниях: *Braten, S.* The Third Position: Beyond Artificial and Autopietic Reduction. In: *Geyer, F., Van der Zouwen, J.* (Ed.) *Sociocybernetic Paradoxes: Observation, Control and Evolution of Self-steering Systems*. London, 1986, p. 193-205; *Ost, F., Van de Kerchove, M.* *Jalons pour une théorie critique du droite*. Bruxelles, 1987, p. 30; *Hutter, M.* Die Produktion von Recht: Eine selbstreferierende Theorie der Wirtschaft, angewandt auf den Fall des Arzneimittelpatentrechts. Tübingen, 1989, S. 37.

¹² См. подробнее об этом: *Luhmann, N* Observing Re-entries. In: *Graduate Faculty Philosophy Journal*, 16 (1993), p. 485-498; а также: *Protosoziologie*, 6 (1994), S. 4-13.

¹³ В предложенной Спенсером Брауном версии исчисление форм движется между некоторым закрытым повторным входом в начале и некоторым открытым повторным входом в конце, причем оба они - словно рамочные условия - ускользают от возможности их расчета. В начале вводится оператор как единство обозначения (indication) и различения (distinction) (то есть как различение, в котором - в смысле "совершенной непрерывности" (perfect continence) - и различение предстает в виде того, что требует различения). В конце же это обосновывается в раскрытии фигуры повторного входа, так что этот расчет можно истолковать в качестве модели само-закрывающейся системы, которая ничего не репрезентирует, а лишь воспроизводит себя в своем процессе.

¹⁴ Или, используя определение различения Спенсера Брауна: как "совершенную непрерывность" (perfect continence). {*Brown, G. S.* *Laws of Form*, p. 1}.

¹⁵ *Brown, G. S.* *Laws of Form*, p. 57.

¹⁶ Вслед за Соссюром об этом пишет Ранульф Глэнвилль: *Glanville, R.* Distinguished and Exact Lies ("Lies" - в обоих смыслах этого слова - как *ложь* и как *положение* - Н. Л.). In: *Trapp, R.* (Ed.) *Cybernetics and Systems Research 2*. Amsterdam, 1984, p. 655-662.

¹⁷ *Brown, G. S.* *Laws of Form*, p. 657

206 Никлас Луман

¹⁸ См.: *Revue internationale de systématique*, 4-5 (1994); а также: *Norgaard, R. N.* Environmental Economics: An Evolutionary Critique and a Plea for Pluralism. In: *Journal of Environmental Economics Management*, 12 (1985), p. 382-394. Но этот "призыв к плюрализму" (plea for pluralism), в конечном счете, означает необходимость политических решений, то есть смещение системной референции.

¹⁹ См.: *Kneer, G.* Bestanderhaltung und Reflexion: Zur kritischen Reformulierung gesellschaftlichen Rationalität. In: *Welker, M., Krawietz, W.* (Hrsg.) *Kritik der Theorie sozialer Systeme*. Frankfurt am Main, 1992, S. 86-112.

ⁱ "Сама по себе", "в чистом виде" (лат).

ⁱⁱ Речь идет о теоремах Геделя, из которых (применительно к арифметике) следует, что не существует полной формальной теории, в которой можно было бы доказать истинность всех теорем. Луман обобщает этот подход применительно к социологии. Всякая теория общества или познания (наблюдение) добавляет к предмету своего наблюдения еще один элемент (а именно, свое собственное наблюдение), а поэтому принципиально "не успевает" за своим предметом, и следовательно, сталкивается с проблемой неполноты.

Александр Антоновский. НИКЛАС ЛУМАН: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Все существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс
Максимилиан Волошин

1. ПОРЯДОК ИЗ ПАРАДОКСА - ОСНОВНОЙ ВОПРОС СОЦИОЛОГИИ

Загадочное название фундаментального исследования Н. Лумана "Общество общества", первая часть которого "Общество как социальная система" представлена настоящей книгой*, расшифровывается весьма просто. Речь здесь идет о "теории коммуникаций", причем о такой теории, которая в свою очередь воплощается в коммуникативных актах, предлагается для обсуждения и, как всякая коммуникация, не просто тематизирует, но и манифестирует общество. Ведь само общество, вбирая в себя все коммуникации, получает настолько широкое определение, что его теоретические описания уже не могут осуществляться где-то вне его и, следовательно, образуют часть его самого, а именно, научную подсистему коммуникаций, социологию, теорию познания. Эта парадоксальная самообращенность,

представление об обществе как о "само себя толкующем" - стержневой мотив лумановской концепции. Здесь коренится и фундаментальный мотив всей лумановской методологии: возвращение или вхождение описания предмета в сам предмет описания. Социология ("общество общества"), наблюдая, обнаруживает в своем предмете и себя саму, превращаясь в описание описания. Но в "описании описания" сам первичный предмет рассмотрения словно растворяется. Поэтому из социологии, считает Луман, должны быть изгнаны внешние миры коммуникации - люди, сознания¹, организмы, артефакты, которые теряют свое значение социального факта в его дюркгеймовском понимании: как непреложной необходимости, с которой должно считаться любое социальное взаимодействие и которая ранее полагалась предметом социологии. Не предмет, но его описание, его представление в виде темы, а точнее - сама тематизирующая его коммуникация, отныне становится главным и единственным социальным фактом. Все предметы коммуникации (ее внешние миры: люди, сознания, объекты) могут быть представлены лишь коммуникативно², то есть внутри системы общества, которое, таким образом,

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 209

превращается в замкнутую последовательность соотносящихся лишь друг с другом операций.

В социологию этот кибернетический сюжет привносится Луманом из парадигмы так называемой кибернетики второго порядка, развиваемой в Иллинойском университете австрийско-американским физиком Хайнцем фон Ферстером, чилийскими биологами Умберто Матурана и Франциско Варела и др. Этот кибернетический подход должен был помочь решить классическую, поставленную еще Гоббсом, проблему *источников социального порядка*. Последняя оказывается в каком-то смысле одинаково релевантной как для математики, так и для социологической теории; как для биологии, так и для теории сознания.

В социуме "невероятность" порядка вытекает уже из природы времени. Луман пишет:

"Вопрос состоит в том, как вообще возможна социальность в условиях одновременности (= неконтролируемости); и ответ гласит: благодаря конституированию объектов как собственных значений протекающего во времени процесса поведения"³.

И действительно, нормы, ценности, консенсус, санкции, взаимный интерес, рациональность, власть и все иные гарантии порядка бессильны перед тем, что происходит в настоящем. Но если реагировать можно лишь на прошлое, что же обеспечивает порядок в актуальное мгновение? И с другой стороны: согласия (консенсуса) в обществе может и не быть, но разве перестает оно от этого являться обществом, разве исчезает в ходе конфликта коммуникативное общение, а следовательно, и само общество? Разве асоциальность и аномия локализованы где-то вне его? Разве единственно-возможным определением нормативности не является отсылка к девиантности, к "другой стороне" нормы?

Для ответа на эти вопросы Луман и обращается к системе кибернетических, математических, физиологических и биологических понятий, заимствует понятие собственных значений⁴. И в обществе, а не только в математике, присутствуют собственные значения, под которыми понимаются своеобразные социальные инварианты порядка, и которые не могут быть сведены ни к консенсусу, ни к общим ценностям, ни к рациональности. Эти "собственные значения" и обеспечивают какую-то иную, независимую от консенсуса, интеграцию.

Поэтому для объяснения общественной функции "собственных значений" как инвариантов социального порядка следовало, по мысли Лумана, обратиться к общенаучной методологии, к тому, как они могут быть интерпретированы в рамках других наук: в математике, физике, биологии, нейрофизиологии.

Луман ищет методологические основания для объяснения того, как возникает порядок из рекурсивных, то есть самообращенных коммуника-

210 Послесловие переводчика

ций, как возможен порядок, если обсуждаемые в коммуникациях "объективные" предметы не могут служить основанием для рационально выстраиваемого согласия, поскольку являются результатом самоконструирующей деятельности коммуникации. Коммуникация видит и обращается лишь к себе подобным. Порядок - это результат "циркулярного отношения" коммуникации к коммуникации, ибо лишь в такого рода круговом, замкнутом самоотношении и рождается так называемое "собственное поведение" системы.

Ниже мы сначала рассмотрим структуру коммуникации, а затем обратимся к некоторым методологически важным категориям, релевантным не только для социологии (по крайней мере, в ее лумановской интерпретации), но и носящим междисциплинарный характер. И вообще, для понимания Лумана очень важно увидеть укорененность его идей в более широком теоретико-познавательном контексте.

2. СТРУКТУРА КОММУНИКАЦИИ: ИНФОРМАЦИЯ/СООБЩЕНИЕ, ИНФЕРЕНЦИЯ/САМОРЕФЕРЕНЦИЯ

Коммуникация, единственная общественная структурообразующая единица, согласно Луману, обладает и внутренней структурой, а именно, конституирована тремя элементами: *сообщением, информацией и пониманием*. Впрочем, эти элементы не следует рассматривать как самостоятельные данности, существующие и сами по себе (вне, до или после коммуникации). Правильнее было бы сказать, что коммуникацию делает возможным

отношение этих элементов, конститутивное для нее различие сообщения и информации.

Коммуникация осуществляется там, где имеет место это различие: из сообщения выделяется информация. Осознание этого различия⁵ (и одновременно единства) сообщения и информации представляет собой понимание.

Информация есть "различие, которое порождает различие"⁶. "Сообщающий" из всего массива того, о чем можно было бы поговорить, "посылает" именно данное сообщение (первое различие). "Принимающий" сообщение "извлекает" из него информацию, словно из некоего медиума, выделяет в нем далеко не все то, что стремился сообщить его собеседник (второе различие). Информация есть то, что изменяет эту коммуникацию, вводит или требует присоединения следующей. Когда мне предлагают купить товар, то из сообщения (скажем, рекламного "слогана") я выбираю то, что мне нужно, отсеиваю лишнее, извлекаю информацию о свойствах товара, которая и влечет за собой следующую коммуникацию

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 211

(покупку и платеж).

Проблема же состоит в том, что информация в сообщении сама по себе еще не содержится. Информация, "содержащаяся" в сообщении, есть весьма произвольная конструкция - результат коммуникации, а не обнаружение каких-то свойств или объектов, знаний, которые как-то наличествовали там прежде, еще до начала данной коммуникации. Информацию поэтому нельзя "переработать", "сжать" или "накопить" в памяти, "переписать на другой носитель". То, что в памяти компьютера, человека или же коммуникации "хранится" информация, которую в нужный момент можно было бы "извлечь", является заблуждением⁷. Нельзя путать носители (контейнеры, дискеты, документы, книги, записи), содержащие потенциальную информацию, и саму информацию, которая нигде не хранится, а являет собой актуализирующееся - моментально и только единожды-различие в сообщении, его дифференциацию на то, что остается индифферентным, и то, что требует продолжения (изменения) системы коммуникации. Сообщение в какой-то мере и выступает "носителем", контейнером потенциальной информации; язык, кассета, жесткий диск компьютера - все это функциональные эквиваленты сообщения.

Теперь мы можем ответить на вопрос, что такое память системы (неважно, сознания или коммуникации). Память - это вовсе не хранилище записей. Это структура предпочтений, диспозиций, условие отбора информативного, это система ожиданий, а иногда - весьма произвольный механизм отбора "запомненных" событий и способ конструирования фиктивных историй. В эволюции произошел переход от соматической памяти (реминисценции, требующие буквального воспроизведения) к адаптивной, конструктивной памяти. (Хорошей иллюстрацией в этом отношении является память Баудолино - героя одноименной книги Умберто Эко.) Одна из ключевых идей Лумана состоит в том, что "коммуникация является определенным типом наблюдения мира". Здесь нет никакой мистики или метафизики. Коммуникация наблюдает то, что своими различиями реагирует на различия во внешнем мире (скажем, на коммуникации в других от-дифференцировавшихся социальных системах). В этом и состоит наблюдение. Тем самым актуализируется различие между системой и ее внешним миром. Но различий во внешнем мире системы самих по себе, то есть различий "объективных" и независимых от системы, не существует. Импульсы, ирритации исходящие из него, лишь в том случае получают релевантность, если они отбираются самой системой, своими внутренними селективными механизмами превращающей их в информацию. Различия привносятся в мир наблюдателем.

Понимание в коммуникации, по Луману, есть "осознание" различий между сообщениями (внешней стороной формы) и тем, что из них отобрано - информацией (внутренней стороной формы). Для самой простой

212 Послесловие переводчика

коммуникативной системы (для интеракции) это может выглядеть так: некто (Альтер) заводит разговор о погоде. В этом сообщении актуализируется инореференция, поскольку темой служит внешнемировая реальность. Реферируя поступившее сообщение, Эго делает вывод и высказывает упрек, что Альтер считает Эго неинтересным человеком, с которым кроме погоды нечего больше и обсуждать. Т.е. из сообщения Альтера Эго черпает информацию, отбрасывая то, что Альтер, может быть, хотел сообщить, и именно это направление коммуникации по новому пути. В коммуникативном вкладе Эго реализовалась опция *самореференция/инореференция*. В сообщении Альтера Эго мог выбрать первую опцию и продолжить тематизировать "погоду" (инореференция). Он же своим упреком актуализирует самореференцию, ибо темой коммуникации становится характер протекания самой коммуникации. Вместо вопроса о том, "что" говорят в коммуникации, релевантность получают вопросы о том, "зачем" это говорится. Тем самым осуществился переход границы формы. Как только зафиксировано это различие, произошло понимание (неважно, адекватное или нет) и, исходя из этого понимания, происходит следующее коммуникативное высказывание Эго. Эго "понял" коммуникацию, ибо "осознал" различие

сообщения и почерпнутой в нем информации. При этом сознания как Альтера, так и Эго остаются когнитивно-недоступными внешними мирами коммуникации. Поэтому проверка своего коммуникативного понимания на достоверность (в данном случае - на его соответствие действительному потоку мыслей Альтера) невозможна дефинитивно, остается коммуникативной реконструкцией сознания как внешнего мира коммуникации.

Для более продвинутой системы коммуникаций, скажем, для социальной системы науки, инореференцию (открытость этой системы) манифестируют научные теории, ибо в них тематизируются реалии внешнего мира, тогда как научные методы определяют характер протекания научных исследований, а следовательно, и научных коммуникаций, и в этом смысле репрезентируют самореференцию науки, ее замкнутый характер.

Для лучшего понимания того, что обеспечивает рекурсивную связь коммуникаций, или, как выражается Луман, их "подсоединение" друг к другу, следует обратиться к источникам лумановской методологии.

3. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ ЛУМАНА

3.1 Системная рекурсивность и системная замкнутость

Систему понятий⁸, которые легли в основу социологической теории Лумана и дали возможность формального описания закрытого системного процесса, который можно было бы назвать "наблюдением наблюдения с исчезновением наблюдаемого", предложил австро-американский биолог, физик и кибернетик Хайнц фон Ферстер. Элиминация исходного аргумента и волшебное появление "собственных значений" и является следствием самоприменимого, или рекурсивного, характера выражений или операций.

Рекурсивность есть обращение к результатам предшествующих операций как к основанию последующих. "Собственные значения" в социальном и биологическом поведении в каком-то смысле аналогичны так называемым "собственным значениям" в математике или физике.⁹

Обобщает это следующая формализация, предложенная фон Ферстером¹⁰. Рекурсивность в наблюдении состоит в том, что наблюдение (observation) какого-то положения дел (obs_1) есть результат предшествующей деятельности по координации (coord) (то есть трансформации, конструированию, модификации) с начальным положением дел: $Coord(obs_0)$.

$Obs_1 = Coord(obs_0)$.

$Obs_2 = Coord(obs_1)$, отсюда

$Obs_2 = Coord(Coord(obs_0))$, Конечная формула гласит:

$Obs = coord(coord(coord(coord...))$

Эта формула показывает, что сам вопрос о предмете наблюдения (или, словами Лумана, "что-наблюдения") элиминирован. Релевантным остается лишь вопрос "как-наблюдения", то есть вопрос о том, посредством каких операций осуществляются наблюдения.

Обобщая, можно сказать: "собственные значения" представляют собой своеобразные различия, "дифференции", средства наблюдения, которые, различая, только и конституируют элементы (различия) и благодаря этому делают их наблюдаемыми. Мы видим только различия, но не видим различий, то есть того, с помощью чего формируются различия (объекты, слова, идентичности, понятия и т. д.). Так, в случае знаменитой проблемы "квадратуры круга" наблюдению и измерению доступны диаметр и окружность, в то время как конституирующее их отношение (их единство), а именно "собственное значение" я оставалось ненаблюдаемым.

Этот общий методологический подход Луман использует, пытаясь найти "собственные значения" и в социальном мире. И здесь должны обнаруживаться такого рода "латентные медиумы", являющиеся и результатом рекурсивных процессов (коммуникации, обращающейся к коммуникации), и средством для их конструирования. Такими средствами оказываются коммуникативные коды-различия, обеспечивающие рекурсивность коммуникаций, замкнутый характер социальных систем, их диф-

214 Послесловие переводчика

ференциацию, то есть подсоединение одних внутрисистемных коммуникаций к другим внутрисистемным коммуникации: политических - к политическим, научных - к научным, массмедийных - к массмедийным. Сами эти коммуникативные коды как "средства различия" и наблюдения, связывающие элементы системы в единство, остаются ненаблюдаемыми (по крайней мере, на уровне простого наблюдения). Наблюдать их можно лишь на уровне наблюдения наблюдения (наблюдения второго порядка).

"Собственные значения", как уже говорилось, являются результатом автологических, самоприменимых процессов. Их функция как раз и состоит в обеспечении автономности этих процессов, их независимости от внешних воздействий, закрытости системы и ее дифференциации и от-дифференциации. Так, "власть" (коммуникативный код и "собственное значение" в политической системе) ориентирует политические коммуникации, так чтобы они не зависели от "внешнего мира"¹¹ (индивидуальных желаний, физиологически фундированных влечений, а также от коммуникаций в других социальных системах, науки, экономики, интимных отношений, религии, искусства, являющихся в обществе "внутренними внешними мирами" и т. д.

Но в условиях от-дифференциации социальных систем их независимость от "внешнего мира" одновременно требует и своего рода "подчинения", ориентации исключительно на свой собственный внутрисистемный код, являющийся одновременно и следствием бесконечно выстраиваемой сети коммуникаций и средством (причиной), обеспечивающим такое выстраивание.

Самым простым определением закрытого характера системы было бы совпадение начала и конца ее операций, их причин и их следствий. Система должна возвращаться к заданному состоянию. Например, "деньги" (коммуникативный код и "собственное значение" в экономической системе) являются и причиной, и следствием "платежа" как элементарной экономической операции. Однако здесь мы, по видимости, сталкиваемся с парадоксом, поскольку - обуславливаемая закрытым характером оперирования - автономия системы теряет в своей свободе, если начало ее операций должно как-то "совпадать" с результатами предыдущих операций и наоборот. Ведь в этом и состоит ее закрытый характер. Но как совместить эту автономию системы и замкнутый характер системных операций? Закрытость - как совпадение начала и завершения операций - как раз и требует появления собственных значений, обеспечивающих от-дифференцированность¹².

Итак, системы коммуникаций не зависят от ее внешнего мира уже в силу того факта, что ее конструкции произвольны. Им ничего не соответствует в реальном мире. Коммуникация приспосабливается не к внешне-

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 215

му миру, а только к развившимся в ее рамках институциям (кодам, ожиданиям - своего рода "генотипу коммуникации"). Это не означает отсутствия каузальных воздействий внешнего мира на коммуникацию (без воздуха, транспортирующего звуки и без бумаги, переносящей письменные знаки она, естественно, не состоялась бы). Но она не является приспособлением к внешнему миру, подобно тому, как и индивидуальный организм не может приспособливаться к среде, не может вырваться из рамок, задаваемой генной информацией. Следует говорить не о процессе приспособления к нему его от-дифференцировавшихся форм (например, приспособления форм жизни к химическому и физическому миру, коммуникации - к сознанию и к жизни как ее внешним мирам), но об обратном процессе: о диверсификации мира, об усилении его выделяющихся, отклоняющихся форм.

Можно следующим образом очень приблизительно реконструировать этот процесс и проиллюстрировать развитие *самореференциальных описаний*, их от-дифференциацию от *инореференциальных реакций* в эволюции живых систем.

Первой познавательной релевантной биологической дифференциацией у одноклеточных можно считать появление *аксона*, что привело к отделению "места познания" от "места реакции" и, соответственно, отделило время познания от времени реакции. Исчезла пространственно-временная "непосредственность реакции", появилось своего рода время для "обдумывания"¹³. Образование аксонов¹⁴ (дегенерировавших мускульных волокон) и синапсов, привело к отделению рецепторного слоя (отвечающего за инореференцию системы организма) от всех остальных нейронных сетей, в которых актуализируется самореференция, сетевая трансляция электрохимических импульсов, "описание описания..." и т. д.)¹⁵, отделило сенсорное от моторного. Возникает закрытая рекурсивная сеть. "Восприятие внешнего мира" в этой рекурсивной сети нейронов являет собой весьма специфический процесс и, скорее, может интерпретироваться как собственная конструкция последних. В чем же состоит тогда эта конструирующая нейрофизиологическая активность?

3.2. Повторное вхождение (re-entry) и его нейрофизиологическая интерпретация

Ученик фон Ферстера Умберто Матурана¹⁶ показал, что само визуальное восприятие состоит не в восприятии каких-то качеств, а в восприятии различий, "восприятии невосприимемого". Ведь передаваемый рецептором импульс (через два так называемых эксцитарных синапса) гасится двумя тормозящими (ингибиторными) синапсами (следствием ак-

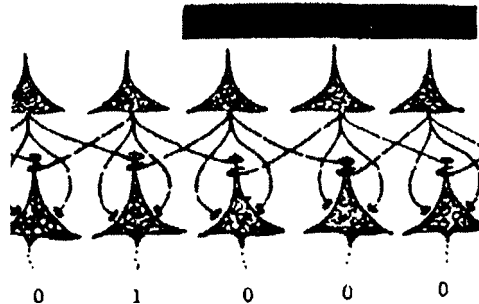
216 *Послесловие переводчика*

тивности соседних нейронов) (См. рис. 1).

Рис.1

Рис.1 Лишь в силу того, что ингибиторный синапс под номером 1 не оказывает тормозящего воздействия на соседний рецептор, т. е. ничего не воспринимает, оказывается возможным восприятие границы темного объекта.

Лишь на границе воспринимаемого темного объекта тормозящих (ингибиторных) сигналов становится меньше. Этот процесс можно назвать "повторным входом" (re-entry). В данном случае лишь "другая сторона" воспринимаемого объекта делает возможным его восприятие. Должно как-то проявиться именно отсутствие сигнала (пустота, "ничто"), которое является условием возможности восприятия и познания в широком смысле. Именно в этом смысле невоспринимаемое, другая сторона, отброшенное, фоновое становится необходимым условием восприятия. И в этом смысле оно повторно входит внутрь формы („re-entry“).

Как мы увидим позже, эта "другая сторона формы", горизонт (контекст, фон) всего того, что встало в центр актуального внимания, делает возможным существования мира¹⁷-потенциального ресурса для отбора актуального, что в свою очередь только и делает возможным селективные и самореференциальные процессы. Пример ингибиторных синапсов еще раз показывает, что не внешний мир, а именно, его игнорирование ("потенциализация") обеспечивает возможность восприятия и его рекурсивной трансляции по нейронным сетям.

Таким образом, реальность, которую конструирует организм, является результатом исчисления (селекции), проведения разграничений (между двумя сторонами формы, актуальным и потенциальным, воспринимаемым и невоспринимаемым), осуществляющихся так, чтобы различие повторно вводилось в отличное (в систему, выделяющую себя из внешнего мира). Различие, дифференция есть единство различного. Данный аксон (под номером 1 на рис. 5) как раз и служит наглядным представлением такого рода единства различного, ведь он представляет другую внешнюю сторону, некую "пустоту", „слепое пятно“, отсутствие сигнала, но эта пустота "используется" на внутренней стороне формы (reentry). Это "единство различий" внешнего и внутреннего вновь операци-

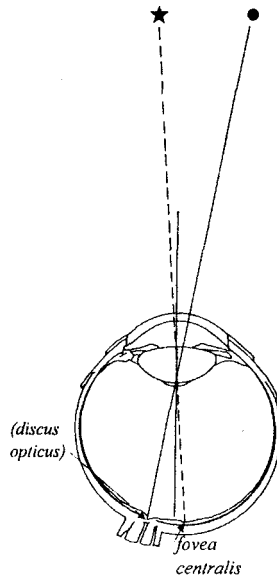
Никлас Луман: Эпистемологические основания... 217

анализируется внутри формы.

Осуществляемое рецепторами "описание" двумерной проекции в ходе рекурсивного процесса "движения" по нейронным сетям (уже на следующем шаге от рецепторов к биполярным клеткам, потом в постретинальных сетях к ганглиям) сменяется "описанием описания" первоначально воспринятого гештальта (точнее говоря, различия, контура, формы). Инореференция сменяется самореференцией. Тем самым словно бы исчезает прототип восприятия, собственно - внешний мир. В наблюдении наблюдения исчезает предмет, послуживший первоначальным импульсом процесса.

Существует и другое физиологическое объяснение "слепого пятна"¹⁸ (рис. 6), которое состоит в том, что изображение невидимой фигуры попадает на нечувствительный к свету участок сетчатки, откуда выходит зрительный нерв (См. рис.2).

Рис.2

Поражает, однако, то, что мы не видим никакого черного пятна или размытости. В этом случае мы бы видели, что мы что-то не видим. Мы, однако же, не видим того, что мы не видим, и именно благодаря этой "огромной дыре в зрительном поле" (следствие наличия зрительного нерва)¹⁹ и осуществляется процесс зрительного восприятия.

"Слепое пятно" (в абстрактном, метафорическом смысле) и есть то самое различие, которое делает возможным восприятие (познание) различного, но само - как познавательное средство - остается незримым. Так, и процесс наблюдения в ходе его осуществления сам остается ненаблюдаемым: "слепым пятном" наблюдения. Эти биологически и нейрофизиологически-фундированные исследования фон Ферстера, У. Матурана и Ф. Варела послужили отправными точками системного анализа общества у Н. Лумана. Мы сталкиваемся с необходимостью какой-то латентной функции, которая выступает общим условием восприятия и познания в широком смысле, но сама в буквальном смысле остается "невидимой". Луман называет это „*Invisibilisation*“, что в данной книге мы не очень точно перевели как "вуалирование". Такими "невидимыми медиумами" восприятия (в живых системах) и коммуникации (в социальных системах) и выступают смысловые различия или коды, которые дела-

218 **Послесловие переводчика**

4. АУТОПОЙЕЗИС. ПРОИЗВОДСТВО И КОНДЕНСАЦИЯ "СОБСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ"

Достижением кибернетики стало открытие "циркулярности" или "рекурсивности", свойственных биологическим организмам, машинам, математическим операциям, сознанию и коммуникации. Под этими понятиями понимаются определенные функции, которые поддерживают и возвращают систему в прежнее состояние, несмотря на внесенное в нее "возмущение". Такой подход (отождествление цели и причины, прошлого и будущего ориентиров поведения) позволял приписывать машинам цели ("биомимезис" - имитация жизни), а целеориентированное человеческое поведение можно было объяснить причинно. Таким образом, в циркулярных или рекурсивных процессах снимается различие между причиной и целью (*causa efficiens* и *causa finalis*). Ведь каждая операция использует в качестве цели результаты ее прошлого процесса, лежащие в прошлом, а значит, обуславливающие не только финально, но и причинно. Кибернетики сосредоточились на поиске этих "фиксированных точек" в поведении животных, в функционировании механизмов с "собственным поведением", "собственными значениями" - состояния, к которым система "стремится" и "умеет" возвращаться. В социальном мире этому соответствуют любые универсалии, идентичности, когнитивные инварианты, обозначения, - все то, что в староевропейской традиции называлось предметами, вещами и что в ее лумановской "редескрипции" следует интерпретировать как "знаки стабильного типа поведения", или "знаки собственного поведения" или, наконец, "собственные значения", о которых мы ведем речь. Процесс, который приводит к формированию "собственных значений", требует особой логической операции, которую Спенсер Браун назвал "конфирмацией", а Никлас Луман - "конденсацией".

Все эти рассмотренные выше биологические и математические понятия в синтетической форме Луман применяет в своей концепции смысловых систем, в которых угадывается понятие феноменологической редукции. Смысл - понятие, аналогичное рассмотренным выше "собственным значениям". Смысл "конденсируется" наподобие того, как в ходе бесконечного числа рекурсий, выстраивались "собственные значения" - средства связи

элементов системы:

"Мы повторяем одни и те же наблюдения, обнаруживая тем самым, подтверждаются они или не подтверждаются. Это ведет к "конденсации" смысловых единиц... Мы наблюдаем в разное время одно и то же, в различных ситуациях, с различных углов зрения. Это приводит к дальнейшему обогащению конденсированного смысла и наконец - к абстрагированию значе-

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 219

ния того, что в различных наблюдениях является как одно и то же. ... здесь не может быть достигнуто никакой уверенности в согласованности с внешним миром системы. Мы можем быть уверены лишь в том, что можно будет воспроизвести эти состояния".²⁰

Конденсация не является классическим логическим процессом. Отрицание отрицания, вслед за Спенсером Брауном утверждает Луман, является усилением отрицания (конденсацией отрицания), оно не приводит к позитивному результату. Это двойное отрицание собственно и является дефиницией "слепого пятна". Мы не видим того, что мы не видим, Другими словами: то обстоятельство (какое-то специфическое различие), что мы что-то не наблюдаем, и само остается вне нашего наблюдения.

Исходя из понятия "собственных значений" можно сформулировать и понятие *аутопойезиса*. Аутопойезис - это "такая организация, которая является своим "собственным состоянием", то есть таким производительным взаимодействием компонентов системы, результатом которого становятся именно эти компоненты. Набор явлений аутопойезиса чрезвычайно широк: кирпичный завод выпускает кирпичи, из которых он сам и строится; организм (органы и клетки), произведенный в результате взаимодействия органов и клеток; язык как особая система, позволяющая говорить о языке, то есть о самой себе, и - через язык - решать вопрос о том, что надо говорить, какие слова произносить. Функцией такого удвоения или раздвоения (дифференциации) всегда является воспроизводство целостности, порождающей ее элементы.

К такого рода явлениям относится и социология (как часть общества), выстраивающая свои теории общества, при том что сами эти теории являются коммуникативными актами, а следовательно, представляют собой такое же общество. И теория познания, анализирующая науку, сама является таковой и участвует в построении науки.

4.1 Аутопойезис коммуникации

Рассмотренная во введении самоприменимость социологической теории - лишь следствие того, что общество состоит из коммуникаций и помимо них в нем ничего нет. Коммуникация требует других коммуникаций, реагирует на прошлые коммуникации, избегает одни и подсоединяется к другим. Соответственно, задачей социологии является поиск законов связи коммуникаций, их неслучайных способов выстраивания, дифференциаций на типы (научные, политические, экономические и др.), фиксация ориентиров или кодов (коммуникативные медиумы: истина, власть и т. д.) для таких выстраиваний. Но эти задачи поисков "латентных кодов" коммуникации можно решить лишь на уровне наблюдения второго по-

220 Послесловие переводчика

рядка, посредством самонаблюдения. Поскольку социология сама является всего лишь особым от-дифференцировавшимся типом коммуникации, это еще раз показывает, что констатация всякого порядка есть произвольная (конструктивная) внутренняя функция самой системы. Порядок в обществе (как системе коммуникаций) обнаруживается (наблюдается, производится, конструируется) одной из подсистем коммуникаций, в данном случае: социологией.

Как уже отмечалось, такого рода самореференциальный характер свойственен не только системам коммуникаций, но присущ и биологическим системам (организмам), системам переживаний (сознанию), нейронным сетям и т. д. Это широкое понимание самореференциальности дает возможность примерно реконструировать генезис специфически-социальных коммуникативных связей (кодов-различий).

5. ЯЗЫКОВОЕ КОДИРОВАНИЕ И ЕГО БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

5.1. Эволюция эволюции и возникновение языкового кодирования

Во третьем разделе "Общества общества", выходящем в третьем томе продолжающегося издания книги, Луман вводит термин *эволюции эволюции*, или *эволюции эволюционных механизмов*. Речь идет, прежде всего, об эволюции коммуникативных кодов. Этот подход развивает и Г. Бейтсон²¹, концепция которого (правда, применительно к биологической

эволюции) в какой-то мере проясняет идеи Лумана.

Механизм наследования успешных мутационно-генетических трансформаций в его противоположность эволюции посредством "прижизненных" соматических изменений сам оказался успешным эволюционным достижением. Другими словами, эволюционно-успешной оказалась (мутационная) эволюция популяции, а не наследование соматических изменений в индивидуальном организме. Гипотетические эволюционные преимущества "не реализовавшейся" (но логически-возможной) соматической эволюции представляются невероятными, хотя и нет никакой *логической* необходимости в том, чтобы не наследовался прижизненно трансформируемый фенотип. Дело в том, что сами эти гипотетические эволюционные механизмы наследования признаков, приобретенных при жизни организма, не отвечали эволюционному критерию. Напротив, неэволюционный характер фенотипических трансформаций, ненаследуемость соматических изменений, их ситуативность и обратимость оказались эволюционно-успешными приобретениями.²²

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 221

Бейтсон рассматривает соматическое приспособление к текущим конкретным условиям как прото-научение. Генетическое же кодирование являет собой дейторо-научение, то есть приспособление не к конкретным условиям (которым соответствуют индивидуальные соматические реакции), а к классу условий (элементы класса: жизнь на высоте 100 м, жизнь на высоте 4000 метров и т. д.), которые задают рамки вариативности.

Но оказавшийся эволюционно-успешным механизм "дейторо-научения", то есть приспособление не к конкретному условию, а к их классу (к возможности жить и на равнине, и высоко в горах, и т. д.), в свою очередь, мутировал и в его рамках, наряду с прочими гипотетическими возможностями, возникла возможность, помимо генетического кодирования класса реакций, использовать механизм *языкового кодирования*. В результате эволюции эволюции (или эволюции механизмов эволюции) языковое кодирование оказалось эволюционно-успешным приобретением. Этот эволюционный механизм обеспечил возможность эволюции "собственных значений" нового типа, так называемых языковых кодов (слов, понятий, универсалий, который выступают средствами трансляции коммуникаций, то есть тем, на что ориентируются коммуникации в процессе образования их неслучайных последовательностей).

5.4 Биологический генезис языкового кодирования коммуникации

Этот переход от генетического кодирования реакций к языковому кодированию привел к тому, что биологические организмы научились в своем поведении изменять не только конкретные реакции, но менять (отрицать) целые классы своих реакций, что окончательно освободило его от генетически-заданной однозначно-реактивной определенности.

И языковое кодирование, и кодирование генетическое имеют между собой то общее, что всякому событию они приписывают одно из двух возможных референциальных значений, отрицательное и положительное. Заложённая в языке возможность сказать *да* или *нет* по отношению ко всему происходящему и произносящемуся своими корнями уходит в биологически и генетически определяемое движение в направлении *к* и *прочь от* объекта".

В этом смысле оба способа кодирования одновременно являлись способами конструирования, познания мира, поскольку своими "да"-реакциями и "нет"-реакциями (или, как скажет, Луман "да"-редакциями и "нет"-редакциями мировых реалий) удваивали его, создавали свою собственную внутрисистемную картину реальности. Кодирование - выступает средством замыкания системы в себе собой, ее от-дифференциации

222 Послесловие переводчика

от внешнего мира, ибо система способна выбирать между подтверждающим и отрицающим, между "да-интерпретациями" и "нет-интерпретациями" мира. Вся последующая эволюция будет происходить под знаком особенных манифестаций этих общих языковых особенностей. Например, такое "собственное значение" или языковой код, как "истина" (или коммуникативная ориентация на поиск истины) станет эволюционно-невероятным способом сказать "да" (или "нет") тому или иному коммуникативному предложению или научной концепции в рамках внутринаучных коммуникаций.

Итак, и генетические, и соматические типы приспособления (или кодирования своих реакций) можно рассматривать как формы первичного познания (или познавательных реакций) внешнего мира. Первое - кодирует класс возможных воздействий, второе - кодирует реакции на конкретные воздействия. Первое является потенциальным ответом на возможные реалии внешнего мира, второе - ответом актуальным. Соматическая реакция представляет собой активность выживания, что представляет собой актуальный познавательный ответ, актуальное приспособление к среде.

Различение актуальное/потенциальное в биологическом мире проявляется как различение соматическое/генетическое. Но эта же дифференция актуальное/потенциальное

(прошлое/будущее, константное/вариативное) конституирует и специфику социального, лежит в основе всех смысловых схем и различий, представляет собой то, что Спенсер Браун и фон Ферстер называли "исчислением форм". Речь идет о различии формы и ее "другой стороны", "неразмеченного пространства" - фундаментальные понятия, входящие в методологический аппарат Лумана. Остановимся на них подробнее.

Познание (наблюдение) в собственном смысле - т.е. приспособление к будущему, потенциальному, к неактуальному в данный момент - является функциональным эквивалентом генетического кодирования. Но данное кодирование осуществляется по-иному. Социальное кодирование коммуникации обеспечивает "подсоединение" одной коммуникации к другой, их осетвление и, в самой общей форме, также состоит в различии актуального и потенциального, то есть того, на что направлено актуальное наблюдение системы коммуникации и мира-горизонта, который как фон, как задний план только и обеспечивает возможность восприятия. Одна сторона кода (скажем, истина) символизирует "селегированные"²⁴ в ходе коммуникации истинные коммуникации, другая сторона кода истины (ложь, заблуждение, не-истинное) символизирует отвергнутые, то есть нерелевантные, не актуальные - в данной научной системе коммуникаций - коммуникативные выражения. Но эти коммуникации как раз и представляют "другую сторону" формы, горизонт истины, мир, вне контекста

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 223

которого и сама истина не имела бы смысла. Анализ не-истинного (или проверка истинного) необходим для понимания истины и выполняет рефлексивную функцию. В ходе такого обращения к тому, что являлось контекстом, другой стороной формы, система и осуществляет "кроссинг", пересечение своей собственной границы, о чем мы говорили выше.

Классическая эволюционная теория утверждала, что старое, то есть те свойства организма, которые уже выдержали проверку, вероятнее всего являются более жизнеспособным, чем то новое, что еще не проверенно в ходе взаимодействия фенотипа и среды. Но это, очевидно, неверно, поскольку не-реализовавшийся мир возможных генетических форм, несомненно, богаче и, очевидно, мог бы обеспечить более эффективную координацию организма и среды. Эволюционный успех общества (= коммуникаций), в его отличии от биологических организмов, зиждется на том, что, с одной стороны, оно пытается более активно реализовывать все возможные пути, а с другой, ориентируется не на удостоверенное, а на новое. Оно пытается как-то операционализировать и "виртуальный" мир еще-не-реализовавшихся возможностей.

В современном обществе, в процессе его коммуникативной селекции социальных событий, получила развитие другая версия отбора, которую Бейтсон назвал "патологией необузданного общественного развития". Новое, а не старое - удостоверенное и закрепленное отбором, уже в силу одного факта своей новизны признается более жизнеспособным (правда, на чрезвычайно короткое время) или желательным. Это разнообразие усиливается дифференциацией социальных систем и роста так называемой *комплексности* возможного, что требует ее редукции посредством образования новых коммуникативных кодов, приводящих к новой дифференциации и новому росту комплексности.

Поэтому классическая социологическая проблема социального порядка, проблема согласования расходящихся, разнообразных, контингентных перспектив и ожиданий, возникающих в ходе коммуникации в таком комплексном и функционально-дифференцированном обществе, как наше, является ключевой. Эта проблему Луман вслед за Парсонсом характеризует как проблему двойной контингенции (Doppelte Kontingenz).

6. ДВОЙНАЯ КОНТИНГЕНЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП

Двойная контингенция - одно из важнейших понятий в теории Лумана. Обычно, вслед за Парсонсом, с помощью этого термина характеризовалась коммуникация "взаимодействующих лиц" (interactors) со случайным набором контингентных ожиданий и диспозиций к действию. Проблема двойной контингенции не решается Луманом введением гипотетического

224 **Послесловие переводчика**

набора общих норм и ценностей. Двойная контингенция требует ориентации коммуникаций на общий для них коммуникативный код, который и позволяет "редуцировать комплексность контингентно-возможного", т. е., руководствуясь тем или иным смысловым различием (власть/безвластие, истина/ложь и т. д.), выбрать именно то действие или коммуникацию, которые в данном контексте (т. е. применительно к прошлым коммуникациям) имели бы смысл, т. е. были бы элементами системы. Этот код, с одной стороны, обеспечивает замкнутость и от-дифференциацию социальной системы, поскольку

благодаря ему в систему "попадают" ("подсоединяются к прошлым коммуникациями") исключительно те из них, которые, с одной стороны, этой системе "принадлежат", с другой - являются средством наблюдения: ограничения, различия, отличия "своего" от "чужого", что, впрочем, требует как-то "реферировать" и другую сторону формы, осуществлять "повторный ввод" отличенного в саму систему, выделяющую себя из внешнего мира.

Уже в биологической эволюционной теории двойная контингенция играет фундаментальную роль. В ходе биологической эволюции сталкиваются два массива случайностей: генные мутации и рекомбинации в половом воспроизводстве, с одной стороны, и случайностные отношения фенотипа и окружающей среды, с другой. Из хаоса этой двойной контингенции и возникает так называемый *эмерджентный порядок*. Случайные изменения или условия, которые накладывает среда (или отношение фенотип/среда), служат в качестве источника информации: ограничителями неопределенности. Они редуцируют комплексность нежизнеспособных вариаций на генном уровне. Случайные мутации, с другой стороны, тоже служат ограничениями, задают пределы соматических реакций (мышечная сила не может расти беспрестанно - как реакция на потребности выживания в среде).

Как уже было отмечено, генные мутации (кодирование) - обеспечивают "приспособление" к классу или некоторому множеству контингентно-возможных событий (возможных координаций фенотип/среда). Данном процессу, но на социальном уровне, соответствует коммуникативное приспособление ко множеству событий. Это обеспечивается социальным кодированием, где языковой код служит референцией для класса событий (коммуникаций, предметов, слов, явлений и т. д.). Рассмотрим это наглядно на примере, приводимом Г. Бейтсоном:

В Институте океана на Гавайях дрессировщики наблюдая за играми дельфинов, после совершения дельфином нового эффектного движения, подают сигнал свистком. Дельфин, повторяя это движение, получает пищу. После трех повторов оно считается разученным так, что по свистку может воспроизводиться на следующем представлении. Таким образом, дельфин выучивает некоторые простые правила, которые конденсируют его дей-

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 225

ствия, свист, демонстрационный бассейн и дрессуру в некоторый паттерн. Однако этот паттерн относится лишь к одному единственному эпизоду. Дрессировщики же хотели показать не выученные навыки, а сам процесс дрессировки и поэтому дельфин был вынужден постоянно отказываться от этого простого паттерна, чтобы оперировать с некоторым классом подобных эпизодов. На следующем представлении дельфин "по привычке" совершает знакомый, разученный на прошлом выступлении трюк, однако не получает свистка дрессировщика. На это он реагирует "ударом хвоста" - типичным выражением эмоции недовольства. И именно после этого действия следует свист, при помощи которого закрепляется данный вид эффектного поведения. На следующем представлении это воспроизводимое дельфином новое выученное действие (удар хвоста) вновь не получает поощрения. В конечном счете, дельфин научился иметь дело не с паттернами конкретного поведения, а с паттернами паттернов, классом возможных событий, и всякий раз, когда он попадал в демонстрационный бассейн, он изображал какой-то новый эффектный трюк".

На этом примере отчетливо виден переход (кроссинг) к новому типу ориентации, где ключевую роль играет не ориентация на установившиеся образцы, а ориентация на сам этот переход от одного образцу к другому. Свист символизирует теперь уже не конкретное действие, а переход от одного его типа к другому, символизирует и маркирует то, что Луман, вслед за Спенсером Брауном, называет процессом *пересечения границы формы от внутренней стороны к другой стороне формы*.

При этом рефлексировается (маркируется, получает имя) уже не та или иная сторона формы, а сама форма (различение), т. е. то, что делает возможным то или иное конкретное действие. Другими словами, в первом случае свист выступает в роли дифференции, символа, маркирующего конкретное действие, имеющее смысл в данном контексте, то есть внутреннюю сторону формы, и оставляющего в модусе потенциальности, горизонта все остальные возможные действия. Во втором случае, свист маркирует само различие между старым и новым, между типами старых, разученных, актуальных и новых, неопробованных, потенциальных действий. Дельфин ведь уже не просто различает между актуальным (выученным) трюком и потенциальным (всевозможными остальными "не поощряемыми" трюками), актуальным становится само различие между актуальным и неактуальным.

Итак, уже на биологической стадии мы в той или иной форме сталкиваемся с характерным для социального процесса наблюдения процессом „re-entry" (повторным входом) - процессом, который делает возможным возникновение порядка из столкновений массивов контингентного.

226 Послесловие переводчика

6.1 Социальный порядок и девиантность.

Такой новый тип "ориентации на новое само по себе" означал преодоление биологически определенной однозначности реакций и возникновение социальной контингенции, т. е. принципиально необозримых возможностей социального действия. Языковое кодирование было призвано "обуздать" возможный хаос, привносимый "двойной контингенцией", и обеспечить новый тип порядка. Для этого в системах коммуникации возникают собственные средства. С одной стороны, язык - с его возможностью двузначного ("да"/"нет") кодирования - создавал возможность отклоняющегося поведения, зарождения и от-дифференциации новых типов коммуникаций. Однако, как известно из многочисленных антропологических исследований, в примитивных обществах огромную роль играет именно позитивный полюс данного различия, мощнейшее интеграционное давление, возникающее в ходе интеракций²⁶. Именно это интеракционное давление и обеспечивало социальный порядок. Как же могла преодолеваться подобная социальная "стагнация" типов коммуникаций, а девиантность - получить легитимацию?

Двойная контингенция в биологии ограничивается половыми отношениями. ДНК соответствующих гамет обеих особей в ходе слияния хромосом словно "сравниваются" друг с другом и там, где различия между ними чересчур велики, оплодотворения не происходит. Таким образом, девиантное (крайне отклоняющееся, экстремальное) в свою очередь оказывается отклоненным. Поэтому должны существовать механизмы, благодаря которым "необузданные" мутации могли бы преодолевать барьеры половых отношений, могли бы возникать новые генотипы и закрепляться отклоняющиеся формы. В биологии таким механизмом может выступать близкородственное скрещивание, поскольку в этом случае крайности не отбраковываются - ведь у обеих особей они идентичны. В конечном счете, кроме "уродливых", эволюционно-обреченных форм выкристаллизовываются и новые, эволюционно-успешные формы. На биологической стадии именно это обеспечивает "вероятность" появления "невероятного".

Общество сталкивается со схожими трудностями. Ведь проблема контингенции на уровне простых социальных систем (интеракций - личных встреч) принуждает к согласию, силой мощного интегративного давления делает невозможным появление отклоняющихся форм, элиминирует возможности девиантного поведения, а следовательно, и дифференциацию социальных систем. Но что же тогда обеспечивает появление и закрепление "невероятных коммуникаций"? Как может осуществляться от-дифференциация систем специфических действий или коммуникаций, ориентированных на свои собственные специфические коды? Как может

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 227

отклоняться отклонение отклоняющихся "ожиданий"? Очевидно, что на социальном уровне должны существовать какие-то функциональные эквиваленты "близко-родственного скрещивания", которые бы лежали в основе появления и стабилизации новых типов социальных систем. Таким функциональным эквивалентом является случайная и сама по себе невероятная встреча ("подсоединение") родственных коммуникаций с ожиданиями, ориентированными на общий коммуникативный код. Условием эволюции (системной дифференциации, скажем, от-дифференциации системы науки) стал механизм, сделавший возможной саму по себе невероятную (ввиду временного фактора) коммуникацию между Лютером и Августином, Коперником и Николаем Кузанским, обеспечил бы "вероятность невероятного".

Таким механизмом, по мнению Лумана, стала изобретение письменности, и особенно - книгопечатания, обеспечивающие растянутое во времени сравнение (общих в своей девиантности) отклоняющихся "социальных генов" (ожиданий, предпочтений). Механизм редундантности (т.е. избыточности коммуникативных предложений, например, печатных книг) усиливал позиции нового типа коммуникации, обеспечивал Лютеру возможность сослаться на Августина, придавал Новому легитимацию "Старого". Письменность обеспечивала появление и стабилизацию (по крайней мере, на значительные промежутки времени) отклоняющихся коммуникаций, защищенных от давления, которое оказывается "современностью", от условий интеракции, личной встречи коммуницирующих лиц, сводящих вариативность лишь к одной единственной "да-редакции" обсуждаемого содержания.

Письменность сделала возможным *re-entry*, "повторный вход" того, что, несомненно, было бы отклонено на актуальной ("современной" для отклоненной коммуникации) стадии развития общества, сделало возможным кроссинг, пересечение границы формы и ориентацию на новые коммуникативные коды, возникновение и дальнейшую от-дифференциацию социальных систем.

***

Теория общества как социальной системы, которая своими корнями уходит в исследования математической и биологической кибернетики, вытекает из результатов научных исследований в области информатики и конструктивизма, в наши дни становится

ведущей парадигмой не только социальных наук, но и многочисленных культурологических исследований. Понимание же этой парадигмы весьма затруднено вследствие ее решительного размежевания с тем, что сам Луман называет "староевропейским мышлением", и, прежде всего с теоретико-познавательным реализ-

228 Послесловие переводчика

мом, апеллирующим к онтологии как незыблемому последнему основанию, не допускающего свободного конструирования. Мы надеемся, что переведенная книга, несмотря на трудности вводимого Луманом нового понятийного языка, даст возможность российскому читателю познакомиться с проблемами и подходами современной западной социологии и философии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Настоящее русскоязычное издание работы Н.Лумана выходит в пяти книгах (т. 1 : *Общество как социальная система*; т. 2: *Медиа коммуникации*; т. 3 : *Эволюция*; т. 4: *Дифференциации*; т. 5: *Самоописания*), каждый из которых составляет одна из глав оригинального издания (соответственно, Niklas Luhmann. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1997: (Erster Teilband) Vorwort, Kapitel 1 - *Gesellschaft als soziales System* (S. 11-189); Kapitel 2 - *Kommunikationsmedien* (S. 190-412); Kapitel 3 - *Evolution* (S. 413-594); (Zweiter Teilband) Kapitel 4 - *Differenzierungen* (S. 595-865); *Kapitel 5 - Selbstbeschreibung*(S. 866-1150). ¹ Сознание, субъект, системы переживаний не могут быть предметом социологии, ибо не принадлежат обществу, коммуникациям. Их определение как внешнего мира коммуникации вытекает из того, что они не способны "подсоединяться к коммуникациям", приносить в них свои операции, скажем, организовать коммуникативную последовательность *мысль-речь-мысль-речь*. Мысли идут своим чередом, образуя свой аутопоиезис, "подсоединяясь" друг к другу, а коммуникации - своим. Однако сознание или системы переживаний представляют собой необходимое условие коммуникаций. И все-таки между ними устанавливаются отношения "сопряжения", медиумом которого является, прежде всего, *язык*, равным образом использующийся и сознанием, и коммуникацией.

² Конечно, эти предметы репрезентируются и сознанием, однако, пока они не станут предметом коммуникативного обсуждения, они не просто иррелевантны, но и вообще - когнитивно недоступны.

³ См. настоящее изд., глава первая, сноска 20.

⁴ Понятие "собственных значений" ввел в оборот Хайнц фон Ферстер, система представлений которого послужила источником многих лумановских идей. См.: *Foerster, H. von. Observing Systems. Seaside Cal., 1981.*

⁵ Как мы увидим ниже, различие - фундаментальная когнитивная операция, делающая возможным наблюдение и, соответственно, обозначение чего-то в качестве такового (в качестве предмета, идентичности, различия и т. д.), является "слепым пятном", т. е. само ускользает от наблюдения.

⁶ Так ее определяет английский логик и математик Джордж Спенсер Браун, логико-математический аппарат которого служит Луману для формализации его идей. *Brown, GS. Law of Form, London, 1954.* Эту формулировку развивает американский биолог и психолог Г. Бейтсон, популяризирующий в своих бестселлерах сложные кибернетические идеи. Бейтсон приводит такие примеры: трещина, уже существующая на стекле (различие, неомогенность), в случае попадания в него камнем порождает другую трещину (другое различие), протекающую параллельно первой, а не "звезду", направление лучей которой было бы невозможно предсказать. Мы не можем предсказать момент и температуру кипения (то есть указать временные и температурные дифференции, выделенные точки), если воду тщательно отфильтровать, то есть создать гомогенную среду. Лишь наличие неравномерности, различия позволяет зафиксировать также и другие различия (например, определенную точку кипения, определенный временной параметр). На русском языке см.: Бейтсон, Г. Экология разума. М., 2000.

⁷ Представление о том, что *носитель* потенциальной информации ею и является, возникает, видимо, потому, что само различие *информативное/ неинформативное* всегда является "слепым пятном", исключенным третьим двух различаемых данностей. Благодаря этому различению, мы видим только информацию ("внутреннюю сторону формы") и отбрасываем (точнее, видим краем глаза) неинформативное ("другую сторону формы"), тогда как сам этот "код-различие", оставаясь "исключенным третьим", уходит от рефлексии.

⁸ *Foerster, H.v. Wissen und Gewissen. Versuch einer Brücke. Suhrkamp, 1993.*

⁹ Простым примером могут служить некоторые математические функции. Скажем функция $f(x/2+1)$ в случае ее самоприменения (при x , стремящимся к бесконечности, и при любом x_0) получает "собственное значение", равное 2. Пусть $X_0 = 0$. Тогда значение функции $(X_0/2+1)$ равно 1. Последнее значение (т. е. результат предшествующей операции) берем в качестве X . Тогда значение функции $(X/2+1)$ равно 1,5. Последнее значение (результат прошлой операции) берем в качестве X_2 . Тогда значение функции $(X /2+1)$ равно 1,75. Нетрудно понять, что при любых X_0 при многократном самоприменении функции ее значение приближается к граничному значению 2, что и является ее "собственным значением" - результатом множества рекурсивных операций.

¹⁰ *Foerster, v. H. Wissen und Gewissen. Versuch einer Brücke. Suhrkamp. 1991, S. 107.*

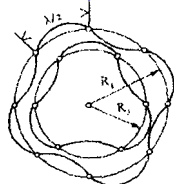
¹¹ Под внешним миром коммуникации вообще, в первую очередь, следует понимать человека (участника коммуникации, его организм, его сознание).

¹² Этот подход, к пониманию закрытого характера социальных процессов как основания для их автономии, дифференцированности, очевидно, является выражением более общей методологии. Для демонстрации этого обстоятельства фон Ферстер предлагает пример с волнами Де Бройля, тем самым иллюстрируя то, как *рекурсивность может служить основой дифферен-*

230 Послесловие переводчика

циации. Рекурсивность, ориентация будущего события на прошлое состояние, и лежит в основе автономии системы.

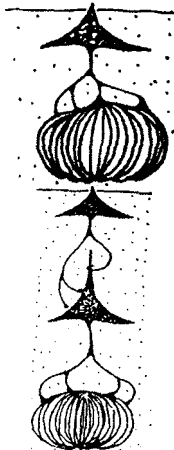
Если число волн (с соответствующей длиной) является целым числом, а следовательно, конец и начало волн совпадают друг с другом, то каждая орбита получает свой собственный радиус ("собственные значения": R_3, R_4) и именно такой, который не позволяет волнам усилить или погасить друг друга, а это и обеспечивает сохранение "автономии", "дифференцированности" орбит электронов. См.: *Foerster, H. v.* Цит. изд., S. 242. ¹³ Слова "познание", "обдумывания" - здесь, естественно, используются как метафоры.

¹⁴ До образования аксонов:

После образования аксонов:

¹⁵ Ответственные за самореференцию слои нейронов отделяются от внешних рецепторов, функция которых состоит в инореференции:

Так, у человека "всего" сто миллионов рецепторов, "имеющих дело" с внешним миром организма и отвечающих за "ино-референцию", соответствуют десяти миллиардам синаптических щелей, которые могут пониматься как "внутренние внешние миры" организма, осуществляют "описание описания описания ..." и актуализируют его "самореференцию".

¹⁶ Maturana, H.R., Uribe, G., Frank, A Biological Theory of Relativistic Colour Coding in the Primate Retina. Archivos de Biología y Medicina Experimentales, Santiago de Chile, 1968

¹⁷ Мир - эта та "единственная сущность, которая не определяется через различия". В традиции, по мнению Лумана, этому пониманию мира как горизонта предшествовало (функционально-эквивалентное) теологическое описание. Другими словами: прежде мир интерпретировался традицией с помощью понятия *Бога*. Ведь бога нельзя ни от чего отличить. Он включает все, даже дьявола. И поскольку вне бога ничего не существует, он допускает только внутренние различия. (Примерно так же понимается пространство у Аристотеля). Бог - последнее основание для различий, а сам не может быть ни от чего отличен. Но является ли тогда Бог - *бессмысленной* схемой, не имеющей своей "другой стороны"? Ведь всякая смысловая схема (различение) должна являть собой двустороннюю форму. Апофатичес-

Никлас Луман: Эпистемологические основания... 231

кое богословие как раз и занималось определением Бога через его "другую сторону", выискивая такие признаки, которые Богу не принадлежат. Теперь на место такого абсолютного, независимого от различий Бога заступила семантика мира - "неразмеченного пространства" для будущих различий.

¹⁸ Если одним глазом смотреть на определенную точку на расстоянии примерно сорока сантиметров, то изображение, помещенное справа от нее, становится невидимым.

¹⁹ Матурана, Р., Варела, Ф. Дерево познания. М. 2001. С. 16.

²⁰ Luhmann, N. Das Erkenntnisprogramm des Konstruktivismus und die unbekannt bleibende Realität. In: *Soziologische Aufklärung*, Bd.5, *Konstruktivistische Perspektiven*. Westdeutscher Verlag. 1991.

²¹ Bateson, G. Mind and Natur. A Necessary Unity. New York, 1980. p. 143.

²² Так, если бы такое адаптивное соматическое изменение как учащение пульса на высоте 4000 тысяч метров передавалось бы по наследству и генетически фиксировалось, то это отрицало бы саму возможность адаптации.

²³ "Конечные репрезентации (описания), которые производятся некоторым организмом, воплощаются в его движениях; логическая структура описаний вытекает, следовательно, из логической структуры движений. Известно, что присутствие воспринимаемого источника активности (Agens) в слабой концентрации может побудить организм к движению ему навстречу (приближение). Появлении того же источника в сильной концентрации может побудить этого организм от него удалиться (отдаление). Это означает, что "приближение" и "отдаление" суть предвестники выражений "Да" и "Нет". Эти две фазы элементарного поведения, "приближение" и "отдаление", составляют операциональный источник обеих фундаментальных аксиом двузначной логики, а именно "закона исключенного противоречия": $\neg(x \& \neg x)$ или словами "неверно, что X и не-X", а также закона исключенного третьего: $x \vee \neg x$ или словами: "X или не-X". Поскольку во внешнем мире ничего не соответствует отрицанию, то отрицания - как и другие "логические частички" (конъюнкция, дизъюнкция, импликация) - возникают внутри самого организма. Описания могут не только подтверждающими или отрицающими, но также истинными и ложными. Тем самым не только смысл (*Да* или *Нет*) описаний, но и их истинностное значение (истинно или ложно) сопряжено с движением (поведением)". Foerster, v. H. Bemerkungen zur Evolution des Lebens. Цит. изд. S. 130.

²⁴ Луман говорит об осуществляющейся в ходе коммуникации селекции, которую можно понимать, как функциональный эквивалент естественного отбора.

²⁵ Bateson, G. Mind and Natur. A Necessary Unity. New York, 1980. p. 176.

²⁶ Каждый знает, что в условиях личного общения согласиться проще, чем возразить.

Научное издание

Никлас Луман

Общество как социальная система [Общество общества. I]

Перевод с немецкого — А. Антоновского

Редакция перевода - А. Круглова

Редактор - О. Никифоров

Корректор — А. Кефал

Художник - А. Ильичев

Верстка — Издательство "Логос"

Издательство "Логос"

127644, г. Москва, ул. Лобненская, д. 18, стр.4

тел: 2461430; e-mail: oleg@gnosis.ru lettera@yandex.ru

Информация на сайте: www.gnosis.ru

ЛУЧШИЙ ИНТЕРНЕТ - ОТ КОМПАНИИ РИNET

<http://www.rinet.ru> тел: (095)2383922

В 2004 г. в издательстве «Логос» (Москва) выходят в свет:

-> Никлас Луман. *Медиа коммуникации*. [Общество общества. II]

-> Никлас Луман. *Эволюция*. [Общество общества. III]

-> Никлас Луман. *Дифференциации* [Общество общества. IV]

Справки и оптовые закупки по адресу:

м. "Парк Культуры", Zubovskiy b-p, 17, kom. 50

Издательство "Логос", тел: 2461430 ; ИТДК "Гнозис", тел. 2471757.

Книжная ярмарка "На Олимпийском", 3 эт, места 127, 183

(ООО"Традиция", тел.: 5133505, 8993-1757297)

Подписано в печать 31.05.2004. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 14,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 750.

Отпечатано - Издательство «Логос».

Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - вверху
update 23.12.06